

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Научный журнал
№ 4, 2019

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Шустова Светлана Викторовна** — главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Аверина Анна Викторовна** — заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)
- Алексеева Лариса Михайловна** — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Безукладников Константин Эдуардович** — доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
- Бартош Дана Казимировна** — доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)
- Зеленина Тамара Ивановна** — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)
- Иоселиани Аза Давидовна** — доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
- Комарова Юлия Александровна** — доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)
- Кондаков Борис Вадимович** — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Мишланова Светлана Леонидовна** — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Проскурнин Борис Михайлович** — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Семененко Наталия Николаевна** — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)
- Трофимова Нелли Аркадьевна** — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики)
- Файзиева Галина Владимировна** — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)
- Шутемова Наталия Валерьевна** — доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Платонова Елена Анатольевна** — ответственный секретарь, кандидат филологических наук (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Плюснина Екатерина Михайловна** — ответственный за сайт, кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
- Карзенкова Елена Петровна** — технический редактор, старший преподаватель кафедры русского языка и стилистики (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Ивашкевич Ирина Николаевна** — кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
- Магальянес Фернандо Латас** — доктор филологических наук, профессор (Испания, г. Мадрид, университет Complutense, факультет немецкой филологии, г. Севилья, Институт германистики)
- Мирчевска-Бошева Биляна** — ассоциированный профессор (Македония, г. Скопье, университет им. Св. Кирилла и Мефодия)
- Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна** — доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
- Нишнева Наталья Николаевна** — доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
- Табидзе Манана Шотаевна** — доктор филологических наук, профессор, действительный член Нью-Йоркской Академии наук, филолог-профессор (Грузия, г. Тбилиси, Грузинский университет им. св. Андрея Первозванного Патриаршества Грузии)
- Травински Беата** — доктор филологических наук, профессор (Германия, г. Маннгейм, Институт немецкого языка)
- Ходжиматова Гулчехра Масандовна** — доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
- Шавхелишвили Бела Абрамовна** — кандидат филологических наук, доцент (Грузия, г. Тбилиси, Сухумский государственный университет)
- Ши Хуншэн (Shi Hongsheng)** — профессор Научно-исследовательского института зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета, постдоктор Хэйлуцзянского государственного университета КНР (Китай, г. Аньхой, Аньхойский университет)
- Яхьяпур Марзие** — кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

© Редакционная коллегия, 2019

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».
Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Подписано в печать 13.12.2019. Дата выхода в свет 14.12.2019.
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 14,41. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Территория распространения — Российская Федерация.
Договор с НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКОЙ:
№ 422-10/2017 от 26 октября 2017 г. Научный журнал теоретических и прикладных исследований. Издаётся с 2017 года. Периодичность: с 2018 г. 4 раза в год. Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редколлегией.

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL
№ 4, 2019**

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD

Svetlana V. Shustova — Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Anna V. Averina — Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)

Larisa M. Alekseeva — Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Konstantin E. Besukladnikov — Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)

Dana K. Bartosh — Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Moscow, Moscow City University, Institute of Foreign Languages)

Tamara I. Zelenina — Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Aza D. Ioseliani — Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)

Yulia A. Komarova — Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)

Boris V. Kondakov — Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Svetlana L. Mishlanova — Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Boris M. Proskurnin — Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Natalia N. Semenenko — Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Stary Oskol, Belgorod State National Research University)

Nelly A. Trofimova — Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, St. -Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Galina V. Faizieva — Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)

Natalia V. Shutynomova — Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Elena A. Platonova — Executive Secretary, Ph. D. (Philology) (Russia, Perm, Perm State University)

Ekaterina M. Plusnina — Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Elena P. Karzenkova — Technical Reviewer, Lecturer (Russia, Perm, Perm State University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Irina N. Ivashkevich — Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

Fernando Magallanes Latas — Grand Ph. D. (Philology), Professor (Spain, Madrid, Complutense University of Madrid; Seville, University of Seville)

Biljana Mirchevska-Bosheva — Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Macedonia, Skopje, Ss. Cyril and Methodius University in Skopje)

Mekhriniso B. Nagzibekova — Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva — Grand Ph. D., Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Manana Sh. Tabidze — Grand Ph. D. (Philology), Professor, Member of New York Science Academy (Georgia, Tbilisi, Georgian University. St. Andrey of the First-Called Patriarchate of Georgia)

Beata Travinski — Grand Ph. D. (Philology), Professor (Germany, Mannheim, Institute of German Language)

Gulchehra M. Hodzhimatova — Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Bella A. Shavelishvily — Ph. D. (Philology), Associate Professor (Georgia, Tbilisi, Sukhumi State University)

Shi Hongsheng — Grand Ph. D. (Philology), Professor, Director of the Center for the Study of Russia, Postdoc of Heilongjiang State University of China (China, Anhui, Anhui University)

Yahyapur Marziye — Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Teheran, Teheran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	4
<i>Боронникова Н. В.</i> ТОПОНИМЫ С АРТИКЛЕМ В МАКЕДОНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ	4
<i>Исакова А. М.</i> СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ	14
(НА ОСНОВЕ ПОВЕСТИ ЛЬВА ДАВЫДЫЧЕВА «МНОГОТРУДНАЯ, ПОЛНАЯ НЕВЗГОД И ОПАСНОСТЕЙ ЖИЗНЬ ИВАНА СЕМЁНОВА, ВТОРОКЛАССНИКА И ВТОРОГОДНИКА»)	14
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА	21
<i>Архипова И. В.</i> ПРЕДЛОЖНЫЕ ДЕВЕРБАТИВЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЗАВИСИМОГО ТАКСИСА	21
ДИСКУРСОЛОГИЯ	27
<i>Карамова А. А., Хакимова Г. Ф.</i> ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ, СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ, ФУНКЦИИ	27
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	33
<i>Меньшакова Н. Н.</i> К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНА “FUTURES STUDIES” НА РУССКИЙ ЯЗЫК	33
<i>Пинягин Ю. Н.</i> ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПЕРЕВОДЕ	39
<i>Химинец Е. М., Чагина А. П.</i> ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО СОХРАНЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА М. ПУИГА «КРАШЕННЫЕ ГУБКИ»	50
<i>Шутёмова Н. В., Миниахметова А. Р.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДОМИНАНТНОГО КОНЦЕПТА ОРИГИНАЛА ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВЫ «ATTITUDES» НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ПОСОБИЯ Р. БАТТЕРФИЛЬДА «A PSYCHOLOGICAL PROFILE INTO THE CRIMINAL MIND»)	56
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	62
<i>Братухин А. Ю.</i> ОКСЮМОРОН В РАННЕХРИСТИАНСКИХ И ВИЗАНТИЙСКИХ ТЕКСТАХ	62
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	68
<i>Костыря А. В.</i> ДЖЕЙН ОСТЕН В ЗЕРКАЛЕ ИСПАНСКИХ МЕТАТЕКСТОВ	68
<i>Оглезнева Е. В., Руцкая Г. С.</i> ПСИХОЛОГИЗМ И ДЕТАЛЬ В РОМАНЕ Г. БЁЛЛЯ «НЕ СКАЗАЛ НИ ЕДИНОГО СЛОВА»	77
<i>Широкова Г. А.</i> ИЗОБРАЖЕНИЕ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ КАК ОСНОВООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В РОМАННОЙ КАРТИНЕ БЫТА И НРАВОВ АНГЛИИ	83
ЛИНГВОДИДАКТИКА	89
<i>Абдуллина А. Ш., Лысова О. В., Климина Ю. Е.</i> МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ОЛИМПИАДАМ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ	89
<i>Votintseva N. N., Khorosheva E. I.</i> INTELLECTUAL GAME AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF COGNITIVE ABILITIES IN THE LEARNING PROCESS	103
<i>Хорошева Н. В., Шутёмова Н. В.</i> ДИЗАЙН МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ «ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» ПО НАПРАВЛЕНИЮ 45.04.02 «ЛИНГВИСТИКА»	111
ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ	121
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ	124

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'26 — 615. 1

Боронникова Наталия Владимировна

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: +7(342) 2396417

E-mail: natboronnikova@rambler.ru

ТОПОНИМЫ С АРТИКЛЕМ В МАКЕДОНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Традиционно под именами собственными понимают класс единиц, являющихся носителями семантики единичности и уникальности. В связи с этой семантикой использование артикля при именах собственных оказывается излишним, однако речевая действительность часто противоречит этому правилу. Это связано, во-первых, с неоднородностью класса имён собственных, во-вторых, с самими условиями коммуникации. В некоторых ситуациях говорящий полагает, что без дополнительных дескрипций и индексальных средств он не будет понят собеседником, поэтому имена собственные употребляются с артиклем. В статье рассматривается один из разрядов имён собственных — топонимы, которые употребляются с артиклем в македонской разговорной речи. В качестве материала исследования используется материал из грамматик македонского языка, выборка из художественных текстов и интернет-источников. В результате анализа выявлена группа членных топонимов, в которых артикль выполняет структурную функцию, указывая на разряд имени собственного и его формальные характеристики (род, число), является показателем «ономатизации» имени нарицательного. Особенно явно это прослеживается у имён собственных, восходящих к именам нарицательным, или же при развитии у топонима переносного значения. Кроме того, в разговорной речи наблюдается «приращение» прагматических смыслов имени собственного за счёт сворачивания говорящим информации об отнесении того или иного названия к общему классу. Имя собственное, приобретая в контексте дополнительную семантику, способно выполнять идентифицирующую функцию и присоединять артикль. Также в контексте артикль является носителем указательной и эмфатической информации.

Ключевые слова: македонский язык, топоним, артиклевая форма, семантика, прагматика.

Введение

Имена собственные — класс существительных, обладающих единичной или уникальной референцией. Значением имени собственного, как полагал Б. Рассел, является указание на конкретный референт, являющийся носителем имени [Рассел, 1982, с. 48]. Референция имени собственного основана не на его смысле, а на внеязыковых знаниях говорящего [Падучева,

1985, с. 81], что противопоставляет его дескрипции, в состав которой входит общее (нарицательное) имя, обладающее смыслом и способное иметь определённую и неопределённую референцию.

Определённая и неопределённая референция выражается в артиклевых языках с помощью специальных средств. Так, отмечает П. Стросон, определённый артикль («тот самый») используется, если уже имела место предшествующая референция, и артикль сигнализирует о том, что производится та же референция, либо — при отсутствии предшествующей неопределённой референции — контекст (включая и предполагаемое у слушателя знание) должен определить для слушателя, какая именно производится референция. Неопределённый артикль («некий») используется, если указанные условия не выполняются, либо если мы не желаем раскрывать, кем именно является лицо, к которому производится референция, хотя и могли бы осуществить определённую референцию. В этом случае имеет место лукавое употребление таких выражений, как «некое определенное лицо» или «некто»: они разворачиваются в «некто, но я вам не скажу, кто», а не в «некто, но вам (или мне) неизвестно, кто» [Стросон, 1982, с. 83–84].

В связи с семантикой единичности и уникальности использование артикля при именах собственных часто оказывается излишним. По мнению О. И. Москальской, имена собственные лишены обобщающего значения, свойственного именам нарицательным, поэтому у них отсутствует категория определённости и, следовательно, артикль [Москальская, 1956, с. 35]. Однако В. С. Василевская и А. М. Скляренко полагают, что «языковая действительность противоречит такому, весьма распространённому, мнению. Некоторые ономастические категории в большинстве артиклевых европейских языков обычно имеют членную форму, например названия рек, горных цепей, собственные имена *Pluraliatantum*, микротопонимы и другие» [Василевская, Скляренко, 1979, с. 64]. Это, по мнению авторов упомянутой статьи, связано с тем, что «собственные имена отнюдь не представляют собой гомогенной массы. Они отличаются друг от друга по многим аспектам и, в частности, по степени «ономатизации». Разделение существительных на собственные имена и нарицательные является четким и последовательным только для «полярных» явлений, резко различающихся своими свойствами. Значительная часть субстантивов имеет промежуточный статус, тяготея в той или иной степени и к апеллятивной сфере лексики, и к ономастической» [Там же, с. 56–57]. Так, близки к именам нарицательным некоторые микротопонимы с прозрачной этимологией, образованные путём метонимизации, наподобие *Плоштадот*, поэтому употребление артикля здесь вполне объяснимо. Кроме того, в зависимости от условий коммуникации, когда говорящий полагает, что без дополнительных дескрипций и индексальных средств он не будет понят собеседником, имена собственные употребляются с артиклем. В статье рассматривается употребление топонимов — наименований географических объектов — с артиклями в разговорных текстах современного македонского языка.

Основная часть

В традиционных грамматиках македонского языка (см. например, работы Б. Конеского, Р. П. Усиковой, Л. Миновой-Гюрковой) фиксируются случаи использования имён собственных с артиклями. Так, Л. Минова-Гюркова выделяет географические

наименования, употребляющиеся в членной форме (*Алпите*, *Андите*, *Балканот*, *Карпатите*, *Родопите* и прочие), которые противопоставляются именам, используемым без члена: *Куманово*, *Мариово*, *Скопска Црна Гора* и т. д. Р. П. Усикова среди членных топонимов упоминает наименования гор, территорий, морей и океанов: *Алпи(те)*, *Балкан(от)*, *Пацифик(от)*, *Јадран(от)*, *Антили(те)*, *Антарктик(от)*, но *Антарктида* — без члена [Усикова, 2003, с. 139].

Также грамматисты говорят о возможности употребления членной формы с экспрессивным значением: *И Скопјево е за никаде со загаденоста!* [Усикова, 2003, с. 139]; *Ај да се сневиди и Скопјево*. — *Ај да се запусти и Вардарот* [Конески, 1967, с. 238]; *Охридот* [Минова-Ѓуркова, 2007, с. 84].

Как показывает материал, в состав членных топонимов в македонском языке входят наименования морей, океанов, гор, островов, полуостровов, некоторых материков м. р. *singularia tantum*: *Јадранот*, *Балтикот*, *Пацификот*, *Антарктикот*, *Арктикот*, *Атлантикот*, *Балканот* и другие; наименования горных цепей, островов *pluralia tantum*: *Ардените*, *Проклетиите*, *Хималаите*, *Родопите*, *Карпатите*, *Алпите*, *Динаридите*, *Таврите*, *Канарите*, *Филипините* и другие; названия географических областей ср. р. и ж. р. *singularia tantum*: *Средоземјето*, *Повардарието*, *Приморјето*; *Тиквешијата*, *Малешевијата*; названия стран (преимущественно включающих несколько административно-географических единиц, имеющих в составе названия родовой термин): *Соединетите Американски Држави* и др.; микрообъектов, в том числе отапельлятивных с прозрачной внутренней формой: *Исарот*, *Калето*, *Плоштадот*, *Чинарот*, *Саат Кулата* и другие. Артикль, употребляясь с топонимами с неясной этимологией, выполняет, скорее структурную функцию — указывает на форму имени существительного. При номинации микрообъектов с прозрачной внутренней формой указывает на то, что имя нарицательное выступает в качестве собственного.

Способны употребляться с артиклем топонимы, состоящие из атрибута и родового термина: *Атлантски(от) Океан*, *Бајкалско(то) Езеро*, *Охридско(то) Езеро*, *Преспанско(то) Езеро*, *Црно(то) Море* и т. д. Вероятно, в этом случае следует говорить о том, что использование дескрипции в составе наименования приводит говорящего к желанию идентифицировать референт, поскольку имеется множество морей, озер, океанов, из которого выделяется идентифицируемый объект.

Во всех вышеперечисленных случаях артикль не имеет дополнительной семантической нагрузки. Однако иногда использование членной морфемы выполняет прагматическую функцию, именно эти случаи являются предметом нашего внимания. Это ситуации, когда членная морфема присоединяется к именам собственным, которые по правилу не употребляются с артиклем: названия городов, стран, не состоящих из множества частей, горных вершин, названия рек и пр. (*Битолата*, *Македонијава*, *Вардаров*, *Драгорот*, *Охридот*, *Скопјето*, *Пелистерот*, *Бугаријава*, *Дримон* и другие). Или же когда говорящий вместо нейтральной членной формы с *-т* употребляет пространственно маркированные формы (например, *Балканов*, *Дримон*).

Вводя то или иное понятие, значимое для него, говорящий реализует интродуктивную функцию. Как правило, он говорит о стране, где живёт или находится; о реке или горе, которая является знаковым объектом той или иной местности. Полагая, что слушающий не

знаком с референтом, говорящий использует аппозитивные дескрипции наподобие *река(та) Вардар, град(от) Битола, држава(та) Македонија*. Ему необходимо «вписать» топоним в класс соответствующих объектов, поэтому используется родовое название. Использование же их с определённым артиклем или в общей форме подчиняется общим правилам употребления имени в контексте.

Если же отправитель сообщения знает, что слушающий владеет информацией о референте, если включает собеседника в число «своих», «осведомлённых», родовой термин не используется, однако в составе именной группы возможно употребление атрибутов в членной форме (*нашето Скопје*). При инверсии артикль переходит на первый член именной группы:

(1) *Ај да прашам... иде први мај...ме интересираат убави места во околина на Скопјево наше, покрај нашите легендарни Матка и Водно...други места убави?*¹ «Дайте-ка я спрошу... приближается Первомай... меня интересуют красивые места в окрестностях нашего Скопье, есть ли, кроме наших легендарных Матки и Водно, другие красивые места?» (<https://forum.kajgana.com>).

Интересны случаи, когда именная группа состоит только из топонима и артикля. Здесь происходит так называемое «семантическое свертывание» [см. Кравец, эл. р.] прагматической информации, восстановить которую можно из контекста. Так, в следующем тексте говорящий употребляет название реки Дрим в членной форме:

(2) *Струга е најубав град. Не затоа што моето потекло е од таму, има доволни причини и без тоа да го пишувам постов. Кој може да одолее на убавините на Дримот кој истекува од езерото? На глетката од хотелот Београд кој е пласиран во чаршијата? Кој може да рече дека Струга не е убав град и откако ќе ги види вљашените лица од природните убавини на светските поети кои доаѓаат од "крају света" за Струшките вечери на поезијата? Иако живеам во Скопје, Струга за мене е најубав град и нејзиното име во мене побудува емоции кога и да се спомне и секогаш ќе има посебно место во моето срце.* «Струга — это лучший город. И не только потому, что я родом оттуда, достаточно причин, чтобы написать этот пост. Кто сможет устоять перед красотой Дрима (реки Црн Дрим — Н. Б.), вытекающего из озера? Перед видом отеля “Белград”, расположенного в чаршии? Кто может сказать, что Струга нехороша, когда увидит ошеломленные природными красотами лица участников Стружских поэтических вечеров, приезжающих со всех уголков планеты? И хотя я живу в Скопье, Струга для меня — это лучший город, и упоминание её названия всегда пробуждает эмоции, она всегда будет занимать особый уголок в моём сердце» (<https://forum.kajgana.com>). Полное название реки Црн (иот) Дрим здесь «редуцировано» до имени собственного — Дрим. Артикль указывает на определённую референцию имени, его употребление оказывается структурно необходимо, поскольку далее следует определительное придаточное, поясняющее имя. В качестве имплицитной информации важным является отнесение референта к классу рек.

Наиболее отчётливо эта «свёртка», отнесение к классу, прослеживается в нижеследующем примере. Говорящий, житель г. Битола, использует наименование реки, протекающей в городе, — Драгор — в членной форме:

¹ В примерах с форума сохраняется авторская орфография и пунктуация.

(3) *Си го имама Драгорот, особенно кога ќе врне, оти инаку повеќе си го немаме отколку што си го имама.* ‘Да, Драгор-то (в значении ‘река’ — Н. Б.) у нас есть, особенно когда дождь пройдет, а вообще его у нас, скорее, нет, чем он есть’ (<https://forum.kajgana.com>). Имя собственное в данном контексте, скорее, демонстрирует «апеллятивное» значение (‘река’), кроме того, передаёт саркастическое отношение говорящего к предмету речи.

При метонимическом использовании топонимического названия использование артикля говорящему кажется необходимым. Так, в нижеследующем примере название города Охрид используется как разговорное обозначение Охридского озера. И поскольку названия водоёмов м. р. (сравните: *Антантикот*, *Пацификот*) способны употребляться с артиклем, говорящий вполне естественно использует в этих контекстах членную форму:

(4) *Тоа е. Реалност. Зошто да не види САД или пак светот што се случува over there? Конкретно кај нас, континуирано имаше снимки од безживотни тела кои лебдаат во Охридот. Како дел од хорор беше, for crying out loud.* ‘Так. Это реальность. Как будто не видят США или же мировая общественность, что происходит overthere? А конкретно у нас постоянно публикуют снимки безжизненных тел, лежащих на поверхности Охридского озера. Словно это кадр из фильма ужасов, for crying out loud’ (<https://forum.kajgana.com>).

Топонимы *Егејот* и *Охридот* также можно трактовать как названия побережий Эгейского моря и Охридского озера:

(5) *Оние кои тогаш кога Македонија беше пред најголемата опасност, седеа како волови по скопските кафеулиња и игра спортска. Оние кои се сончаа на Егејот, на Охридот...* ‘Те же, ктотогда, когда Македония находилась в большой опасности, сидели, как волы, по скопским кафе и делали ставки. Те, кто жарился на Егейском и Охридском побережьях...’ (<https://forum.kajgana.com>). И в этом случае артикль вновь выполняет структурную функцию.

Часто у топонима с артиклем проявляется семантика «посессивности». Для говорящего важно подчеркнуть, что он родом из тех мест, о которых идёт речь в тексте. Менее ярко посессивное значение обнаруживается у нейтральной членной морфемы -т, ориентированной на фоновые знания слушающего, а вот пространственно маркированные формы -в и -н указывают либо на подчеркнутую близость говорящего к референту, либо же, наоборот, на дистанцированность.

(6) *Си имама технички факултет кој што го завршуваме по едно седум осум години и кадешто си пишме квадрати и си седиме во бифето со асистентите и си пиеме долгомакијатосотпломлеко и чашаводасомраз. Освен тоа со долготомакијато си пиеме и кокаколасодвекоцкимраз и со џефка и си пушиме босво меко или родеолајтс. Во случај да емигрираме некаде во иднина многу ни е мака што не прават баи такво кафе какошто ни праеја во Битолата.* ‘Есть у нас технический факультет, который мы заканчиваем где-то за семь-восемь лет, где решаем квадратные уравнения и сидим в буфете с ассистентами и попиваем себе большоемакиатостеплыммолоком и стаканомводысольдом. Кроме большогомакиато пьем и кокаколусдвумякубикамильда и с трубочкой и курум боско лёгкие или родео лайт. В случае когда эмигрируем куда-нибудь в будущем, очень нам тяжело оттого, что нигде не делают именно такой кофе, какой делали у нас в Битоле’ (у нас дома, в Битоле. — Н. Б.)’ (<https://forum.kajgana.com>).

Семантика посессивности часто сопровождается положительной или отрицательной коннотацией:

(7) *Ех што има да се зборува за Охридот прекрасен град, со прекрасни места в последно време на лето и добри журки. Ма супер е Охрид!!!* ‘Эх, об Охриде (известном тебе. — Н. В.) и говорить нечего: прекрасный город, с прекрасными местами, а в последнее время летом там и отличные тусовки. Охрид просто супер!!!’ (<https://forum.kajgana.com>).

(8) *Абе то е Битолата една иста шема ретко нешто интересно се случва* ‘Ну это же [наша] Битола, все одно и то же, редко что-то интересное случается’ (<https://forum.kajgana.com>).

Наиболее отчётливо семантика посессивности (‘мой, наш, я здесь нахожусь’) прослеживается в контекстах, где используется членная форма с **-в**, указывающая как на пространственную, так и на «духовную» близость идентифицируемого референта:

(9) *Првото прашање е: Што е ова што нè опкружува?*

– *Мојата соба! Во Скопје! — ми излета, не сакајќи, првата очигледност, а тој не можеше да издржи да не се изнасмее.*

– *Добро. А твојата соба е дел од...?*

– *Од зградава, од Скопјево, од Македонијава... — почнав да се колеbam бидејќи не говиот посмешлив поглед велеше дека не е восхитен од одговорот. Нешто како малечко пламенче во неговото лево око ми велеше дека тој, всушност, не бара буквален одговор. Тоа пламенче игриво ме тераше да трчам напред со мислата...*

– *Од светот, од природата! — клапнато реков знаејќи дека е тоа крај до каде требаше да ме однесе прашањето...* ‘Первый вопрос: Что нас окружает? — Моя комната? В Скопье! — вылетел у меня непроизвольно первый очевидный ответ. Он не смог сдержать смех. — Хорошо, а твоя комната — это часть...? — Нашего дома, Скопье, Македонии... — я начала колебаться, потому что его взгляд говорил, что он не очень-то доволен ответом. Искорка в его левом глазу подсказывала, что ему вообще-то не нужен буквальный ответ. Эта искорка играючи заставляла меня думать... — Мира, природы! — устало выдохнула я, уже зная, что это правильный ответ... ’ (Влад., 87–88).

(10) *Секое место си има своја посебна убавина. Секој треба да е горд на своите корени односно местото од кадешто потекнува. Текстот е твој поглед, твое видување и твои доживувања како „провинцијалец“ на Скопјево. Јас сум од Скопје и сум горда што сум од Скопје. Тоа е она место кадешто сум се родила, кадешто сум израснала и ќе останам горда, исто како што и Струмикс останал горд на своето потекло од Струмица, што е прекрасен град...* ‘У каждого места есть своя особая прелесть. Каждый должен гордиться своими корнями, а точнее, местом, откуда он родом. Этот текст — это твой взгляд, твое видение и восприятие как “провинциала” нашего Скопье. Я из Скопье и горжусь тем, что из Скопье. Это место, где я родилась, выросла, я всегда буду им гордиться, так же, как Струмикс гордится своей родной Струмицей, которая действительно прекрасный город’ (<https://forum.kajgana.com>).

(11) *Абе нема тшо да се кажит за Охрид. Најубав град во Македонија и меѓу најубавите на Балканов. Се гордеам шо живеам во Охрид.* ‘Ну что сказать об Охриде. Это красивейший город в Македонии и один самых красивых у нас (здесь) на Балканах. Я горжусь тем, что живу в Охриде’ (<https://forum.kajgana.com>).

(12) *Во кафуле, летово, на домашна сцена:*

– *Дете, мене еден сок од патлициани и вотка?*

– *Мислите, џус!?*

– *Џус, или ѓус? Добро де, сок од патлициани.*

– *Нема.*

– *Како, бе, нема?*

– *Нема. Не може да се најде никаде низ градов.*

– *Како не може? Да не немаме доволно патлициани овде во Македонија, па што не може сок од нив да се најде!?*

Детето резигнирано ги подига рамената. Крај на дијалог листата. ‘В кафешке этим летом, на «домашней сцене» (В Македони. — Н. Б.):

– *Парень, а можно мне томатного сока с водкой?*

– *Вы имеете в виду джус!?*

– *Джу-ус? Ну ладно, сок из помидоров.*

– *Нет.*

– *Как это так нет?*

– *Нет. И нигде в городе не найдете.*

– *Как это? Неужели у нас здесь, в Македони, такой дефицит помидоров, что томатного сока не найти?*

Малый апатично пожимает плечами. Конец записи диалога’ (Мих.,65). Использование указательного наречия и пространственно маркированной членной форме в одном контексте способствует усилению пространственной семы членной морфемы *-в*.

Пространственное значение явно прослеживается при употреблении топонимов с *-н*:

(13) *Викендов бев во Струга град во кој не сум бил точно од 1993. Прошетав троа малце по Дримон. Вечерта бев во Сипета мавнав едно 6–7 Цек-а и се направив ракета земја-воздух-вода несвојствено за мојата конзервативна природа и куд, па пеев и караоке на што добив квалитетен струшки сеур и уште поголем аплауз. Одлични луѓе одлична вечер. Нареден ден на кафе во Адмирал тука на енсеро. Асален викенд. Само навечер на кеј јата чавки го покриваат небото. Хичкок ја утнал локацијата за снимање на Птици. ‘На выходные ездил в Стругу, в город, в котором не был точно с 1993. Прогулялся чуток там по Дриму. Вечером был в Сипета, пропустил 6–7 стаканчиков виски блэкджэк и превратился в ракету «земля-воздух-вода», что вообще-то не свойственно моим консервативным натуре и характеру, потом пел в караоке, благодаря чему собрал вокруг себя всех стружских зевак и сорвал громогласные аплодисменты. Отличные люди, отличный вечер. На следующий день сидел в кафе «Адмирал», тут, на озере. Отпадные выходные. Только вечером на набережной небо темное от стай галок. Думаю, что Хичкок промахнулся с выбором места для съемок «Птиц»’ (<https://forum.kajgana.com>) е да чавки имат премногу покрај Дримон 😊 лошо е ако почнет да бомбардирет. ‘ Дааа, галок там, у Дрима, туча. Плохо, если начнется “бомбежка”’ (<http://forum.kajgana.com>).*

(14) *Тегли право Скопје, ќе го бараш Пулигаз, името мое ќе му го спомнеш, белким ќе се сети Пулигаз, тој ти е глава голема, ама малку тврда, матна, двапати името да му го споменеш, бргу заборави Пулигаз вол во газ не знае да убоде, офтика фатив дур го научив*

права — крива да исправа на аналфабетскиот курс во Битола четириесет и осмата (јали и деветтата) ама сега манукот жару и пали по Скопјено, голема сверка стана, од Водно ќе прдне — дур до Вевчани, Октиси и Косел ќе засмрди... ‘Отправљайся-ка напрямиком в Скопье, разыщи там Пулигаза, скажи, что от меня, если, конечно, вспомнит меня Пулигаз, башка у него большая, но малость туповатая, мутная. Дважды моё имя ему повтори: до него долго доходит, зато он быстро всё забывает, дубина. Ох, и намучился я, пока его читать-писать учил в Битоле в сорок восьмом (или сорок девятом). А сейчас детина — царь и бог там в Скопье, большим человеком стал, на Водно воздух испортит (Водно — район в Скопье, где жили влиятельные люди. — Н. Б.) — дух аж в Вевчани, Октиси и Коселе стоит (села на юго-западе Македонии. — Н. Б.)’ (Крст., 75).

В подчеркнута разговорных контекстах с «двойной определенностью», где указательная и идентифицирующие функции распределяются между указательным местоимением и членной морфемой, наблюдается эмфаза. Подобные контексты, как правило, обладают повышенной экспрессивностью:

(15) *Немаше бе такви, јас барем не сретнав ни еден иако бев три месеци по тоа Дебарот, Тетовото и на Шапка, ни еден од овие странциве не сретнав, имаше Роми, Турци или Власи и по некој Албанец на наша страна ама сите од Македонија.* ‘Ну не было же таких, я, по крайней мере, не встретил ни одного, хотя и был три месяца именно там, в Дебаре, Тетово и на Шапке, но ни одного из этих самых иностранцев не встретил. Были цыгане, турки, влахи, встречались сочувствующие нам албанцы, но все из Македонии’ (<https://forum.kajgana.com>).

Вероятно, в подобных контекстах таким образом маркируется дистанцированность от обозначаемого объекта, для говорящего оказывается важным отделить себя от собеседника, поэтому он использует эмфатические средства:

(16) ... *Ауууу ама си ме разочарал, еј! Значи тоа Битолата стварно те има осакатено. Тешко на Битолчанки со вакви Битолчани.* ‘Оооо, как же ты меня разочаровал! Значит, там в этой самой Битоле действительно тебя изувечили. Тяжело битолчанкам с такими битолцами’ (<https://forum.kajgana.com>).

(17) ... *а ти во тој Охридот твој одиш мора да има проблеми со Спорт Клуб каналите таму...* ‘... а ты в этот твой Охрид едешь, там должны быть проблемы со Спорт-Клуб-каналами...’ (<https://forum.kajgana.com>); ...*леле тој Охридот ваи врие бе педофили, да се плашеш на улица да поминеш...* ‘...ой, этот самый Охрид ваш кишит педофилами, по улице опасайся пройти...’ (<https://forum.kajgana.com>).

Заклучение

Топонимы в македонском языке довольно часто используются в членной форме, что говорит о «проницаемости» границы между именами нарицательными и именами собственными. В ряде случаев членная морфема выполняет структурную функцию, указывая на разряд имени собственного и его формальные характеристики (род, число). Иногда она является показателем «ономатизации» имени нарицательного, особенно явно это прослеживается у вторичных имён собственных, восходящих к именам нарицательным, или же при развитии у топонима вторичного значения.

Кроме того, в разговорной речи наблюдается «приращение» прагматических смыслов имени собственного за счёт сворачивания говорящим информации об отнесении того или иного названия к общему классу рек, вершин, городов, стран и пр. Имя собственное, приобретая в контексте дополнительную семантику, способно выполнять идентифицирующую функцию и присоединять артикль.

Наличие в македонском языке членной формы трех типов, указывающих на степень удалённости референта от говорящего, позволяет ему актуализировать сему посессивности. Наиболее явно она проявляется в контекстах с показателями проксимальности и дистальности. Кроме того, в подобных контекстах часто обнаруживаются экспрессивное и оценочное сознания. В контекстах подчёркнуто разговорного характера встречаются также двойноопределённые эмфатические синтагмы.

Список литературы

1. Василевская В. С., Скляренко А. М. Об артикле в топонимии // Вопросы ономастики. Свердловск: Изд-во «Уральский государственный университет», 1979. С. 56–64.
2. Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје: Култура, 1967. Дел I-II. 552 с.
3. Кравец А. С. Имена и дескрипции: семантическая свертка. URL: <http://www.rciabc.vsu.ru/irex/pubs/kravets1.htm> (дата обращения: 26.08.2019).
4. Минова-Ѓуркова Л. Граматика на македонскиот стандарден јазик за странци. Скопје, 2007. 537 с.
5. Москальская О. И. Артикль в немецком языке // Иностранные языки в школе. 1970. № 4. С. 35.
6. Падучева Е. В. Выказывание и его соотносённость с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). Москва: Наука, 1985. 272 с.
7. Рассел Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Москва: Радуга, 1982. С. 41–54.
8. Стросон П. Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Радуга, 1982. Вып. 13. С. 55–86.
9. Усикова Р. П. Грамматика македонского литературного языка. Москва: Муравей, 2003. 376 с.

Список источников

1. <https://forum.kajgana.com>.
2. Влад. — Владова Ј. Девојчето со две имиња. / Романи за деца (II) Битола: Микена, 2008.
3. Мих. — Михајловска-Георгиева Ј. Огледала: лудо билје. Скопје: Табернакул, 1994.
4. Крст. — Крстевски Х. Ветришта над Равен. Битола: Микена, 2008.

Список словарей

1. Дигитален речник на македонскиот јазик. URL: <http://www.makedonski.info>.
2. Мургоски З. Толковен речник на современiot македонски јазик. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2011.
3. Толковен речник на македонскиот јазик / Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков». Т. I. А-Ж. Скопје, 2003; Т. II. З-К. Скопје, 2005; Т. III. Л-О. Скопје, 2006; Т. IV. П. Скопје, 2008; Т. V. Р-С. Скопје, 2011; Т. VI. Т-Ш. Скопје, 2014.
4. Усикова Р. П., Шанова З. К., Верижникова Е. В., Поварница М. А. Македонско-русский словарь. Москва: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Boronnikova N. V.

Ph. D. (Philology,)

Perm State University

TOPONYMS WITH ARTICLES IN MACEDONIAN COLLOQUIAL SPEECH

Traditionally, proper names are understood as a class of units that are carriers of semantics of uniqueness and individuality. Due to this semantics, the use of the article for proper names is superfluous, but speech reality is often contrary to this rule. This is due, firstly, to the heterogeneity of the class of proper names, and secondly, to the very conditions of communication. In some situations, the speaker believes that without additional descriptors and indexical expressions, he or she will not be understood by the interlocutor, and therefore his or her proper names are used with the article. The article considers one of the categories of proper names — toponyms, which are used with the article in Macedonian colloquial speech. As a research material, the author of the article uses material from Macedonian grammars, a sample of literary texts and Internet sources. As a result of the analysis, a group of member toponyms was revealed. In this group of member toponyms the article performs structural function, indicating the category of the name and its formal characteristics (gender, number), it is an indicator of the "onomatization" of the common name. It is especially the case with proper names of the common denomination or in the development of the toponyms with the figurative meaning. In addition, in colloquial speech there is an "increment" of pragmatic meanings of a proper name due to the fact that the speaker minimizes the information about the reference of this or that name to the general class. By acquiring additional semantics in a context, a proper name can perform an identifying function and use an article. In the context the article is a carrier of indexical and emphatic information.

Keywords: Macedonian language, toponym, article, semantics, pragmatics.

УДК 81'1

Исакова Анна Михайловна

Магистрант, филологический факультет,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
618740, г. Добрянка, пер. Строителей, д. 1
Тел.: +7 (342)2396417
E-mail: anna.isakova.1998@mail.ru

**СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ
(НА ОСНОВЕ ПОВЕСТИ ЛЬВА ДАВЫДЫЧЕВА
«МНОГОТРУДНАЯ, ПОЛНАЯ НЕВЗГОД И ОПАСНОСТЕЙ ЖИЗНЬ
ИВАНА СЕМЁНОВА, ВТОРОКЛАССНИКА И ВТОРОГОДНИКА»)**

В статье исследуется феномен языковой игры в художественном произведении. Материалом послужила повесть пермского советского детского писателя Льва Ивановича Давыдычева «Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семёнова, второклассника и второгодника», в которой языковая игра является одним из способов создания характеров персонажей, обеспечивает идейно-тематическое и эстетическое единство произведения. Объектом анализа стали способы создания языковой игры, классификация которых составляет в соответствии с уровнями системы русского языка: фонетическим, морфологическим, словообразовательным, лексическим, текстовым. Разработанная классификация отражает разнообразие способов создания лингвистической игры и широту её использования. Выявляется авторская установка на опознаваемость: в языковом коде произведения заложены прототипические черты (имитативный принцип по классификации Т. А. Гридиной). Было определено, что на характер изучаемого явления влияют и особенности авторского идиостиля. В ходе исследования было установлено, что анализ текста лишь с лингвистической точки зрения недостаточен, поэтому при рассмотрении способов создания языковой игры часто учитывались и содержательные стороны текста, широкий контекст употребления. В результате работы были определены функции, выполняемые языковой игрой в литературном тексте: создание стилистического эффекта, порождающего комический эффект; характеристика героев произведения и автора-повествователя; выполнение графической языковой игрой структурообразующей функции. В исследовании применяются методы компонентного и контекстного анализа для рассмотрения случаев использования в художественном произведении языковой игры, её специфики, функций и целей употребления; а также метод лингвистической классификации.

Ключевые слова: языковая игра, речетворчество, система русского языка, художественное произведение.

Введение

Языковой игре [далее ЯИ] посвящено множество научных трудов. Этот феномен, зародившийся в лингвистической философии Л. Витгенштейна, подробно рассматривается Т. А. Гридиной, В. З. Санниковым, Е. А. Земской, И. Н. Гореловым, К. Ф. Седовым, Н. Д. Арутюновой, Т. И. Ерофеевой, Т. В. Булыгиной, А. П. Сковородниковым.

Одним из наиболее детальных исследований является монография В. З. Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры», где ЯИ описывается как вид лингвистического эксперимента. Исследователь рассматривает функционирование языковых единиц на разных уровнях системы русского языка (лексическом, фонетическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом). В. З. Санников определяет ЯИ как «намеренное использование тропеических и фигуральных возможностей языка» [Санников, 2002, с. 23].

Отметим, что при исследовании ЯИ на первый план выходит языковая личность, реализующая свои творческие возможности. Данную концепцию выдвигает Т. И. Ерофеева. При этом исследователь делает акцент на том, что речетворчество — это не только «проявление индивидуальности языковой личности», но и «процесс обнаружения потенциала языка, не реализованного в узусе и норме» [Ерофеева, 2016, с. 59].

При исследовании учитывать множественность функций ЯИ в тексте, её зависимость от прагматических установок и личности автора. Обращение к игровому дискурсу художественной литературы (в том числе к языковой составляющей игры) не ново. По мнению Т. В. Игнатъевой, в художественной литературе ЯИ призвана реализовывать «идейно-тематические и художественно-эстетические установки автора» [Игнатъева, 2012, с. 6]. В связи с этим можно говорить о художественном тексте как о широком поле для «языкового эксперимента автора» [Устинова, 2004, с. 7].

В произведении литературы ЯИ может выполнять разнообразные функции, которые, по замечанию Т. А. Гридиной, «не ограничиваются пределами эстетической категории комического», так как проявляются «ассоциативные потенции языковых единиц в образной организации художественного произведения» [Гридина, 2008, с. 154]. Это связано с тем, что, во-первых, за счёт игры создаётся особый стилистический эффект; во-вторых, различного рода языковые аномалии служат для характеристики как героев произведения, так и автора-повествователя; в-третьих, ЯИ, проявляемая графически, выполняет структурообразующую, композиционную функцию.

Основная часть

Повесть пермского советского детского писателя Льва Давыдычева «Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семёнова, второклассника и второгодника» ярко показывает затрагиваемые проблемы, выражает субъективную авторскую оценку. Повесть Льва Давыдычева полно обрисовывает и характеры героев, и состояние среды, и взаимоотношения между личностью и обществом. При этом используются языковые средства, помогающие достижению авторского замысла и раскрытию идейно-тематического своеобразия произведения.

По нашему мнению, именно детская художественная литература является наиболее обширным полем для реализации возможностей русского языка и проявления авторских речетворческих способностей.

Способы создания ЯИ были выявлены на разных уровнях системы русского языка. В рассматриваемом художественном тексте, согласно классификации Т. А. Гридиной, основным стал имитативный принцип создания ЯИ. Автором заложена установка на опознаваемость прототипических черт в языковом коде произведения. Лев Давыдычев комически обыгрывает аномалии в речи персонажей, акцентирующие внимание на их социальной и интеллектуальной принадлежности. Можно говорить о проявлении языкового эксперимента для выражения авторского идиостиля.

На фонетическом уровне частотной для повести является звуковая передача действия. Вместо глаголов движения используются междометия, обозначающие звук, с которым это действие совершается.

- *Звонок на урок. Иван голову — вжик! вжик! вжик! — и обратно в парту.*

- *Аделаида крикнула:*

– *Можешь!*

И — трах! — кулаком по столу.

- *Подойдет он к окну и лапой стук-стук.*

- *Иногда вы уже в школу идете, а я все еще по крышам скок-скок.*

- *Сначала на нашу крышу влезаю. Потом прыг-прыг до клуба. Потом по проводам, по столбам!*

- *Иван девочки не заметил, запнулся об нее и полетел кувырком, считая головой ступеньки. Стук! Стук! Стук! Стук!*

Отметим, что действующими персонажами произведения являются дети, поэтому в повести распространено игровое подражание различным звукам.

- *Иван нажал на спусковой крючок.*

– *Бах! Бах! — насмешливо сказал длинный.*

- – *Бух! — крикнула Аделаида и нанесла ему здоровенный удар по шее.*

- *Кошку на окошке увидел — «мяу, мяу», — поздоровался.*

Собака мимо бежала — «гав, гав» ей сказал.

«Кар! кар!» — ворону передразнил.

Интересен и встретившийся в тексте произведения способ преобразования фонетической оболочки слова путём замены звука на созвучный ему.

Иван медленно встает из-за парты, прихрамывая, идет, останавливается перед классной доской и мелом на ней пишет: Я ЗАЙКА. Ребята ничего не понимают. Колька Веткин говорит:

– *Да ты и не похож на зайца.*

Иван весь задрожал и:

– *Зззззззззззз...*

– *Заикой он стал! — догадался Паша Воробьев. — Заикой, а не зайкой.*

Комический эффект возникает из-за намеренного неразличения Иваном Семёновым звуков [и] и [й']. Герой произведения не хочет учиться, для этого он придумывает себе различные заболевания.

Интересно отметить, что ЯИ в художественных произведениях может являться «одним из способов характеристики персонажей с точки зрения их социального положения, присущей

им общей и речевой культуры, наличия у них тех или иных особенностей поведения и характера» [Игнатъева, 2012, с. 7].

Героем повести, чей уровень образования демонстрирует речь, является Алик Соловьёв. Используется видоизменение словоформы для создания речевого портрета героя. Так, мы видим неспособность Алика правильно произносить слова с приставками *пре-* и *пере-*.

- У него получалось:

- Я пер-прыгнул.

- Я пер-пугался.

- Я пер-бежал.

- – Пер-катите! — крикнул Алик. — А то опять пер-деретесь! Слышите?

- – Мама с папой уехали в дом отдыха, — сказал он, — я остался с бабушкой. А бабушку я легко пер-хитрил.

- – Пер-станьте! — во сне крикнул Алик, вскочил, побежал, упал и заревел что было сил.

- Пер-путал ты что-то, — сказал Алик Соловьёв.

- – Это пер-ступников в милицию забирают.

Рассмотрим ещё один пример. Чтобы продемонстрировать безграмотность Ивана Семёнова, в произведение включается написанное им заявление на получение пенсии. В данном случае видоизменение словоформы используется следующим образом: производящие слова теряют свой первоначальный облик из-за допущенных в них ошибок. Обратим внимание, что данный фрагмент текста произведения трудно рассматривать, оставаясь на одном уровне системы русского языка, так как в нём встречаются различные нарушения норм языка: слияния двух слов, в том числе предложно-падежных сочетаний, орфографические, стилистические и синтаксические ошибки.

Весь вечер трудился Иван над заявлением. Вот что у него получилось:

ВМИНЕСТЕРСТВО.

УЧИТАЕЛЬНЦА МЕНЯ МУЧЕИТ. ЗА КАЖДУЮ АШУПКУ СТАВИТ ПАРУ. ПРАШУ ПРИНЯТМЕРУ И АСВАБАДИТ МЕНЯ ПО ЗДОРОВЮ АТУЧЕБЫ СПАСИБО ХАЧЮ ПАЛУЧИТ ПЕНЬСИЮ. ЗА ЭТО КВАМ ОПЯТЬ СПАСИБО И ПРИВЕТ ИВАН СЕМЁНОВ

На конверте он написал:

СТАЛИЦА МОСКВА

ВМИНЕСТЕРСТВО НАСЧЕТ ПЕНЬСИ...

АТ ИВАНА СЕМЁНОВА

СПРИВЕТОМ КВАМ ЗАЯВЛЕНИЕ.

Примечательно, что автор с помощью речевой характеристики показывает и эволюцию персонажа: когда Иван Семёнов начинает уделять внимание учёбе, его речь становится более грамотной.

Интересные примеры ЯИ находим на уровне словообразования. Используется способ конструирования новых слов.

Все вывески прочитал и ещё складывал их, получалось интересно. БАКАНОМ ГАСТРОЛЕЯ. Это комическое сочетание букв получилось из-за смешения слов *бакалея* и *гастроном*: первые буквы одного слова соединяются с последними буквами другого слова.

Аделаида, героиня повести Льва Давыдычева, имеет собственное прозвище, данное ей другими персонажами. Её маму, продавщицу мороженого, считали злой и боялись, поэтому Аделаида получила прозвище *Дочь крокодила* и образованные от него варианты: *крокодильская дочь* (образуется при помощи суффикса *-ск* со значением 'отношения к чему-либо, принадлежности'), *крокодилова дочь* (образуется при помощи суффикса *-ов* со значением 'принадлежности определённому лицу'), *крокодиловская дочь* (образуется при помощи суффиксов *-ов* и *-ск*).

- *«Ух ты, крокодильская дочь! — подумал Иван. — Вот свалилась на мою голову!»*
- *Иван стукнулся о стену так, что задребезжали стекла в окне. Он лежал на полу и думал: «Ну что, крокодилова дочь? Попало тебе? Испугалась? Не знаешь, что и делать? А я лежу себе на здоровье».*
- *«Сейчас она тебе! — торжествующе подумал Иван. — Крокодиловская ты дочь!»*

Автор создаёт необычные имена для героев своего произведения с помощью слияния двух слов. У деда, по прозвищу Голова Моя Персона, есть пёс по кличке *Былхвост*. Пёс по кличке *Былхвост* в несколько шагов догнал странного человека, обжег его и отрезал путь к отступлению. Новое слово образуется путём слияния двух самостоятельных слов: глагола *был* и существительного *хвост*. Выбранная автором кличка не случайна, она указывает на характеристику внешности этого пса.

Особенности создания автором речи своих героев проявляются и на уровне лексики. Рассмотрим способ создания ЯИ средствами включения иноязычных слов. В произведении присутствует эпизод, в котором Иван Семёнов предстаёт в образе «странного человека», иностранного шпиона. Лев Давыдычев обогащает русскую речь персонажа различными словами из иностранных языков, переданными транскрипцией. Неуместное и хаотичное использование слов из разных языков и сфер жизни создаёт комический эффект.

- *Он бросился к прилавку, оскалил зубы и хриплым голосом сказал:
– Биттэ, дриттэ, фрау, мадам, цвай брот, шпиндель!*
- *– Р-рюки вверх! — прохрипел человек в темных очках. — Гутен так! Драй! Си бемоль! Урна!*

На уровне лексики можно выделить и способ включения прецедентного текста для создания комического эффекта. *Стоял на улице киоск с вывеской «Мороженое». В киоске сидела тетя. Один зуб у тети был не простой, а золотой.* Фраза *не простой, а золотой* отсылает нас к сказке «Курочка Ряба». В рамках художественного произведения переосмысливается предложение из сказки: *Ровно через три года снесла им курочка яичко, и было то яичко не простое, а золотое.*

Нельзя не отметить что повесть «Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семёнова, второклассника и второгодника» представляет собой и авторский графический эксперимент. Языковая игра с читателем продолжается на протяжении всего произведения, его структуры, появляется изменение графического облика слова. Часто встречаются отдельные фразы, полностью написанные прописными буквами, слова с большой разрядкой букв, фрагменты текста, где каждое слово написано с новой строки, перевёрнутые словосочетания и слова, написанные лесенкой. Подобные графические эксперименты восходят к опыту визуальной поэзии и воплощают идею синтеза искусств, к

которой Лев Давыдычев испытывал особый интерес. Рассмотрим несколько примеров изменения графического облика слова:

ОСТАВИЛИ ИВАНА во втором классе

НА ВТОРОЙ ГОД!

Ивана

Нигде

Не было.

Ужас!

Заключение

Способы создания ЯИ в художественном тексте охватывают фонетический, морфологический, словообразовательный, лексический уровни русского языка. Языковые средства могут быть использованы как в целом тексте, так и в отдельных его частях.

Мы выделили следующие способы создания ЯИ:

1. Фонетический уровень:

- звуковая передача действия,
- преобразование фонетической оболочки слова путём замены звуков на созвучные им.

2. Морфологический уровень:

- видоизменение словоформы.

3. Словообразовательный уровень:

- конструирование новых слов,
- слияние двух слов.

4. Лексический уровень:

- включение иноязычных слов (контекстов),
- включение прецедентного текста.

5. Уровень текста:

- изменение графического облика слова.

Таким образом, результаты исследования показывают, что ЯИ может иметь особое значение в тексте художественного произведения, предоставляя автору широкое поле для речетворчества с целью наиболее точной и яркой характеристики персонажей. Кроме того, ЯИ помогает автору создать комический эффект. Как видим, активно используется также графическая игра, привлекающая внимание читателей.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования / Ред. М. С. Козлова; перевод с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. Москва: Гнозис, 1994. 612 с.
2. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. Учебное пособие. Москва: Лабиринт, 2001. 304 с.
3. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 2008. 165 с.
4. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Изд-во «Уральский государственный педагогический университет», 1996. 214 с.

5. Давыдычев Л. И. Многогранная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семёнова, второклассника и второгодника. Пермь: Звезда, 2004. 112 с.
6. Ерофеева Т. И. Лингвистика городского пространства. Социолингвистический подход изучения: учебное пособие. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2016. 196 с.
7. Игнатъева Т. В. Языковая игра в художественной литературе. Автореф. ... к. филол. н. Вологда, 2012. 22 с.
8. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
9. Устинова Т. В. Языковая игра в художественном тексте и варианты ее перевода: на материале литературных сказок Льюиса Кэрролла и их переводов на русский язык. Дисс. ... к. филол. н. Омск, 2004. 179 с.

Isakova A. M.

Master, Perm State University

**WAYS TO CREATE A LANGUAGE GAME IN WORK OF FICTION
(BASED ON THE LEV DAVYDYCHEV'S STORY "HARD, FULL OF ADVERSITY
AND DANGER LIFE OF IVAN SEMENOV, SECOND-GRADER
AND SECOND-YEAR STUDENT»)**

The article investigates the phenomenon of language play in an artwork. The material is the story of the Perm Soviet children's writer Lev Davydychev "The life of Ivan Semyonov, the second-grader and the repetiteur", in which the language game is one of the ways to create characters, provides ideological-thematic and aesthetic unity of the work, the object of the analysis is the ways of creating a language game, the classification of which is made in accordance with the levels of the Russian language system: phonetic, morphological, vocabulary, lexical and textual. The developed classification reflects the variety of ways to create a linguistic game and the breadth of its use. The author's attitude to identifiability is revealed: the language code of the work contains prototypic features (the imitative principle according to T. A. Gridina's classification), and it was determined that the character of the phenomenon under study is influenced by the peculiarities of the author's idiostyle. In the course of the research it was established that the analysis of the text from the linguistic point of view is not enough, so when considering the methods of creating a language game, the content of the text and the wide context of use were often taken into account. As a result of the work, the functions performed by the language game in the literary text were defined: creation of the stylistic effect generating a comic effect; characterization of the heroes of the work and the author narrator; performance of the structural forming function by the graphic language game. The research uses methods of component and contextual analysis to consider the cases of using the language game, its specifics, functions and purposes of use in the artwork; as well as the method of linguistic classification.

Keywords: language game, record-keeping, the Russian language system, artwork.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

УДК 811. 112. 2 (075. 8)

Архипова Ирина Викторовна

Кандидат филологических наук,

профессор кафедры французского и немецкого языков,

Новосибирский государственный педагогический университет

630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28

Тел.: +7 (383) 3441368

E-mail: irarch@yandex.ru

ПРЕДЛОЖНЫЕ ДЕВЕРБАТИВЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ЗАВИСИМОГО ТАКСИСА

Настоящая статья посвящена рассмотрению немецких высказываний с предложными девербативами с точки зрения формирования в них отношений зависимого таксиса. Предложные девербативы являются компонентами функционально-семантического поля зависимого таксиса немецкого языка. Высказывания с предложными девербативами с предлогами значения während, vor, nach, seit являются центральными компонентами функционально-семантического поля зависимого таксиса. Немецкие высказывания с предлогами гетерогенной семантики in, bei, mit, unter являются периферийными компонентами данного функционально-семантического поля. В высказываниях с предлогами in, bei, mit, unter формируются отношения обстоятельственного таксиса, предполагающие синкретизм таксисных отношений одновременности в «чистом виде» и некоторых других обстоятельственных значений (модальных, медиальных, кондициональных, каузальных, concessивных и др.). В таких высказываниях имеют место обстоятельно-таксисные отношения одновременности: модально-, медиально-, кондиционально- и каузально-таксисные отношения.

Ключевые слова: предложный девербатив, зависимый таксис, функционально-семантическое поле зависимого таксиса, центральные компоненты функционально-семантического поля зависимого таксиса, периферийные компоненты функционально-семантического поля зависимого таксиса

Введение

Предложные девербативы являются компонентами функционально-семантического поля зависимого таксиса немецкого языка. Как особую грамматическую категорию таксис в отечественной лингвистике выделяют со второй половины XX в. О грамматической категории таксиса ещё в 1972 г. пишет лингвист Р. О. Якобсон. Он рассматривает таксис как одну из категорий, не относящихся к типу шифтеров и определяет его следующим образом:

«Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [Якобсон, 1972, с. 95–114].

Определение компонентов (согласно терминологии А. В. Бондарко) функционально-семантического поля (ФСП) таксиса основывается на систематизированном исследовании ФСП таксиса, проведенном на материале русского языка отечественным языковедом А. В. Бондарко [Бондарко, 1984, 1999, 2015]. Отечественный языковед А. В. Бондарко характеризует функционально-семантическое поле таксиса как некоторое сложное поле, имеющее компактную полицентрическую структуру с двумя сферами: зависимого и независимого таксиса, каждая из которых, в свою очередь, обладает своими центральными и периферийными компонентами [Там же].

Сфера зависимого таксиса русского языка описывается в работах А. В. Бондарко [Бондарко, 1984, 1999, 2015], Т. Г. Акимовой, Н. А. Козинцевой [Акимова, Козинцева, 1985], О. М. Безродновой [Безроднова, 2009], М. Б. Нуртазиной [Нуртазина, 2008], Л. Н. Оркиной [Оркина, 2004], С. М. Полянского [Полянский, 1989] и других образуется деепричастными конструкциями, являющимися центральными конститuentами ФСП зависимого таксиса, а также конструкциями с причастиями и предложно-падежными конструкциями типа: «при рассмотрении», «при переходе» и другими. Такого рода конструкции выступают в качестве периферийных компонентов данного функционально-семантического поля.

Детализированных сравнительно-типологических исследований категории таксиса в русском и немецком языках, а также комплексное описание ФСП таксиса в немецком языке практически не проводилось. Исключение в этом плане составляют работы отечественного лингвиста С. М. Полянского, представившего функционально-семантические основы категории таксиса на материале конструкций с однородными предикатами в немецком языке [Полянский, 1990]. К вопросу освещения таксисных значений в высказываниях с причастными конструкциями в немецком и русском языках обращались отечественные лингвисты С. М. Полянский и О. М. Безроднова [Безроднова, 2009; Полянский, 1990; см., также Нуртазина, 2008; Оркина, 2004].

Основная часть

Важная роль в осуществлении функции зависимого таксиса в немецком языке отводится важнейшим компонентам ФСП зависимого таксиса современного немецкого языка — высказываниям с предложными девербативами. Проблема описания структурно-семантических особенностей немецких девербативов неоднократно привлекала внимание отечественных и зарубежных лингвистов (Н. Н. Зольникова, К. Е. Зоммерфельдт, W. Fleischer и другие) [Зольникова, 2009; Зоммерфельдт, 1985; Fleischer, 1974]. Н. Н. Зольникова описывает структурно-семантические особенности и словообразовательные модели девербативов в русском и немецком языках, выявляя при деривационно-семантические свойства суффиксов, участвующих в образовании анализируемых имён [Зольникова, 2009]. К. Е. Зоммерфельдт уделяет более пристальное внимание рассмотрению вопросов семантики и валентностных свойств немецких отглагольных имён [Зоммерфельдт, 1985]. Большинство учёных оставляет без внимания так называемый таксисный потенциал немецких предложных девербативов, способных участвовать в реализации отношений зависимого таксиса. Функционально-семантический анализ немецких предложных

девербативов представлен в работах автора статьи [Архипова, 2011, 2012, 2013]. Как показали наши исследования, высказывания с предложными девербативами как конституенты ФСП зависимого таксиса немецкого языка характеризуются определенной гетерогенностью. Сложность компактной полицентрической структуры ФСП таксиса обуславливается, соответственно, различием функций зависимого и независимого таксиса, с одной стороны, и наличием центральных и периферийных компонентов в каждой из сфер таксиса, с другой [Бондарко, 1984, с. 79]. Определение центральных компонентов той или иной сферы таксиса основывается прежде всего на критерии «наибольшей специализации того или иного языкового средства по отношению к рассматриваемой функции» [Бондарко, 1999, с. 241].

Центральными компонентами анализируемого ФСП являются высказывания, характеризующиеся наибольшей степенью специализации осуществления таксисной функции и содержащие эксплицитные показатели таксисных отношений в «чистом виде». К ним относятся высказывания с предложными девербативами с предлогами темпорального значения *während, vor, nach* и *seit*. Например: *Während des Absingens der zweiten Strophe war es im Saale wieder unruhig geworden* (H. Fallada); *Eine halbe Stunde vor dem Abpfeifenverließ das Kommando die Kammer* (B. Apitz); *Ich habe nach einigem Überlegen auf Blumen verzichtet ...* (J. Becker); *Inzwischen hatte sich die Tür des Wohnzimmers geöffnet, in dem Grete seit dem Einzug der Zimmerherren schlief ...* (Fr. Kafka)

Немецкие предлоги обладают мощным потенциалом достаточно чётко и однозначно эксплицитировать таксисные значения одновременности или разновременности. Они являются маркерами или экспликаторами таксисного значения одновременности (предлог *während*), предшествования (предлог *vor*) или следования (предлоги *nach, seit*). Например:

Robert machte während des Sprechens ganz kleine Bewegungen mit der Hand (L. Frank).

Vor dem Abschied legte uns der schlichte Künstler noch ein großes Buch vor ... (Weiser).

Nach einigem Besinnen nahm ich mein Fanggerät und machte mich wieder auf die Wanderung (Th. Storm).

Hier hatte seit Generationen schon *seit der Vertreibung der Spanier*, eine Familie von Schmieden ihr Handwerk ausgeübt (A. Seghers).

Периферийными компонентами ФСП зависимого таксиса являются высказывания, в которых таксисная функция проявляется в наименьшей степени. К ним следует отнести высказывания, содержащие предложные девербативы с предлогами полицентрической или гетерогенной семантики *in, bei, mit* и *unter*. Например:

Wir schlafen und schlafen, *im Stehen, im Liegen, im Hocken*, krumm auf Tornistern und Paketen, wir schlafen (E. M. Remarque).

Aber beim Erinnerung überfällt mich ein anderer Duft und ich denke an die großen Hyazinthenfelder längs der graden Pappelallee ... (H. Fallada).

Mit einem höflichen, aber etwas gleichgültigen Kopfnicken ... erwiderte Allan ihren Händedruck (B. Kellermann).

<...> und nach ihm halfen sie einem langhaarigen jungen Mann, der angewidert zusammenzuckte *unter der Berührung von Rethorn*, zur Seite trat und den Ärmel seines Jacketts glattstrich (S. Lenz).

В немецких высказываниях с предлогами *in, bei, mit, unter* формируются отношения *обстоятельственного таксиса* (термин наш — И. В.) [Архипова, 2011, 2012, 2013], предполагающие синкретизм таксисных отношений одновременности в «чистом виде» и некоторых других обстоятельственных значений: модальных, медиальных, кондициональных, каузальных, concessивных и других. В таких высказываниях немецкого языка формируются называемые обстоятельственно-таксисные отношения одновременности — модально-, медиально-, кондиционально- и каузально-таксисные отношения [Там же]. Например:

Und der letzte König von Sachsen *verschwand, unter Anlegen der Hand an die Mütze*, in seiner viel zu großen Wohnung (E. Kästner).

Aber mein Vater schwieg auf der ganzen Fahrt, er *strafte mich mit einem Schweigen* ... (S. Lenz).

Bei zärterem Abtasten ergab jedoch das Schreiben mehr an Eigenart und Persönlichkeit, als man beim ersten Lesen vermutet hatte (H. Hesse).

Der Vogel war *beim Aufblitzen des Lichtes* erschrocken und sah mich aus verschlafenen Augen starr und glasig an (H. Hesse).

Немецкие высказывания с предлогами *in, bei, mit* являются семантически гетерогенными. Предлоги *in, bei, mit* являются неоднородными¹ и занимают некоторое промежуточное положение в единой системе предлогов как экспликаторов или маркеров таксисных значений. Темпоральный потенциал данных предлогов позволяет их в ряде случаев относить к центральным компонентам функционально-семантического поля зависимого таксиса в современном немецком языке. При этом они участвуют в формировании таксисных отношений полной или частичной одновременности. Например: Er *schaut im Sitzen* zu den anderen *empor*, die schon stehen ... (A. Zweig); Beim Ausspannen des Pferdes sang er *rauh vor sich hin*, was er noch nie getan hat (L. Rinser); *Mit der Erinnerung an den Besuch des Herrn* stürzte das Glück in sie *hinein* (L. Frank).

Одновременными — полностью / частично — являются при этом основное действие глагольного сказуемого и побочное / сопутствующее девербативного существительного, соотносимые между собой по так называемым «срединным фазам их протекания» [Полянский, 1989, 1991] и совпадающие полностью или частично по их временным или длительностным параметрам. Например: Sie *tranken im Stehen* die Gläser *aus* (H. Böll); *Beim Eintritt des Alten aber war* mit diesen Schülern eine merkliche *Veränderung vorgegangen*, sie waren nämlich über ein Vierteljahrhundert hinweg wirklich wieder Schüler geworden (F. Werfel); *Mit dem Anschleifen der Kauffläche* von minus sechs *setzte* ich den Zwischenschnitt: Die ehemaligen Länder räumen den Bahnsteig *vier* (G. Grass).

Заключение

Предложные девербативы, являясь важнейшими конститuentами функционально-семантического поля зависимого таксиса современного немецкого языка, участвуют в реализации таксисных значений одновременности / предшествования / следования. Немецкие предлоги *während, vor, nach, seit, in, bei, mit, unter* выполняют при этом так называемую «таксиснообразующую функцию» и маркируют тип таксисных отношений.

¹Forstreuter E., Egerer-Möslein K. Die Präpositionen. 1. Auflage. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1978. 119 S.

Список литературы

1. Акимова Т. Г., Козинцева Н. А. К определению значения зависимого таксиса в русском языке (на материале конструкций с деепричастиями) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Функциональные аспекты грамматики русского языка. Тарту, 1985. Вып. 719. С. 44–61.
2. Архипова И. В. Таксисные отношения в высказываниях с предложными девербативами // Функциональные свойства единиц языка. Коллективная монография. Пермь: Изд-во «Прикамский социальный институт», 2011. С. 16–46.
3. Архипова И. В. Высказывание с предложными девербативами в современном немецком языке. Монография. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2012. 148 с.
4. Архипова И. В. Предложные девербативы в современном немецком языке. Монография. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2013. 90 с.
5. Безроднова О. М. Таксисные значения причастий русского языка // Вестник Башкирского университета. Выпуск № 1. Том 14. Уфа, 2009. С. 87–91.
6. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Ленинград: Наука, 1984. 134 с.
7. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация времени. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петербургский государственный университет», 1999. 258 с.
8. Бондарко А. В. Анализ глагольных категорий в системе функциональной грамматики // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. XI. Ч. 1. Категории имени и глагола в системе функциональной грамматики / Ред. М. Д. Воейкова, Е. Г. Сосновцева. Санкт-Петербург: Наука, 2015. С. 21–36.
9. Зольникова Н. Н. Отглагольные имена в немецком и русском языках // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 7. С. 242–252.
10. Зоммерфельдт К. Е. О классификации отглагольных существительных // Иностранные языки в школе. 1985. № 5. С. 12–18.
11. Нуртазина М. Б. Опыт функционально-коммуникативной интерпретации семантики таксиса. Монография. АСТАНА: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2008. 334 с.
12. Оркина Л. Н. Отношение обусловленности уступительного типа в неспециализированных структурах. Монография. Чебоксары: Изд-во «Чувашский государственный педагогический институт им. И. Я. Яковлева», 2004. 94 с.
13. Полянский С. М. Зависимый таксис в высказываниях с причастием I (на материале современного немецкого языка) // Лингвистические исследования 1989. Функционирование грамматических категорий / АН СССР. Ленинградское отделение Института языкознания. Редкол.: А. М. Мухин (отв. ред.) и др. Москва: Б., 1989. С. 121–129.
14. Полянский С. М. Основы функционально-семантического анализа категории таксиса (на материале немецкого языка). Учебное пособие к спецкурсу. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1990. 90 с.
15. Полянский С. М. К установлению признаков функционально-семантической категории таксиса // Функциональный анализ значимых языковых единиц в парадигматике и синтагматике: Межвуз. сб. науч. тр. / Новосибирский государственный педагогический институт. Редкол.: С. М. Полянский (отв. ред.) и др. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1991. С. 3–18.
16. Семёнова Н. В. Категория таксиса в современном русском языке. Монография. Изд-во LAPLAMBERT Academic Publishing, 2012. 420 с.
17. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Редкол. А. В. Бондарко (отв. ред.) и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. Ленинград: Наука, 1987. 348 с.

18. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский язык // Принципы типологического анализа языков различного строя. Сб. статей / Ин-т востоковедения. Сост. и предисл. О. Г. Ревзиной. Москва: Наука, 1972. С. 95–114.

19. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1974. 361 S.

Arkhipova I. V.

*Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Novosibirsk State Pedagogical University*

THE PROPOSED DEVERBATIVES AS AN INSTRUMENT OF EXPRESSING THE DEPENDENT TAXIS

In the article German sentences with the prepositional verbal nouns are considered from the point of view of relations of hypotactic taxis. The prepositional verbal nouns are constituents of the functional-semantic field of the hypotactic taxis in modern German. This article is devoted to consideration of the German sentences with prepositional verbal nouns from the point of view of forming in them relations of dependent taxis. Prepositional verbal nouns are the most important constituents of functional-semantic field of dependent taxis in Modern German. Statements with prepositional verbal nouns with prepositions of differential temporary values während, vor, nach, seit are central components of a functional-semantic field of dependent taxis. German sentences with prepositions of heterogeneous semantics in, bei, mit, unter are peripheral constituents of the functional-semantic field. In statements with prepositions in, bei, mit, unter relationships of adverbial taxis are formed, suggesting the syncretism of taxis relations of simultaneity in the “pure form” and some other adverbial values (modal, medial, conditional, causal, concessive, etc.). In these statements we can we can the so-called adverbial-taxis relations of simultaneity: modal, medial, conditional and causal taxis relations.

Keywords: the prepositional verbal noun, constituent, dependent taxis, functional-semantic field of dependent taxis, the central components of the functional-semantic field of dependent taxis, peripheral components of the functional-semantic field of dependent taxis.

ДИСКУРСОЛОГИЯ

УДК 81'373

Карамова Айгуль Айратовна

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологии,
Бирский филиал Башкирского государственного университета
452450, г. Бирск, ул. Интернациональная, д. 10
Тел.: +7 (34784) 40463
E-mail: Kar_AA@mail.ru

Хакимова Гульшат Фанисовна,

Магистрант, Бирский филиал
Башкирского государственного университета
452450, г. Бирск, ул. Интернациональная, д. 10
Тел.: +7 (34784) 40470
E-mail: khackimova. gulschat@yandex.ru

ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ, СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ, ФУНКЦИИ

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью эвфемии в политическом дискурсе. Вместе с тем, использование эвфемизмов в современной политической речи активизируется, что связано с мощным воздействующим потенциалом данных обозначений. В статье предпринимается попытка выявить основную функцию политических эвфемизмов. С этой целью рассматриваются тематические группы эвфемизмов, языковые средства их выражения. Анализ эвфемизмов с точки зрения денотативной соотнесённости показывает, что наиболее часто они используются для обозначения международной (главным образом, военной) политики, силовой политики, экономической политики, социальной политики. Среди языковых средств выражения политических эвфемизмов наиболее распространены метафоры (как семантически двуплановые единицы), гиперонимы (как обобщающие наименования, лишённые коннотаций), иноязычные слова (как «престижные» наукообразные наименования, значение которых может быть известно не всем носителям языка), слова со смягчающими аффиксами (где аффиксы смягчают значение корня), фразеологизмы (как перифразы негативных наименований), оценочные единицы с положительной оценкой (представляющие негативное явление в положительном свете). Анализ средств выражения эвфемизмов показывает, что они, призванные по своей языковой природе смягчать, скрывать информацию, могут использоваться в политическом дискурсе с двумя основными целями — политической корректности и манипулирования общественным сознанием. При этом примеры употребления демонстрируют, что последняя функция явно превалирует. Таким образом,

эвфемизмы по своей языковой природе наделены мощным суггестивным потенциалом. И в политической речи они часто привлекаются для реализации манипулятивной стратегии имплицирования, то есть сокрытия истинного смысла обозначаемого с целью скрытого психологического воздействия на адресата и формирования у него выгодной картины мира. Анализ эвфемизмов с точки зрения денотативной соотнесённости показал, что наиболее активно они используются для обозначения самых нестабильных сфер политики. В связи с этим актуальным становится вопрос критического подхода к анализу эвфемизмов в политическом дискурсе.

Ключевые слова: эвфемия, эвфемизм, политический дискурс, политический текст, манипуляция.

Введение

В настоящий момент эвфемизмы, используемые в политическом дискурсе, являются предметом активного и разноаспектного исследования: как способ корректности в предоставлении информации (Заварзина Н. Г., Кагилева А. О., Лазаревич Е. М.), как инструмент в убеждении и коммуникации представителями разных народов (Саакян Л. Н., Харитоновна В. Ю.), как средства манипулирования сознанием адресата речи (Баскова Ю. С., Васильев А. Д., Громенко М. В., Карамова А. А., Медведева Н. Е).

Цель данной статьи — рассмотреть понятие, тематические группы, особенности употребления социально-политических эвфемизмов, определить их основную функцию в политическом дискурсе.

Основная часть

Эвфемизм [*< греч. euphēmismos < eu хорошо + rhēmi говорю*] — «слово или выражение, заменяющее другое, неудобное для данной обстановки или грубое, непристойное» [Крысин, 2008, с. 824].

Как показывает анализ, в политическом дискурсе наиболее частотны эвфемизмы следующих тематических групп.

1. Внешняя политика государства, в том числе военная:

*Конституционный референдум Армении состоялся на **тяжелом фоне*** (Мир и политика. 2015. 14 февраля). Словосочетанием *тяжелый фон* заменены обозначения протестующих митингов в Ереване, участники которых требовали отставки властей, а также новой азербайджано-армянской войны.

*С другой стороны, будут предприниматься политико-дипломатические усилия, направленные на **сдерживание «горячих голов», готовых разрушить существующие хрупкие конструкции в пользу сомнительных военных*** (Мир и политика. 2015. 13 февраля). Автор выражения использует фразеологизм «горячие головы» вместо прямого обозначения военных боевиков Турции и Азербайджана. Словосочетание *хрупкие конструкции* служит заменой обозначения напряженных военных отношений между Турцией и Арменией. *Сомнительными военными* называют военную оппозицию Армении и России.

*Он отметил, что Норвегия даёт разрешение на размещение на своей территории базы для британских и американских военных, а в октябре у российских границ были проведены **«крайне агрессивные учения»*** (Аргументы и факты. 2019. 17 октября). В данном примере

заменено обозначение военной операции НАТО на *крайне агрессивными учения*, которые подрывают стабильность и доверие России по отношению к Норвегии.

2. Экономическая политика:

Смотрите, давайте мы спросим, что такое "национализация"? Это выкуп по рыночной стоимости. Вы это имеете в виду? Нет, вы имеете отъем, вы имеете отъем собственности. И будете отбирать заводы и фабрики, у меня будете пытаться отнять (М. Прохоров. 2011). В самом примере поясняется смысл эвфемизма *национализация*.

Отметим также, что на семьи с детьми сейчас приходится 89 % дефицита денежных доходов всех малоимущих домохозяйств (Коммерсантъ. 2019. 21 октября). Выражение *малоимущие домохозяйства* имеет значение «бедные семьи».

К расследованию несанкционированных звонков привлечены международные эксперты (Коммерсантъ. 2019. 18 октября). Семантически размытое определение *несанкционированные звонки* скрывает точное определение — воровство.

3. Силовая политика:

Ранее командующий ВВС США в Европе генерал Джефф Хэриган заявил, что в минувшем марте один из американских бомбардировщиков также имитировал удар крылатыми ракетами по Калининградской области (Аргументы и факты. 2019. 20 октября). Выражение *имитировал удар* явно создает атмосферу напряжения и опасения к военной подготовке США против России.

С распадом страны мы оказались на грани, а в отдельных известных регионах — и за гранью гражданской войны, причём именно на этнической почве. Огромным напряжением сил, большими жертвами эти очаги нам удалось погасить (В. В. Путин. 2011). Сочетание *погасить очаги* употреблено вместо *подавить конфликт военным способом*;

Террористы просчитались: Российская армия при поддержке чеченского и других народов Кавказа отстояла территориальную целостность нашей страны и единства российского государства (В. В. Путин. 2012); *восстановление законности, легитимное насилие, меры по оздоровлению обстановки, помощь чеченскому народу* — о военных действиях в Чечне.

4. Социальная политика:

...комитет сможет выработать программу неотложных мер по преодолению депопуляции (Независимая газета. 2008. № 19). Слово *депопуляция* употреблено вместо обозначений *демографический кризис, вымирание*.

Два года назад все усилия организации «Рассвет», созданной родителями особенных детей летом 2014 года, были направлены на то, чтобы люди больше узнали о проблеме аутизма и перестали проявлять агрессию (Единая Россия. Башкортостан. 2017. 6 апреля). Словосочетание *особенные дети* использовано для смягчения обозначения *детей-инвалидов*.

Главная проблема при трудоустройстве людей старшего возраста — приоритет молодым специалистам (Российская газета. 2019. 22 октября). Заменой слова *пенсионер* послужило выражение *люди старшего возраста*.

В качестве средств выражения смягчающего значения наиболее частотны следующие:

1. Метафоры (благодаря двуплановости своего значения): *Так что объявленная президентом Обамой пауза в диалоге вполне уместна* (Эксперт. 2013. 19 августа) — вместо *отказ от запланированных переговоров*; *барьеры для инициативы, административные*

барьеры вместо *бюрократизм, волокита*; *зачистка, этническая чистка, нейтрализация* вместо *военная операция, уничтожение, убийство*; *расовая чистота* вместо *национальная нетерпимость*; *нулевой рост* вместо *застой* и т. п.;

2. Гиперонимы (благодаря размытости, обобщенности значения): *вмешательство (Российской Федерации) вместо военные действия (Российской Федерации)* (о событиях в Грузии в августе 2008 г.) (Rustavi 2. 2011. 8 августа); см. также: *конфликт, операция, акция* вместо *война, военные действия* и т. п.;

3. Иноязычные слова (благодаря тому, что значения могут быть не общеизвестны): *...комитет сможет выработать программу неотложных мер по преодолению депопуляции* (НГ. 2008. № 19) — вместо *демографический кризис, вымирание*; см. также: *оптимизация, секвестирование* вместо *сокращение*; *либерализация цен* вместо *повышение цен* и т. п.;

4. Слова со «смягчающими» аффиксами: *Премьер-министр Виктор Зубков призвал позаботиться о небогатых гражданах и сдержать рост тарифов в энергообеспечении* (Собеседник. 2008. № 1) — вместо *бедные, нищие*;

5. Фразеология (как перифразирование негативных обозначений): *реализовать своё право на самооборону* вместо *провести военные действия* (Rustavi 2. 2013. 8 августа); см. также: *живущие за чертой бедности, ниже черты бедности* вместо *нищие*; *восстановление законности, легитимное насилие, меры по оздоровлению обстановки, помощь чеченскому народу* — о военных действиях в Чечне; *принуждение к миру* вместо *военные действия* и т. п.

Анализ средств выражения эвфемизмов показывает, что они, призванные по своей языковой природе смягчать, скрывать информацию, могут использоваться в политическом дискурсе с двумя основными целями — политической корректности и манипулирования общественным сознанием. И чаще всего, как утверждают исследователи [Баскова, 2006, Кара-Мурза, 2000, Карамова, 2013] и показывает практика, применительно к политическому дискурсу, речь идёт о манипулятивной природе эвфемизмов. Ведь одна из главнейших стратегий манипулирования — стратегия имплицирования. И к ее реализации часто привлекаются эвфемизмы, смягчающие слова и выражения, способные завуалировать неприятные факты действительности, тем самым «усыпить бдительность» адресата, отвлечь его от имеющихся проблем. В большинстве своём эвфемизмы призваны завуалировать наиболее «неприятные» явления: войну, националистические проявления, экономическую нестабильность, социальную неустроенность.

Выявленная специфика функционирования эвфемизмов в политическом дискурсе делает актуальным критический подход к их анализу. Критический дискурс-анализ оформился в середине 1990-х гг. XX в. в зарубежной лингвистике [Водак, 2006; Фэрклоу, 2009; Дейк, 2009]. В ходе подобного анализа языковых элементов выявляются имплицитные установки политического дискурса, демонстрируются скрытые эффекты воздействия на адресата. Посредством скрытого психологического воздействия можно внушить адресату нужные, выгодные для адресанта идеи и добиться нужной, выгодной для адресанта реакции.

Заключение

Подобный, критический подход к анализу политических текстов (и языковых его особенностей, в частности) имеет существенную практическую ценность — путем

информирования населения он учит критическому восприятию и осмыслению политических тестов, выработке механизмов защиты от неблагоприятного воздействия.

Выявив языковую природу эвфемизмов, мы убедились в том, что основная функция их использования в политическом дискурсе — манипулятивная. Эвфемизмы в политическом дискурсе — это обозначения, которые чаще всего призваны смягчить, скрыть, исказить имеющуюся негативную информацию. Они, обладая мощным суггестивным потенциалом, часто привлекаются к реализации манипулятивной стратегии имплицирования. Анализ эвфемизмов с точки зрения денотативной соотнесенности показал, что наиболее активно они используются для обозначения международной военной, силовой, экономической, социальной политики — самых нестабильных сфер политики. Выявленная специфика функционирования эвфемизмов в политических текстах обосновывает необходимость их исследования с позиций критического дискурс-анализа.

Список литературы

1. Баскова Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ. Автореф. ... к. филол. н. Краснодар, 2006. 23 с.
2. Водак Р. Взаимосвязь «дискурс-общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу // Современная политическая лингвистика, 2006. С. 123–136.
3. Дейк Т. ван. Дискурс и доминирование // Современный дискурс-анализ. Методология: концептуальные обоснования. 2009. Вып. 1. Т. 1. URL: http://discourseanalysis.org/ada1_1.pdf (дата обращения: 04.11.2019).
4. Карамова А. А. Современный политический дискурс (конец XX — начало XXI вв.). Дисс. ... д. филол. н. Уфа, 2013. 411 с.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляции сознанием. Москва, 2000. URL: <http://www.karamurza.ru/manipul.html> (дата обращения: 04.11.2019).
6. Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. Москва: Эксмо, 2008. 864 с.
7. Фэрклоу Н. Диалектика дискурса // Современный дискурс-анализ. Методология: концептуальные обоснования. 2009. Вып. 1. Т. 1. URL: http://discourseanalysis.org/ada1_1.pdf (дата обращения: 04.11.2019).

Kararova A. A.

*Grand Ph. D. (Philology), Professor of Philology Department,
Birsky Branch of Bashkir State University*

Khakimova G. F.

Master Student, Birsky Branch of Bashkir State University

EUPHEMISMS IN MODERN POLITICAL DISCOURSE: THEMATIC GROUPS, MEANS OF EXPRESSION, FUNCTIONS

The relevance of the research is determined by insufficient information on euphemisms in political discourse. However, the use of euphemisms in modern political speech grows in intensity due to great potential of such units. The article attempts to identify the basic function of political

euphemisms. In this regard, thematic groups of euphemisms and verbal means of their expression are examined. The analysis of euphemisms in terms of denotative correlation shows that they are most frequently used with reference to international (mainly military) politics, power politics, economic policy and social policy, which are the most fragile fields at present. Among linguistic means of expressing political euphemisms the most common are metaphors (viewed as semantically two-dimensional units), hyperonyms (viewed as generalizing names devoid of connotations), foreign words (viewed as "prestigious" pseudoscientific names with meanings unknown to native speakers), words with affixal downtoners (where affixes tone down the root meaning), phraseological units (viewed as periphrases of negative name units), units with positive evaluation (that represent a negative phenomenon in a positive way). The analysis of means of expressing euphemisms shows that euphemisms by their linguistic nature are to tone down, to conceal information and can be used in political discourse for two main purposes: political correctness and manipulation of public consciousness. The examples reveal that the latter function clearly prevails. Thus, euphemisms by their linguistic nature possess powerful suggestive potential. They are often included in political speech to implement a manipulative strategy of implication, i. e. conceal the gist of the denotation unit aiming at implicit psychological impact on the addressee and forming the picture of the world beneficial for the sender. In this regard, the question of critical approach to the analysis of euphemisms in political discourse becomes especially relevant.

Keywords: euphemia, euphemism, political discourse, political text, manipulation.

© Пресс-служба Пермского государственного национального исследовательского университета

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81

Меньшакова Надежда Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: +7 (342)2396283

E-mail: mnesperanza@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНА “FUTURES STUDIES” НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Современная наука всё чаще устремляет взгляд в будущее, строя прогнозы и предсказания относительно своего развития. Этот феномен заложен в вероятностной природе современной науки, он объясняется тем, что наука не является исключительно эмпирической по способу познания действительности. Эвристичность науки, теоретичность и интуитивность также являются частью природы научного поиска. В западной науке развилась и успешно функционирует такая научная дисциплина, в которой объединяются результаты научной прогностической деятельности различных отраслей знания. Эта дисциплина носит название Futures Studies. В отечественной науке абсолютного аналога данной научной дисциплины нет, и в переводе на русский язык нет устойчивого эквивалента данному термину. В статье делается попытка выяснить, путём анализа корпуса словарей и теоретической литературы по проблемам исследования будущего, какой вариант перевода может наиболее адекватно передать содержание и специфику термина Futures Studies. Подробно рассматривается такой русскоязычный аналог термина как «футурология», его коннотации и смысловое наполнение. В результате анализа языкового и теоретического материала удастся выяснить, что российские учёные предпочитают избегать употребления термина «футурология» для наименования названной дисциплины. Футурология ассоциируется с заблуждениями, домыслами, лженаукой; в случае, если слово «футурология» употребляется исследователями, то оно понимается как более узкий термин по сравнению с Futures Studies. В итоге предлагается такой вариант трансляции термина Futures Studies как «исследования многовариантного будущего».

Ключевые слова: перевод, термин, фидейное мышление, будущее, футурология, исследования многовариантного будущего.

Введение

Объектом изучения в данной работе является термин Futures Studies, устоявшийся в западной науке для обозначения широкого круга научных проблем, объединённых особым углом зрения на конкретные проблемы, а именно — посредством рассмотрения истории развития будущего в той или иной области действительности. Предметом изучения в статье

являются возможные способы трансляции термина *Futures Studies* на русский язык. Целью работы ставится выбор наиболее точного варианта перевода термина. Для достижения данной цели было целесообразно рассмотреть, что представляет собой та область знания, которую репрезентирует данный термин, к какому типу дискурса она относится, равнозначна ли воспринимается данная область знания носителями западноевропейской культуры и англоговорящего сообщества и носители российской культуры и русского языка. Это позволило выявить проблему перевода термина *Futures Studies* на русский язык. Изучение корпуса словарей и статей по проблемам исследования будущего на русском языке легло в основу вывода о том, каким образом следует транслировать термин *Futures Studies* на русский язык.

Основная часть

На протяжении столетий люди пытались заглянуть за пределы настоящего времени и предугадать развитие будущего. Такие попытки совершали обыватели, ежедневно делая небольшие прогнозы на ближайшие дни, строя планы, рассуждая о грядущем, порождая прорицания и пророчества. Политики составляли планы и прогнозировали вероятное развитие событий на уровне страны и мира. Писатели фантазировали о том, какова будет реальность в далёком и не очень далёком будущем. Как показывает жизненный опыт, прогнозы и планы часто воплощаются в реальность, хотя и с разной степенью точности. Наука также стремится «исследовать» будущее.

С научной точки зрения изучение ещё не существующего в настоящем времени будущего является возможным. Оно возможно благодаря тому, что объекты современной науки обладают такими характеристиками как абстрактность, гипотетичность, вероятностность, моделируемость, что и позволяет проникнуть в область ненаблюдаемого. В сфере научного познания прогнозирование, моделирование ситуаций, абстрагирование и выдвижение гипотез является неотъемлемой частью научного поиска. Современное научное познание повсеместно стремится к абстракции, об этом свидетельствуют сами учёные, философы, исследователи в сфере мышления и познания: Н. Бор, М. Борн, В. И. Вернадский, Г. Х. фон Вригт, В. Гейзенберг, Т. Кун, В. В. Налимов, М. Полани, К. Поппер, М. В. Розин, Дж. Серль, М. Шлик, Г. П. Щедровицкий. Так, по мнению Г. П. Щедровицкого, современные науки не имеют дела с реальными объектами, они изучают лишь некие конструкты, созданные человеком в процессе мыслительной деятельности [Щедровицкий, 2004].

Сам процесс категоризации и концептуализации знания основан на человеческом стремлении к абстрагированию. Рациональное мышление в процессе познания не существует в чистом виде, оно неразрывно связано с фидейным и фантазийным мышлением [Меньшакова, 2008]. Особенностью фидейного мышления является то, что объекты, не существующие в объективном мире, интерпретируются как реально существующие, поскольку фидейное мышление опирается на интуицию и веру [Меньшакова, 2009; Никитин, 2003]. Возможность изучения будущего, таким образом, базируется как на эмпирическом, так и на интуитивно-эмоциональном, эвристическом и теоретическом способе познания бытия.

В западной науке исследованием будущего занимается наука под названием *Futures Studies*. Данная наука привлекает внимание и отечественных исследователей, её называют «мега-проектом», который является источником материала для множества других «мега-

программ современности» [Динабург, 2016, с. 88]. На просторах Интернет сети или в околонуучных, научно-популярных публицистических изданиях термин Futures Studies переводится как «футурология». Многочисленные словари дают похожие толкования термина «Футурология». В Большом толковом словаре по культурологии Б. И. Кононенко термин «футурология» обладает двумя значениями, в широком значении — это «общая концепция будущего Земли и человечества», в узком — «область научных знаний, охватывающая перспективы социальных процессов, синоним прогнозирования и прогностики» [Кононенко, 2003]. Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой определяет футурологию следующим образом: «комплексная дисциплина, основывающаяся на данных общественных и естественных наук, ставящая целью предвидение будущего человечества и отдельных сфер жизни общества; прогнозирование социальных процессов [Ефремова, 2000, эл. р.]».

Стоит отметить, что, несмотря на положительные трактовки, в российской культуре футурология зачастую ассоциируется с вымыслом и шарлатанством; это слово с советских времен имело отрицательную коннотацию «буржуазной науки», предпочтительным для обозначения исследования будущего в Советской России являлся термин «прогностика» — наука о законах и способах разработки прогнозов. Кроме того, слово «футурология» ассоциативно связано со словом «утопия», противопоставляясь ей. В этом смысле термин «футурология» был впервые предложен в 1943 г. немецким социологом О. Флехтхеймом, он представлялся как философия будущего, альтернативная утопическим и социалистическим учениям [Новая философская энциклопедия, 2000]. В ходе развития поток изысканий данной «философии будущего» разделился на два основных направления: оптимистическое и пессимистическое (теории кризисов и катастроф) [Там же]. Последнее также могло привести к появлению отрицательных коннотаций у слова «футурология» в обыденном сознании.

Анализ Национального корпуса русского языка показал, что слово «футурология» трактуется носителями языка неоднозначно. В большинстве случаев (83 % употреблений этого слова) слово «футурология» имеет положительную коннотацию и рассматривается как наука о развитии систем в будущем. И лишь 17 % употреблений раскрывают отрицательное значение данного слова, трактуя его как «лженауку», либо как обыденное предположение о будущем. Следовательно, препятствий для трансляции термина Futures Studies посредством слова «футурология» не должно быть.

Тем не менее, в настоящее время в России нет специальных научных центров, занимающихся конкретно изучением развития будущего, нет ни одного института, в именовании которого бы содержалось слово «футурология». Правда, имеется организация, носящая название академии — Международная академия исследований будущего (International Futures Research Academy), позиционирующая себя как «сообщество исследователей ряда стран мира, занятых проблемами теории и практики прогнозирования» (<http://www.maib.ru/>). В то же время на Западе действует World Futures Studies Federation — Всемирная организация изучения будущего («или футурологии»), работающая в сотрудничестве с ЮНЕСКО. В ряде стран некоторые вузы реализуют учебные программы по дисциплине Futures Studies (например, Copenhagen Institute for Futures Studies, Дания; University of Turku, Финляндия; University of Stellenbosch Business School, Южно-Африканская Республика и другие). Одним из ведущих международных рецензируемых

междисциплинарных научных журналов на английском языке, публикующих научные статьи, эссе, размышления и прочие материалы по проблемам будущего и его развития, является научный журнал *Futures* издательства Elsevier. В российской науке [Пирожкова, 2016] и на русских сайтах (например, русскоязычная Wikipedia) данный журнал характеризуют как журнал по научной дисциплине футурологии. Сам журнал издается с подзаголовком «The journal of policy, planning and futures studies».

Итак, в английском языке устоявшийся термин для обозначения «учения о будущем» — *Futures Studies*. Этот термин «произошёл» в результате лексикализации множественного числа имени *futures*. Исследователи объясняют использование формы множественного числа для именованной данной отрасли знания тем, что исследования в ней направлены на изучение множества разных, альтернативных видов реализации будущего [Raven, 2017]. Как поясняет С. В. Пирожкова, термин *Futures studies* в российской науке либо не переводится совсем, либо переводится как «исследование будущностей». Почему это происходит? Что препятствует трансляции данного термина посредством такого аналога как «футурология»?

Изучение научных статей по философии науки позволило прояснить данный вопрос. Понятие *Futures Studies* кладётся исследователями в основание пирамиды всех отраслей знания, которые занимаются изучением будущего, а именно, разного рода прогнозирования, планирование, предвидение, моделирование и т. д. Исследуя разнообразные формы прогностической деятельности, С. В. Пирожкова разделяет её на научное предвидение, основанное на логическом и математическом расчёте, прогнозирование, работающее с открытыми системами от того дающее менее исчерпывающие результаты, и футурологию, «отражающую» и «конструирующую» будущее [Пирожкова, 2016, с. 119]. Этим автор разграничивает результаты работы прогнозистов и футурологов. Футурология, по свидетельству автора, эволюционировала из *Futures Studies*, следовательно, именно футурологией и можно называть ту науку, которая называется *Futures Studies* на английском языке.

Л. М. Самков называет два вида прогностической деятельности, входящих в состав *Futures Studies*, — научное предвидение и прогнозирование, на английский манер — «форсайт» и «форкаст», развернуто объясняя их семантику и функциональные различия, выявляющиеся в исследовательских подходах в западной науке [Самков, 2015]. Примечательно, что при рассмотрении западных прогностических / футурологических теорий отечественные исследователи зачастую избегают трансляции англоязычных понятий на русский язык, прибегая к транслитерации. Так, обзорные статьи по *Futures Studies* на русском языке, выполненные учеными-негуманитариями, пестреют терминами типа «форсайт» (*foresight*), «форкаст» (*forecast*), «форсот» (*forethought*). С целью ситуативного уточнения данные термины дополняются русскоязычными именами: «форсот-проектирование», «форсот-проект», «форсот-прототип» [Там же]. С другой стороны, осмысление *Futures Studies* исследователями гуманитарной направленности приводит к появлению попыток транслитерировать англоязычные термины на русский язык. Так, С. В. Пирожкова, излагая философский взгляд на науки о будущем, предлагает для обозначения *Futures Studies* использовать на русском языке развернутый аналог — «исследование многовариантного будущего» [Пирожкова, 2016, с. 113]. Это не футурология, но нечто, значительно шире и глубже ее, при этом лишенное отрицательных коннотаций, возникающих в связи с советским прошлым данного слова.

Заключение

В российской науке сложилась «сумятица в словоупотреблении» [Пирожкова, 2016, с. 113] относительно терминологии наук, изучающих будущее. Это произошло, в первую очередь, оттого, что в отечественной науке исследованиями будущего той или иной отрасли знания занимаются эти самые конкретные науки. Кроме того, в российской научной традиции, в отличие от западной, изучение будущего не выделяется в отдельную дисциплину. Однако растущая популярность различного рода прогностических исследований в западной науке вынуждает и российских ученых обращать внимание на результаты данных исследований. Методология, цели, объекты исследования данной области познания значительно шире того терминологического аппарата, который сложился в российской культуре. Поэтому российские исследователи вынуждены частично заимствовать терминологический аппарат из английского языка, частично его модифицировать, комбинируя имеющиеся термины с транслитерацией англоязычных терминов. Что касается трансляции заглавного термина Futures Studies на русский язык, оказалось, что, несмотря на отсутствие достаточно веских причин избегать его аналога «футурология» в переводе, российские исследователи не ставят знака равенства между Futures Studies и футурологией. В связи с этим мы полагаем, что наиболее приемлемым является вариант его перевода С. В. Пирожковой, с небольшим уточнением, а именно — употреблением множественного числа имени существительного «исследование»: «исследования многовариантного будущего». Данный перевод отражает суть термина, поскольку Futures Studies это целый комплекс исследований в разных областях знания. Тем не менее, мы осознаем, что унифицировать его употребление среди исследователей данной темы невозможно, что обусловлено самим характером науки в целом.

Список литературы

1. Динабург С. Р. Современные исследования будущего: между утопией и форсайтом // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2016. № 3. С. 86–97.
2. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: <https://gufo.me/dict/efremova/%D1%84%D1%83%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 04.11.2019).
3. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии <https://gufo.me/dict/culturology/%D0%A4%D1%83%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 04.11.2019).
4. Меньшакова Н. Н. Категория фантазийности в науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-fantazijnosti-v-nauke> (дата обращения: 04.11.2019).
5. Меньшакова Н. Н. Категория фантазийности в английском научном тексте. Дисс. ... к. филол. н. Иваново, 2009. 222 с.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://processing.ruscorpora.ru/> (дата обращения 03.11.2019).
7. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. Санкт-Петербург: Изд-во «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», 2003. 277 с.
8. Новая философская энциклопедия в 4-х томах / Научно-ред. совет: В. С. Стёпин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. Москва: Мысль. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_

encyclopedia/%D0%A4%D0%A3%D0%A2%D0%A3%D0%A0%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF (дата обращения: 04.11.2019).

9. Пирожкова С. В. Предсказание, прогноз, сценарий: к вопросу о разнообразии результатов исследования будущего // *Философия науки и техники*. 2016. Т. 21, № 2. С. 111–129

10. Самков Л. М. Прогнозное проектирование: форкаст, форсайт, форсот // *Путь науки*, Волгоград, 2015. С. 16–20.

11. Щедровицкий Г. П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки / Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 7. Москва: Путь, 2004. 400 с.

12. Raven P. G. Telling Tomorrows: Science fiction as an energy futures research tool // *Energy Research & Social Science*, 2017. <http://dx.doi.org/10.1016/j.erss.2017.05.034> (дата обращения: 17.05.2018).

Menshakova N. N.

Ph. D. (Philology), Assistant Professor,

Linguistics and Translation Department,

Perm State University

ON THE PROBLEM OF TRANSLATION OF THE TERM “FUTURES STUDIES” FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Modern science more and more often looks into the future, making scientific forecasts and predictions about its own development. This phenomenon is based on the probabilistic nature of modern science; it might also be explained by the fact that science does not use solely empirical means of the world cognition. Science can also be characterized as heuristic, theoretical and intuitive by nature. In Western science there is such an academic discipline as Futures Studies, which is well developed and rather popular. It consolidates the results of scientific forecasting of different scientific fields. In Russian academic sphere there is no absolute analogue to Western Futures Studies, and thus there is no definite equivalent to this term. The author of the article makes an attempt by means of lexicographical analysis and the study of theoretical material to find the most adequate analogue to the term Futures Studies in Russian. This analogue should reflect the content and peculiarities of the term. The article also thoroughly studies such term as futurology, its connotations and meanings. As a result of the analysis the author comes to the conclusion that Russian academics tend to avoid the use of the word “futurology” in respect to Futures Studies. Futurology in Russian mind is associated with delusions, speculations and junk science. In case when the word “futurology” is applied by academics it is understood in a more narrow sense than Futures Studies. In the end the author suggests using the term “исследования многовариантного будущего” as a way of translation the term Futures Studies into Russian.

Keywords: translation, term, figment thinking, future, futurology, Futures Studies

УДК 81'32

Пинягин Юрий Николаевич

Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7(342)2396283
E-mail: yu. pinyagin2011@yandex.ru

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ
ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПЕРЕВОДЕ**

В статье анализируются проблемы, возникающие при трансляции типологических свойств туристического дискурса. Он интегрирует в себе элементы других типов дискурса, таких как географический, рекламный, спортивный, природоохранный, гастрономический и научно-популярный. С момента своего возникновения, туристический дискурс менялся под влиянием исторических и социоэкономических условий. Сегодня туристическая коммуникация носит коммерческий характер, предполагающий взаимодействие автора и читателя, как потенциального клиента туристического бизнеса. Этот тип дискурса характеризуется диалогичностью вследствие того, что тексты составляются компетентными профессионалами, а его читателями могут быть представители очень широкой и социально неоднородной аудитории. По этой причине в текст закладывается лингвокультурная, когнитивная и эмоциональная информация для того, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя, которая в обязательном порядке должна быть транслирована переводчиком. Это предполагает наличие у него рефлексии, знания культуры и истории страны, а также воспроизведения концептов и аллюзий, заложенных в тексте оригинала. Когнитивно-деятельностный подход к переводу и «распредмечивающее» понимание смысла оригинала позволяют точнее интерпретировать концептуальную программу исходного текста и передавать интенциональный смысл оригинала во всей его полноте. При этом переводчик должен учитывать, что эмоциональная информация туристического текста может содержать целый ряд манипулятивных приемов, например, прилагательные в превосходной степени, которые призваны гиперболизировать описываемые достопримечательности. Эмоционально-оценочные характеристики могут нести и элементы текста, нацеленные на передачу когнитивной информации. Их сочетание приводит к выводу о том, что исследуемый текст написан в научно-популярном стиле, целью которого является донести в доступной форме специальные знания, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя. По этой причине когнитивная информация в чистом виде — терминология, встречается в тексте гораздо реже, чем в лексемах, отражающих их семантику, но несущих познавательную информацию, осложненную образами восприятия потенциального читателя данного текста.

Ключевые слова: туристический дискурс, типологические свойства, интерпретация, рефлексия, когнитивно-деятельностный подход, интенциональный смысл.

Введение

Туристический дискурс сегодня трактуется весьма неоднозначно, но в целом он понимается как «совокупность текстов, представляющих собой продукт речевой деятельности в сфере туризма» [Базарова, 2014, с. 161]. Проблема определения данного типа дискурса нередко связана с вопросом его генезиса, поэтому в научной литературе доминирует точка зрения о том, что туристический дискурс является институциональным подвидом рекламного. Другие исследователи отмечают взаимодействие туристического дискурса с рекламным, бытовым, научно-популярным, дидактическим и другими типами дискурса [Погодаева, 2006; Слезко, 2013]. Заслуживающим внимания представляется мнение В. В. Дацюк и Л. П. Тарнаевой, которые считают, что «входя в пространство институционального дискурса, туристический дискурс может быть отнесён к разновидностям делового» [Дацюк, 2013, с. 230]. Исследователи акцентируют внимание на полифоничности и гибридности туристического дискурса, который при любой структуре выполняемых функций, находится в близком родстве с рекламным. Н. В. Филатова полагает, что выделение туристического дискурса оказывается возможным на основании четырех факторов: характерная тематика, образ адресата, особая коммуникативная цель и маркированность специфичным набором языковых средств [Филатова, 2012, с. 41–42].

Основная часть

Целью данной статьи является анализ деятельности переводчицы А. Бурыловой и автора статьи в процессе передачи типологических свойств туристического дискурса в книге Э. Джоунз “The Little Gift Book of Canada”. Написанная профессионалом туристического дискурса и ориентированная на неосведомленного путешественника, эта книга в качестве основной темы имеет некий «интегративный объект — «дестинацию», которая является основным концептом туристического дискурса» [Аликина, 2010, с. 44–45]. Дестинация — это любой туристический объект: страна, город, достопримечательность, туристический маршрут и т. п. Описание такого рода объектов может охватывать сразу несколько видов туризма: пляжный, природный, исторический, экстремальный, культурный, гастрономический и другие. Очевидно, что такая многоплановость темы диктует полифоническую структуру текста, в которую «вплетены» блоки информации, не связанные напрямую со сферой туризма. Следует заметить, что при переходе от одного информационного пласта к другому «воспринимающее сознание «переключается» в иное ментальное пространство и начинает «работать» с другими кодами, смыслами, системами знания при оценке и интерпретации данного в тексте содержания» [Чернявская, 2009, с. 228]. Данный тезис лежит в основе интердискурсивности, в соответствии с которой туристический дискурс может включать другие типы дискурсов — географический, искусствоведческий, природоохранный и другие, так или иначе «соотнесённые содержательно и функционально в единое целое» [Данилевская, 2009, с. 20].

Постепенно разворачивающееся в содержании текста — описание дестинации — говорит о главной функции туристического дискурса — информационной. Ей соответствует информация когнитивного типа, содержание которой нацелено на информационное воздействие на туриста, понуждение его к принятию решения относительно поездки и включает в себя сведения о географическом положении объекта, его познавательном и

развлекательном потенциале, инфраструктуре, климате местности, погоде и т. д. В результате во многих текстах туристического дискурса выстраивается хронотоп путешествия: «представление реальной картины пространства и времени с целью ориентирования туриста на местности и координации его действий с учётом временных рамок» [Михайлова, 2014, с. 619].

Информация такого рода даёт читателю представление о предстоящем опыте и отличается определённым уровнем объективности, точности, полноты и востребованности, что позволяет говорить о близости языка туристического дискурса к научно-справочному и научно-популярному стилям речи [Базарова, 2014]. В тексте эти свойства передачи информации реализуются в использовании безличных и неопределенно-личных, атемпоральных конструкций, числительных и абстрактной лексики, большую часть которой составляют термины, а также культурные реалии.

Несмотря на большой объём познавательной информации в туристическом тексте, в нём присутствует и эмоциональная информация. Благодаря ей передаётся функциональная суть туристического дискурса, заставляющая сопоставлять его с рекламным, — аттрактивность. Несложно заметить, что отражающая хронотоп информация, представлена исключительно в позитивных эмоциональных тонах для того, чтобы вызвать у читателя туристического текста интерес к туристическому продукту и тем самым стимулировать его приобретение. Именно язык, транслирующий эмоции, способствует превращению некой локации в туристический объект. Самый яркий пример этого — использование в тексте слов с положительной окраской, например: *эксклюзивный, старинный, оазис, жемчужина*. Т.Б. Новиковой, в частности, выделен ряд актуализируемых подобными словами концептов: *покой, комфорт, релакс, умиротворение и отдых, удовольствие и наслаждение, рай, активность, адреналин, драйв*. Но особое место в туристическом дискурсе, по мнению исследователя, занимает концепт *уникальность*. Все эти базовые, дискурсообразующие концепты не только прямо объективируются в тексте, но и реализуются через ассоциативные образы и чувства предметных концептов, таких как: *море, солнце, пляж, горные лыжи, подводное плавание* и т. д. Они выборочно воздействуют на аудиторию в зависимости от предпочтений каждого конкретного туриста [Новикова, 2016].

Эмоциональная информация туристического текста может включать целый ряд манипулятивных приёмов. Так, зачастую используются гиперболические выражения с прилагательными в превосходной степени и словами, обозначающими выделенное множество [Михайлова, 2014], например: *Чтобы прикоснуться к уникальнейшей жизни острова Бали, сюда ежегодно приезжают туристы со всей планеты. Каждый находит для себя оптимальный вариант отдыха*.

В современных теориях перевода постулируется *взаимодействие* двух культур при переводе, вызванное совместной «работой сознаний» автора исходного текста и автора перевода [Алексеева, 2013; Кушникова, 2014; Фесенко, 2002]. Это подводит нас к рассмотрению понятия переводческого дискурса, возникшего в рамках современной деятельностной онтологии в переводоведении.

Одна из концепций переводческого дискурса представлена в работах Л. В. Кушниковой. Рассматриваемое понятие определяется ею как «сложная текстовая деятельность, протекающая в форме межъязыкового общения, нацеленного на порождение и восприятие

смыслов текста» [Кушникова, 2014а, с. 34]. Эти процессы осуществляются в так называемом «переводческом пространстве», под которым подразумевается динамическое поле образования и «наращивания» всевозможных смыслов, визуальных и чувственных образов переводимого текста. Эти смыслы и образы распределяются по ядерной и периферийной зонам переводческого пространства, что предопределяет образование субъективно-личностных интерпретаций текста, его неповторимого образа — гештальта в сознании каждого отдельного читателя. Данное понятие соответствует термину интегрального ментального пространства, который вводится Т. А. Фесенко для обозначения «зон пересечения» знаний, образов и представлений о мире в сознании автора исходного текста (далее — ИТ) и сознании переводчика [Фесенко, 2002]. Только на такого рода участках пересечения и может возникнуть понимание исходного текста, которое «подвергается передаче» средствами языка перевода. Из вышеизложенного следует, что для создания текста-инварианта оригинала переводчику необходимо провести осознанные действия по осмыслению исходного текста за счёт выстраивания переводческого пространства. В виду *функционально-семантической* природы последнего [Кушникова, 2014б, с. 15] мы считаем обоснованным говорить о направленности рефлексии переводчика на два аспекта смыслообразования текста. Первый аспект заключается в его целостности, инкорпорированности каждой его дискретной единицы во все остальные. Восстановить эту целостность для последующего сохранения в переводе переводчику позволит схематизация иерархически выстроенного смысла оригинала [Щедровицкий, 2005, с. 466]. Только в этом случае переводчику удастся выбрать оптимально подходящие номинации, обладающие достаточно полной и точной семантикой.

Второй аспект рефлексивной деятельности переводчика, по мнению Н. Л. Галеевой, приводит к тому, что «некоторые элементы содержания в сильных текстах могут терять свою сущность — создания только связей, приводящих к формированию значения, но приобретать значимость смыслообразующей формы» [Галеева, 1997, с. 52]. Переводится, как следствие, «не слово словом, а средство средством» [Там же, с. 62], что требует выхода с уровня номинаций на уровень концептов для распрямления (термин Г. И. Богина) смыслов оригинала. Такой уровень понимания невозможен без проведения глубокого экстралингвистического анализа текста оригинала, так как данный этап предпереводческой деятельности даёт возможность восстановить стоящую за ним ситуацию [Шустова, Розенкова, 2017].

Если первый из рассмотренных принципов работы с ИТ касается перевода вообще, то второй аспект рефлексивной деятельности связан с типологией перевода как межъязыкового взаимодействия в конкретной ситуации. Отмечается, что «действительность ситуации, которую мы восстанавливаем по тексту, является продуктом *практической деятельности и мышления*» [Щедровицкий, 2005, с. 466]. Изучая под этим углом особенности разных типов текстов, Н. В. Шутимова, в частности, определяет понятие типологической доминанты — «главного свойства оригинала, которое подлежит репрезентации при переводе» [Шутимова, 2015, с. 48].

Проведённый нами предпереводческий анализ позволил сделать ряд выводов о типах информации, их структуре, содержании и оформлении в оригинале, на основе чего в процессе перевода выстраивается его интерпретация. Исходя из выявленных типологических

черт туристического дискурса, а также особенностей выбранного для исследования текста, можно сформулировать ряд закономерно возникающих переводческих проблем. Их анализ приводит к выделению четырёх основных направлений: перевод фрагментов, содержащих лингвокультурную информацию, специальные знания, вкрапления эмоциональной и эстетической информации.

В туристическом дискурсе раскрывается специфика национально-культурного пространства, поэтому тексты имеют ярко выраженную лингвострановедческую направленность. Наиболее важным для понимания сути текста оказалось осознание того, что, например, территорию Канады на протяжении её истории населяли самые разные народы: индейцы, викинги, баски, испанцы, португальцы, англичане, французы и американцы. По этой причине в стране наблюдается нынешняя многоликость населения и многообразие культур. Территория Канады является унифицирующим пространством, в котором представители разных народов, с одной стороны, объединяются в одну нацию, а с другой, испытывают стремление сохранять свою этнокультуру и поддерживать её уникальность. Приведённый далее фрагмент исходного текста отражает концепт *национальной идентичности*, который был передан нами в более доступном для читателя иной — русской — культуры виде с помощью приёма смыслового развития, сравните:

A mixture of nationalities and races that bring many cultural influences to the Canadian identity, its population has often been termed a “mosaic”.

Смешение в нём разных национальностей и рас, которое сильно сказывается на общности канадской культуры и населения, часто сравнивают с «мозаикой».

Семантика номинации *Canadian identity* выражает уникальный образ канадской нации. В переводе данный смысл получил такое языковое выражение, при котором более чётко просматривается сочетание единства и неоднородности населения Канады: слово *общность* в данном контексте выступает антонимом слову *смешение*. На реализацию этого же смысла направлено сравнение канадского народа с *мозаикой*, которое сохранено в тексте перевода на основании его концептуальной равноценности в обоих языках.

Многообразие культуры канадской нации проявляется в использовании в исходном тексте аллюзий, отсылающих читателя к разным историческим событиям, народам и их реалиям. Нами были выявлены и отражены в переводе глубинные смыслы аллюзий к колониальному прошлому Канады:

Victoria has retained much of its turn-of-the-century architecture and has a decidedly “English” feeling, enhanced by double-decker tourist buses.

Виктория, столица провинции Британская Колумбия, сохранила большую часть колониальной архитектуры рубежа XIX–XX вв. и пропитана истинно «английским» духом, который усиливается благодаря красным двухэтажным автобусам.

Характеристику архитектуры рубежа веков в переводе дополнило уточнение исторического периода XIX–XX вв. и включение ключевого признака *колониальный*, так как Канада была доминионом Великобритании, а реалия *double-decker tourist bus* также отсылает к национально-культурному пространству Великобритании. Таким образом, текст перевода позволяет читателю абстрагироваться от дестинации Канады и представить образ английского города.

Важно отметить, что аллюзии к Великобритании тесно связаны с концептом *Royal*, в связи с чем, в тексте оригинала часто используется это прилагательное:

*The city was once the headquarters of the original **Royal** Canadian Mounted Police, and the training depot is still located here, as well as a museum.*

*Когда-то в городе находилась штаб-квартира **Королевской** канадской конной полиции. Её образовательный центр, как и Центр наследия, до сих пор остаются в пределах Реджайны.*

Колониальная зависимость Канады, однако, связывает эту страну не только с Великобританией. Так, описание провинции Квебек содержит большое количество аллюзий к французской культуре.

Montreal's island setting is dominated by **Mount Royal**, a park that provides a year-round refuge from the bustle of the surrounding city.

Над островом, где расположен **Монреаль**, возвышается стоящий на склонах горы парк **Мон-Руаяль**, который даёт возможность в течение года избежать суеты этого города.

Одним из наиболее важных принципов переводческой стратегии при работе с текстом туристического дискурса является сохранение национального колорита реалии при её транскрибировании — *Mount Royal* (**Мон-Руаяль**). Национальная специфика лингвокультурной информации передаётся также в иноязычных вкраплениях, которые допускаются в туристическом дискурсе, как средство трансляции таких смыслов, как *экзотичность* и *престиж*, при условии наличия их перевода в скобках или сноске, сравните:

La belle province richly deserves its name.

Провинция Квебек по праву заслужила свое прозвище "*La belle province*" (с франц.: *прекрасная провинция*).

Важным аспектом трансляции туристического дискурса является передача аллюзивности имен собственных. Эта особенность лежит в основе топонимики Канады, так как культурное многообразие и народы, населявшие её, оставили на этой территории отпечаток многоязычия, что обязательно должно отражаться в комментарии к переводу географических названий. По этимологическому признаку топонимы Канады можно разделить на три основные группы в зависимости от их происхождения: английские, французские и индейские.

Наиболее многочисленная группа топонимов-аллюзий относится к Великобритании. Их происхождение уходит корнями в историю, когда Канада обладала статусом доминиона Британской империи.

Виктория — столица провинции *Британская Колумбия*, названная в честь английской королевы.

Реджайна — столица провинции *Саскачеван*, название которой происходит от латинского *regina* — королева.

Провинция **Альберта** была названа в честь принцессы Луизы Каролины Альберты (1848–1939), четвёртой дочери королевы Виктории и её отца, принца Альберта.

Эдмонтон — столица провинции *Альберта*, основанная в 1795 г. как торговый пост *Компании Гудзонова залива* и названная в честь английского городка *Эдмонтон* (Великобритания, Большой Лондон), где родился один из служащих поста.

Важным моментом этого туристического дискурса является раскрытие понятия «каботажное плавание»:

*Portuguese and Basque fishermen were already taking cod from the Grand Banks off Newfoundland by the time **John Cabot** anchored here in 1497.*

К тому времени, как в 1497 году Джон Кэбот обнаружил Большую Ньюфаундлендскую банку, рыбаки Португалии и так называемых баскских земель уже ловили на этой отмели треску.

Смысл данного фрагмента оригинала раскрывает идею возникновения каботажного плавания в XV в. Название термина *каботаж* происходит от испанского слова *sabo*, то есть *мыс*. Под каботажным плаванием понималось плавание «от мыса к мысу», то есть прибрежное плавание. Джон Кэбот, он же Джованни Кабото, совершил каботаж вдоль побережья Новой Британии, островов Кейп-Бретон и Ньюфаундленд, став основоположником каботажного плавания, осуществляемого для перевозки грузов и пассажиров между портами одного моря. Для лучшего понимания исходного смысла оригинала читателями эта информация должна быть вынесена в переводческий комментарий.

Лингвокультурная информация занимает важное место в туристическом дискурсе и представляет наибольшую сложность для перевода, но «вклинивания» когнитивной информации тоже могут вызывать затруднения. Их перевод в основном заключается в знакомстве с терминологией, которая, вопреки своей однозначности и независимости от контекста, требует особого внимания в процессе интерпретации.

Специального географического знания потребовал перевод названия главы, посвящённой некоторым административно-территориальным единицам Канады, например, *Newfoundland & the Northern Territories / Ньюфаундленд и Лабрадор. Территории Северной Канады*.

В названии главы встретились два топонима: *Newfoundland* и *the Northern Territories*. Первым является остров в составе провинции *Ньюфаундленд и Лабрадор*. Второй представляет собой собирательное название для трёх административных субъектов Канады, называемых территориями: *Нунавут*, *Северо-Западные территории* и *Юкон*. С целью придания логичности и семантического единообразия заголовку название острова подлежит в переводе замене названием провинции. При этом важно учесть различие средств оформления языковой плотности в двух лингвокультурах: распространённый в англоязычных текстах символ «&» в переводе на русский язык заменяется союзом *и*.

Перевод термина в следующем предложении осложняется пересечением тематически связанных, на первый взгляд, слов *ферма*, *ранчо* и *провинция*:

Alberta was known primarily as a farming and ranching province until the 1950s.

До 1950-ых гг. провинция Канады Альберта была известна в первую очередь своими фермами и ранчо.

Применительно к Канаде *province* означает не удалённую от центральных районов местность со слаборазвитой культурой, а административно-территориальную единицу в составе страны, что должно быть учтено переводчиком во избежание апелляций к ложным концептам в сознании читателей. В предложенном нами переводе присутствует добавление слова *Канада*, которое снимает возможность неверных интерпретаций.

Трансляция специального знания может осложняться несовпадением способов фиксации расстояний и высоты в культурах, использующих разные метрические системы. В русской традиции для обозначения расстояний используются километры и метры, тогда как в Канаде расстояние измеряется в милях, а высота в футах. Автор оригинала даёт оба варианта измерения расстояний и высот, что является избыточным для текста перевода, поэтому эти данные оригинала опускаются нами в переводе, сравните:

The western terminus is Thunder Bay, one of Canada's largest ports — some 4,000 kilometres (2400 miles) from the ocean!

От Атлантического океана до конечной точки Морского пути на западе — города Тандер-Бей, одного из крупнейших портов в Канаде, — порядка 4000 километров!

Yukon's Klucane National Park boasts some of Canada's most scenic mountainscapes, including Mount Logan — at 5950 metres (19,520 feet) the tallest peak in Canada.

На территории национального парка Клуэйн в Юконе разворачиваются красивейшие горные пейзажи Канады. Один из них — гора Логан, высочайшая вершина страны — 5950 метров над уровнем моря.

Функциональная доминанта туристического текста была определена нами в единстве его познавательности и аттрактивности, в связи с чем, при переводе невозможно игнорировать трансляцию такой типологической черты туристического дискурса, как эмоциональность. В лексике следующего фрагмента проявляется совмещение информации эмоционального и эстетического типов:

The sun-drenched beaches and wild Pacific beauty of the coast vie for attention with cool mountain vistas and wilderness trails.

Утопающие в солнечных лучах пляжи и потрясающая красота Тихоокеанского побережья конкурируют с прохладой и нехоженными тропами горных склонов.

Эпитеты *sun-drenched*, *wild*, *cool* и *wilderness* не только активизируют в сознании читателя чувственные образы, но и передают положительную эмоциональную оценку. Интересно проанализировать то, как в переводе реализовалась семантика прилагательного *wild*. В данном контексте по отношению к Тихоокеанскому побережью в его концептуальном ядре доминирует признак *природный*, а не *дикий*, *некультивированный*. Поскольку заданный смысловой компонент реализуется в названии дестинации, в переводе допустимо сделать упор на эмотивном значении номинации, а именно: *потрясающая красота Тихоокеанского побережья*.

Эмоции, передаваемые автором туристического текста, не только выражают его отношение к описываемому объекту, но и программируют эмоциональное поведение туриста во время путешествия:

The romance of the Cariboo, a region of remote cattle ranches and the excitement of the rodeo, competes with the historic interest of the gold rush era in the Interior.

Романтика плато Карибу — района скотоводческих ранчо и страсти к родео, соперничает с историческим соблазном внутренних районов провинции, известных со времен «золотой лихорадки».

В этом примере существительные, обозначающие эмоции, раскрывают ассоциативно-чувственные признаки предметных концептов туристических дестинаций: *романтика* и *страсть* характеризуют родео; *соблазн*, *лихорадка* — ассоциируются с месторождениями золота, привлекавшими золотоискателей со всего мира. Отметим, что трансляция эмоционально-смыслового потенциала словосочетания *historic interest* — *историческая привлекательность*, не была бы реализована в переводе без применения приёма смыслового развития.

Интересным представляется «вклинивание» элементов гастрономического дискурса, когда упоминается всемирно известные символы Канады — сахарный клён и получаемый из него сироп:

In some areas, the sap of the maple tree is still tapped each spring. It is made into a confection that is sold throughout the world — real Canadian maple syrup.

В некоторых районах южного Квебека каждую весну до сих пор производится сбор кленового сока. Из него изготавливается сладость, которая пользуется спросом во всем мире — настоящий канадский кленовый сироп.

Эта сладость добавляется во всевозможные блюда, особенно в выпечку, и имеет широкую известность за рубежом. В переводе значимость данной культурной реалии подчеркнута с помощью привнесения эмотивности в смысл причастия *sold* — кленовый сироп не просто присутствует на внешнем рынке, а пользуется спросом у покупателей.

Привлечение внимания туристов обеспечивается не только за счёт эмоциональной информации. Описания направлений обычно украшаются целым набором средств выразительности, характерных для информации эстетического типа. Предпереводческий анализ оригинала привёл к выводу, что в систему средств выражения этого типа информации вплетаются элементы географического дискурса, о чём свидетельствует витиеватость пейзажных описаний, наполненных метафорами:

Off the west coast of Vancouver Island, huge Pacific swells race to shore, spending themselves in long hissing waves along miles of fine sand beaches and breaking dramatically against rocky headlands.

Неподалеку от западного берега острова Ванкувер тихоокеанские волны идут вдоль длинного побережья, бесшумно перебирая мелкий песок на пляжах и разбиваясь о скалистые мысы.

Метафоризация туристического дискурса исследовалась Е.Ю. Аликиной, С. Л. Мишлановой, которые выделяют главную функцию метафоры данного дискурса — положительное информирование, а также предлагают ряд стратегий по созданию метафоры в описании направлений: опора на прошлый опыт, создание образности и экспрессивности, снижение информационной плотности с параллельным усложнением синтаксической структуры [Аликина, Мишланова, 2010]. Приведённый пример демонстрирует то, как осмысленный нами образ направления был транслирован через обращение к существующим в сознании читателя прототипичным концептам *океан, побережье, пляж, скалы*. Их взаимодействие в реальной действительности задаёт основу для уникального языкового выражения средствами языка перевода, в котором прослеживается целый комплекс лексических и грамматических трансформаций исходного материала. Например, опущение прилагательного *шипящий* (*hissing*) было компенсировано семантикой деепричастного оборота *бесшумно перебирая мелкий песок на пляжах*, за счёт фактической и общеизвестной связи таких объектов реального мира, как волна и песчаный пляж.

Заключение

Анализ способов репрезентации типологических свойств туристического дискурса показал, что этот тип дискурса обладает полифоничностью и содержит вербальные отсылки к реалиям, аллюзиям и ценностям культуры текста-оригинала, при этом отражает события исторического контекста, менталитет членов данного лингвокультурного сообщества. Кроме того, в процессе перевода возникает определённая «культурная дистанционность»,

которая может быть нивелирована с помощью различного рода пояснений, экскурсов и метафор, используемых автором перевода. Также в тексте оригинала могут содержаться мировоззренческие установки, которые вызывают у реципиента ассоциации, не запланированные автором перевода. И, наоборот, у читателя перевода может не появиться понимания коннотаций, заложенных какой-либо авторской интенцией. В этом случае переводчик должен обладать необходимой этнокультурной и лингвокультурной компетентностью, чтобы выступать в качестве эксперта в области обеих культур. Эта задача осложняется ещё и тем, что туристический дискурс, анализируемый нами в данной статье, органично включает в себя элементы других дискурсов, обладающих своей спецификой, что доказывает интердискурсивность этого типа дискурса.

Список литературы

1. Алексеева Л. М. Специфика научного перевода (антропоцентрический аспект). Пермь: Изд-во «Пермский университет», 2013. 189 с.
2. Аликина Е. Ю., Мишланова С. Л. Аттрактивная функция метафоры в туристском дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2010. Вып. 6. С. 44–50.
3. Базарова Л. В., Сакаева Л. Р. Понятия «туризм» и «туристический дискурс» в современной научной парадигме // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. Вып. 6 (36): в 2-х ч. Ч. I. С. 159–161.
4. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в герменевтику. Москва: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 731 с.
5. Галеева Н. Л. Основы деятельностной теории перевода. Тверь: Изд-во «Тверской университет», 1997. 80 с.
6. Данилевская Н. В. Научный текст в аспекте интердискурсивного подхода // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. Вып. 3. С. 18–21.
7. Дацюк В. В., Тарнаева Л. П. Туристический дискурс: лингвопрагматические характеристики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2013. Вып. 3. С. 229–235.
8. Кушнина Л. В. и другие. Введение в синергетику перевода. Пермь: Изд-во «Пермский политехнический университет», 2014. 278 с.
9. Кушнина Л. В. Теория перевода как междисциплинарная антропология // Вестник Пермского технического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014 а. Вып. 10. С. 45–53.
10. Кушнина Л. В. Переводческое пространство как стратегия межъязыкового и межкультурного взаимодействия // Лингвокультурный компонент в переводческом пространстве / Отв. ред. Э. М. Рянская. Нижневартовск: Изд-во «Нижневартовский университет», 2014 б. С. 4–38.
11. Михайлова Л. М. Основы туристического дискурса в современном английском языке // Гуманитарные и социальные науки. 2014. Вып. № 2. С. 618–620.
12. Новикова Т. Б. Концептосфера туристического дискурса // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Межвуз. сборник научных трудов. Тверь: Изд-во «Тверской университет», 2016. Вып. 35. С. 155–159.
13. Погодаева С. А. Об информативности туристического дискурса // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2006. Вып. 2 (26). С. 47–54.
14. Слезко Ю. В. Феноменологическое пространство туристического дискурса // Вестник Бурятского университета. 2013. Вып. 15. С. 155–162.
15. Фесенко Т. А. Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода. Тамбов: Изд-во «Тамбовский университет», 2002. 228 с.

16. Филатова Н. В. Туристический дискурс в ряду смежных дискурсов: гибридизация или полифония? // Вестник Московского областного государственного университета. Лингвистика. 2012. Вып. 3. С. 41–46.
17. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248с.
18. Шустова С. В., Розенкова Х. Е. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 101–104.
19. Шутёмова Н. В. Понятие доминанты в типологии перевода // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 3 (31). С. 46–51.
20. Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия. Москва: Наследие ММК, 2005. 800 с.
21. Jones J. E. The Little Gift Book of Canada. Vancouver: Whitecap Books, 2010. 106 p.

Pinyagin Yu. N.

*Ph. D. (Philology), Professor,
Linguistics and Translation Department,
Perm State University*

LINGUISTIC REPRESENTATION OF TYPOLOGICAL FEATURES OF TOURIST DISCOURSE IN TRANSLATION

The article is devoted to the analysis of the problems which emerge in the process of translating the tourist discourse texts. They include the elements of other types of discourses such as geographical, advertising, sport, gastronomic and others. The tourist discourse has experienced many alterations due to historical and social factors. It has acquired commercial character due to the interrelation of its authors and the supposed tourist clients. This type of discourse resembles a dialogue between the professionals, creating the tourist text, and the potential readers of very versatile and not homogenous origin. For this reason the text contains the cultural, cognitive and emotional information, which is to attract the attention of the supposed reader and be obligatory translated. Such translation process presupposes translator's reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. Cognitive approach to translation allows the translator to make deeper observations and reflections of the original text and give a full idea of the contents and the intentions of the author in the target language. It means that he has got proper reflections of culture, history, concepts and allusions of the original text. The cognitive approach and the non-formal understanding of the original text allows to interpret its deep structure and convey the intentional contents of it. The translator is to realize that the tourist discourse text may contain emotional information which can manipulate his perception of the text and make its contents look more attractive for a potential reader. The cognitive contents of such texts can be overlaid with emotional information and it means that such text belongs to popular style, the main idea of which is to convey special knowledge in acceptable form to a potential reader. This is the reason for the cognitive information not to be regularly expressed by terms. For the most part such information is represented by the words which convey emotional aspect of the notions aimed at the emotional perception of the potential reader.

Keywords: tourist discourse, typological features, interpretation, reflection, cognitive approach to translation process, intentional meaning.

УДК 811. 134. 2

Химинец Елена Михайловна

Старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7 (342)2396283
E-mail: ellen. lm@mail.ru

Чагина Анастасия Петровна

Магистр филологических наук,
старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7 (342)2396283
E-mail: liolio@list.ru

**ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА
И ЕГО СОХРАНЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА М. ПУИГА «КРАШЕННЫЕ ГУБКИ»**

Статья посвящена анализу роли сочетания двух вариантов испанского языка — кастильского (классического) и аргентинского — в художественной системе романа «Крашеные губки» аргентинского писателя пост-модерниста М. Пуига и трудности, связанные с сохранением противопоставления свой / чужой, основанного на употреблении двух вариантов испанского языка, в переводе на русский язык. Интерес к теме обусловлен, с одной стороны, неоднозначностью переводческой позиции в отношении трансляции диалектизмов разного уровня в переводе (в частности художественных произведений) с иностранного языка на русский, и, с другой стороны, малой разработанностью указанной проблемы на испаноязычном материале. В ходе исследования были рассмотрены ключевые различия между двумя региональными вариантами испанского языка, проявляющиеся как на лексическом, так и на грамматическом (сравните: аргентинское voseo и кастильское tuteo) уровнях. Фонетический уровень в исследовании не учтён ввиду отсутствия графического отражения фонетических различий в письменном тексте. Кроме того, показана ключевая роль использования региональных диалектизмов для построения художественного мира романа, а также их значимость для его понимания как художественного целого. Затем, выявлены основные способы передачи региональных и социальных диалектизмов в официальном переводе романа на русский язык. В заключении был сделан вывод о том, что региональные диалектизмы (особенно на грамматическом уровне), в отличие от социолектов, подвержены полной утрате в языке перевода. Это нарушает авторский замысел, кардинально влияет на восприятие романа как целостной художественной системы и на понимание его содержания.

Ключевые слова: Мануэль Пуиг, национальные варианты испанского языка, диалектизмы, перевод, роман.

Введение

Испанский язык в настоящее время является одним из самых распространённых в мире и имеет статус государственного почти в двух десятках стран, преимущественно Южной и Центральной Америки. Латиноамериканский вариант испанского языка, с одной стороны, подвергся влиянию языков автохтонного населения, с другой — оказался более консервативным в сравнении с классическим кастильским вариантом и сохранил некоторые архаичные черты. Всё это привело к формированию ряда национальных вариантов испанского языка, которые отличаются от кастильского не только на лексическом и фонетическом уровнях, но и на грамматическом. Несмотря на достаточную изученность вопроса (В. С. Виноградов, С. П. Мамонтов, М. М. Манатина, Г. В. Степанов, Н. М. Фирсова и другие), перевод диалектных особенностей испанского языка в художественном произведении по-прежнему представляет трудность, т. к. контраст между диалектами зачастую играет важную роль в художественной системе произведения, но не всегда может быть сохранён средствами языка перевода (далее – ЯП) в виду отсутствия в нём подобного противопоставления. Кроме того следует учитывать такие трудности художественного перевода как гетерогенность сознания автора и переводчика, языки, литературные традиции, культуры, дистанцию во времени и связанные с пониманием и передачей на языке перевода единства идейности, эмотивности, образности и художественной формы оригинала [Шутёмова, 2018, с. 49].

Основная часть

Второй роман аргентинского писателя М. Пуига (Manuel Puig; 1932–1990 гг.) «Крашенные губки» («*Voquitas Pintadas*») вышел в свет в 1969 г. Как и другие произведения писателя, он автобиографичен и наполнен отсылками к массовой культуре и в особенности — кинематографу [Levine, 2012, р. 50–51]. Общая кинематографичность романов М. Пуига проявляется, прежде всего, в драматизации повествования через обилие диалогов, которые часто являются основной композиционной формой речи персонажей, а отсутствие повествователя лишь усиливает эффект. В связи с этим прямая речь становится основой всего романного текста. Вкрапления вставных историй в повествовательную ткань романа также является отличительным художественным приёмом автора [Чагина, 2017, с. 116–122].

В связи с этим наше внимание привлекла тринадцатая глава [Puig, 2000, р. 82–89; Пуиг, 2007], в которой разворачивается диалог между двумя давними подругами (Нене и Мабель), повзрослевшими и покинувшими свой маленький городок, где остались их надежды и мечты. В беседу героинь органично вплетается радиотрансляция сериала, своеобразной «мыльной оперы», целевой аудиторией которой являются домохозяйки. Сюжет вставной истории разворачивается в Европе в военное время и повествует о роковой любви между замужней девушкой и раненым солдатом. Примечательно, что актёры озвучивания говорят на кастильском (классическом) испанском языке, в то время как действие романа разворачивается в Аргентине и герои используют аргентинский национальный вариант испанского языка.

Представляется, что контраст между вариантами испанского языка играет важную художественную роль, так как через него раскрывается ряд противопоставлений (свой / чужой, прошлое / настоящее, любовь / отсутствие любви и т. д.). Заметим, что развитие

романа через конструкцию и, часто, деконструкцию дихотомий является характерным для творчества М. Пуига, например, так построен его четвёртый роман «Поцелуй женщины-паука» («El Beso de la Mujer Araña», 1976 г.) [Drozdo, 1999]. То же свойственно и роману «Крашенные губки». Обратимся к сюжету тринадцатой главы. Спустя долгие годы две главных героини (из четырёх) вновь встречаются за чашечкой мате на кухне у одной из них как в старые времена. Обе в молодости были влюблены в одного и того же юношу, но любовь оказалась несчастной из-за его болезни — ему пришлось уехать на лечение в Испанию. Иначе говоря, Испания — это своеобразный символ расставания и несчастной любви, любви настоящей и недостижимой, ведь обе девушки по-прежнему хранят к нему чувства, хотя и замужем за другими. Вместе с тем это и ностальгия по молодости, по ушедшим дням, по упущенным возможностям:

– Nené, dicen que todo tiempo pasado fue mejor. ¿Y no es la verdad? [Puig, 2000, p. 83] / — Нене, говорят: любая ушедшая пора лучше была. Разве это не правда? [Пуиг, 2007].

– Mabel, no me digas que hay algo más hermoso que estar enamorada [Puig, 2000, p. 85] / — Мабель, скажи, ведь самое прекрасное, когда ты влюблена [Пуиг, 2007].

Кроме того, М. Пуиг вкладывает своё нелестное мнение об аргентинской индустрии кино в сравнении с голливудской и европейской (здесь кинематограф заменяет радиотрансляция) [Weisman, 1985, p. 2–3] в уста своих героев. Так, Нене боится откровенно высказать своё мнение подруге, потому как помнит о её негативном отношении к аргентинским актрисам: «recordaba que a Mabel no le gustaban las actrices argentinas» [Puig, 2000, p. 85] / «памятуя о том, что Мабели не нравились аргентинские актрисы» [Пуиг, 2007]. А фильмы местного производства смотрят только в безвыходных ситуациях, когда других вариантов не осталось: «películas nacionales sólo veía en Vallejos, cuando no había otra cosa que hacer» [Puig, 2000, p. 59] / «отечественные фильмы она смотрела только в Вальехосе, от нечего делать» [Пуиг, 2007]. В целом аргентинские фильмы интересуют только публику победнее и попроще, например, другая героиня романа, Раба (или Гузя в русском переводе), девушка из простой бедной семьи, с удовольствием посещает такие сеансы, так как подобные фильмы о служанках, нашедших своё счастье, гораздо ближе ей по духу: «Rabapensó en la película argentina que había visto el viernes anterior, con su actriz-cantante favorita, la historia de una sirvienta de pensión que se enamora de un pensionista estudiante de abogacía. ¿Cómo había logrado que él se enamorase de ella?» [Puig, 2000, p. 37] / «Гузя подумала об аргентинском фильме, виденном в прошлую пятницу, с её любимой актрисой-певицей, — о служанке из пансиона, которая влюбляется в жильца-студента, будущего адвоката. Как ей удалось добиться его любви?» [Пуиг, 2007].

Очевидно, что использование диалектных вариаций испанского языка (социальных и региональных) в романе поддерживает ряд ключевых для понимания произведения дихотомий, как это уже было отмечено ранее. Следовательно, передача диалектных различий важна для сохранения авторского замысла и воссоздания художественного мира романа в тексте перевода (далее – ПТ). Сегодня переводчики художественной литературы часто сталкиваются с различного рода диалектами, играющими роль основного художественного средства. Многочисленные исследования на тему решения подобных трудностей приводят чаще всего к заключению о том, что основным и главным переводческим средством в таких случаях является компенсация, а задача переводчика состоит в воссоздании художественного образа языка, которая должна позволить читателю увидеть в языке то, что задумывал автор [Мячинская, 2016].

Рассмотрим подробнее отличие аргентинского национального варианта испанского языка от кастильского варианта. Во-первых, указанные варианты испанского языка отличаются на лексическом уровне. Латиноамериканский испанский изобилует англицизмами и заимствованиями из языков автохтонного населения, и аргентинский вариант испанского не является исключением. Так, в рассматриваемой главе в диалоге Мабель и Нене мы встречаем множество лексем, характерных для латиноамериканского варианта испанского языка (*che, petiso, living* и др.). А диалог солдата и девушки из вставной истории соответствует кастильскому варианту. В переводе же этот контраст зачастую теряется, сохраняются лишь социолекты. Например, междометие *che*, характерное лишь для испанского языка ряда стран Латинской Америки, передаётся русским общеупотребительным междометием *ой*. Лексемы *chiche* и *petiso* также утрачивают свою региональную специфику и переводятся разговорными словами и словосочетаниями, как и англицизм *living*:

– <i>Che, pero qué seguiditos son...no perdiste el tiempo ¿eh?</i>	– <i>Ой, они у тебя прямо подряд...ты времени зря не теряла, а?</i>
– <i>Será un chiche</i>	– <i>Поди, конфетка</i>
– <i>No, para qué, es un petiso mal hecho... hacerla dormir en el living</i>	– <i>Нет, зачем, он нескладный коротышка... укладывать ее спать в гостиной</i>

Однако заметим, что в оригинале речь героинь романа имеет более разговорный характер и полна просторечий, в то время как персонажи радиосериала придерживаются литературного языка. Таким образом, на лексическом уровне дихотомия свой/чужой поддерживается за счёт социальных различий в языке, но полностью утрачивает различия региональные.

Диалог героинь романа:

- Но они такие крепыши...Ты часто выходишь в город?
 – Нет, куда я пойду с этими двумя, если они без конца ревут-хнычут? илиЗаведи детей, сама увидишь.
 – Не будь у тебя их, ты бы о них мечтала, не жалуйся

Диалог героев вставной истории:

- Пьер, это я, не бойся...
 – Мари...так рано.
 – Пьер, не бойся...
 – Единственное, чего я боюсь, это грезить, пробудиться и больше не увидеть тебя...там...твой силуэт в дверном проеме, а за тобою — мерцанье розоватое души...

Другим немало важным отличием является грамматика аргентинского варианта испанского языка. Наряду с испанским Парагвая и Уругвая аргентинский вариант сохранил архаичную форму *vos*, используемую вместо формы личного местоимения единственного числа второго лица *tú*. Отличаются и формы спряжения глаголов в настоящем времени изъявительного наклонения и в повелительном наклонении для второго лица единственного числа. Эта особенность является характерной и показательной для носителей испанского языка в любой его вариации. Как было отмечено ранее, преобладающей композиционной формой в романах М. Пуига является именно диалог, в котором частотно использование второго лица единственного числа. Например:

Аргентинский вариант испанского: – ¿ <u>Sos</u> feliz? – Y <u>vos</u> , contame de <u>vos</u> ...¿ <u>querés</u> tener muchos chicos?	Аргентинский вариант испанского: – <u>Ты</u> счастлива? – Ну а <u>ты</u> про <u>себя-то</u> расскажи...много детей <u>хочешь</u> ?
Кастильский вариант испанского: – No, Marie, <u>tú</u> no <u>puedes</u> hacerme daño, <u>eres</u> demasiado dulce para ello. – Pierre, <u>déjame</u> cambiarte la venda.	Кастильский вариант испанского: – Нет, Мари, <u>ты</u> не <u>можешь</u> причинить мне боль, <u>ты</u> слишком нежна для этого. – Пьер, дай смену тебе повязку.

В переводе же такое значимое и значительное отличие между грамматиками двух вариантов испанского языка полностью исчезает. Вместе с тем исчезает и противопоставление двух культур — Аргентины и Испании. Утрачивается очевидная связь между вымышленной историей настоящей любви из радио-сериала и отъездом Хуана Карлоса, возлюбленного обеих девушек, в Испанию. Иными словами, Испания перестаёт быть тем краеугольным камнем, символом любви и молодости с одной стороны, и чем-то чуждым далёким с другой, частично стирается дихотомия свой / чужой. Из-за чего страдает как художественная составляющая произведения в ПТ, так и содержательная.

Добавим, что аргентинский и кастильский варианты испанского отличаются и на фонетическом уровне, однако это отличие никак не отражено в романе графически, а потому не играет роли в переводе конкретного произведения.

Заключение

Согласно сложившейся традиции, диалектизмы, релевантные для понимания художественного произведения, в ПТ передаются преимущественно с помощью компенсации и лексических эквивалентов. Однако заметим, что если социальные особенности ещё поддаются воспроизведению на ЯП, то региональные отличия представляют собой практически неразрешимую трудность, поскольку не имеют эквивалента в ЯП и не могут быть транслированы в ПТ. А потому многие смыслы, очевидные для носителя ЯО и представителя исходной культуры безвозвратно утрачиваются для читателя перевода.

Список литературы

1. Виноградов В. С. Лексикология испанского языка. Москва: Высшая школа, 2003. 246 с.
2. Мамонтов С. П. Испанский язык. Историко-лингвистический очерк. Москва: Наука, 1966. 45 с.
3. Манатина М. М. Особенности испанского языка стран Латинской Америки. Москва: Энциклопедия, 2016. С. 177–181.
4. Мячинская Э. И. Диалектно-разговорные элементы английского литературного текста и их передача на русский // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2016. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektno-razgovornye-elementy-angliyskogo-literaturnogo-teksta-i-ih-peredacha-na-russkiy> (дата обращения: 14.10.2019).
5. Пуиг М. Крашенные губки / Пер. с исп. А. Казачков, ред. Е. Пучкова. Москва: Флюид, 2007. 240 с.
6. Степанов Г. В. Испанский язык в странах латинской Америки. Москва: Издательство иностранной литературы, 1963. 202 с.

7. Фирсова Н. М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке. Москва: Изд-во «Российский университет дружбы народов», 2000. 127 с.
8. Чагина А. П. Рассказ о фильме «Люди-кошки» в художественной системе романа Мануэля Пуига «Поцелуй женщины-паука» // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2017. №3 (17). С. 116–122.
9. Шутёмова Н. В. Принцип типологии текста в дидактике художественного перевода // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 1. С. 47–50.
10. Drozdo S. The Deconstruction of Binary Ideological Structures in Manuel Puig's Kiss of the Spider Woman. *International Fiction Review*, 26(1). 1999. URL: <http://journals.lib.unb.ca/index.php/IFR/article/view/7624> (дата обращения: 14.10.19).
11. Levine S. J. Manuel Puig: Edipo ronda La Pampa // *Cuadernos de literatura* n°31. 2012. P. 48–64.
12. Puig M. Boquitas Pintadas. AGEA. S. A., 2000. 107 p. URL: <http://biblio3.url.edu.gt/Libros/16/boquitas.pdf> (дата обращения: 14.10.19).
13. Weisman D. Introduction / Kiss of the Spider-Woman. The screenplay. Faber&Faber, 1985. P. 1–8.
14. Diccionario de la lengua española de Real Academia Española <https://dle.rae.es/index.html> (дата обращения: 14. 10. 19).

Khiminets E. M.

*Lecturer, Linguistics and Translation Department,
Perm State University*

Chagina A. P.

*Master of Philology, Lecturer,
Linguistics and Translation Department,
Perm State University*

***THE CONTRAST BETWEEN THE DIALECTAL VARIATIONS OF THE SPANISH
LANGUAGE AND ITS TRANSITION IN THE TRANSLATION OF THE NOVEL
«HEARTBREAK TANGO» BY M. PUIG***

The article analyses the combination of two dialectal variations of the Spanish language, which are Classical Castilian Spanish and Argentinian, in the artistic system of the novel «Heartbreak Tango» by M. Puig, Argentinian post-modernist writer, and their translation into the Russian language. The research is relevant due to two reasons. The first is the ambiguity of the approach to the translation of dialectal differences of a text. The second is the lack of investigations based on the Spanish-Russian pair of languages. The article considers the role of dialectal variations in the novel art system and how they influence its perception and understanding. Main relevant variations as well as their translations are listed and analyzed. It is concluded that regional dialectal variations, unlike social ones, tend to be completely lost in the translation. This affects greatly the perception and understanding of the novel.

Keywords: Manuel Puig, regional dialectal variations of Spanish, translation, novel.

УДК 81'25

Шутёмова Наталья Валерьевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода, профессор кафедры лингводидактики, Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7 (342) 2396283; +7 (342) 2396477
E-mail: lingconf14@mail.ru

Миниахметова Алина Раисовна

Магистрант, Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7 (342) 2396283
E-mail: perm. alina@mail.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДОМИНАНТНОГО КОНЦЕПТА
ОРИГИНАЛА ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВЫ «ATTITUDES»
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ПОСОБИЯ Р. БАТТЕРФИЛЬДА
«A PSYCHOLOGICAL PROFILE INTO THE CRIMINAL MIND»)**

В данной статье рассматриваются возможности когнитивно-дискурсивного анализа исходного текста с целью построения фрейма его доминантного концепта и репрезентации последнего при переводе. Моделирование главного концепта оригинала рассматривается в качестве важного этапа переводческой деятельности и одного из основных факторов, обуславливающих верность понимания исходной авторской концепции реципиентами переводного текста, что в целом определяет актуальность проведенного исследования. Для моделирования доминантного концепта ATTITUDES одноименной главы научно-популярной книги Р. Баттерфильда «A Psychological Profile into the Criminal Mind» применён метод фреймового анализа. Представлены результаты конструирования фрейма концепта на этапе предпереводческого анализа оригинала. Анализ позволил выделить следующие слоты во фрейме рассматриваемого концепта: subjects (субъекты), objects (объекты), functions (функции), constituents (конституенты), formation (формирование), risks (риски), attitude change (изменение установки). Выявлены необходимые для понимания доминантного концепта и наиболее репрезентативные слоты, к которым относятся functions (функции), formation (формирование), risks (риски), attitude change (изменение установки), и подслоты, такие как cognitive dissonance (когнитивный диссонанс) и selective exposure (выборочное восприятие). Рассматриваются трудности репрезентации концепта ATTITUDES при переводе оригинала на русский язык, связанные с необходимостью освоения специального знания, многозначностью терминов, вербализирующих данный концепт, а также передачей специального знания на язык перевода. Эксплицируется поиск вариантов перевода,

описываются и мотивируются переводческие решения, связанные с преодолением трудностей, возникающих при понимании единства содержания и формы ИТ и передаче его целостности в принимающей культуре.

Ключевые слова: перевод, научно-популярный текст, концепт, социальная психология, установки.

Введение

Современное переводоведение в значительной мере находится под влиянием когнитивной лингвистики, являющейся одним из наиболее стремительно развивающихся направлений науки о языке, и вписывается в более широкий контекст когнитивистики как конвергентной науки, где оно оказывается связанным с философией, антропологией, нейронауками, психолингвистикой, генетикой, искусственным интеллектом. Если язык с когнитивных позиций трактуется как «общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент — система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, с. 12], то перевод также рассматривается как когнитивный психосемиотический процесс, связанный с репрезентацией концептосферы ИТ в принимающей культуре, «суть которого заключается в понимании и истолковании логической и образной информации в условиях совмещений разных картин мира и разных способов выражения» [Казакова, 2006, с. 141].

К одному из основных типов ментальных репрезентаций относятся концепты [Thagard, 2005, с. 10], представляющие собой «идеальные абстрактные единицы, смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления, и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей деятельности человека и процессов познания им окружающего мира в виде определённых единиц, “квантов знания”» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1997, 90]. Изучение концептов как ментальных образований, позволяет проследить взаимосвязь сознания — мышления — языка, реконструировать ментальный мир носителя концептуальной системы, что в целом составляет актуальность исследования способов репрезентации доминантных концептов оригиналов при переводе. В данной статье рассматриваются решения, принятые нами при переводе для репрезентации одного из основных концептов современной социальной психологии ATTITUDES, который является доминантным в одноименной главе известной научно-популярной книги Р. Баттерфильда «A Psychological Profile into the Criminal Mind».

Основная часть

Выбор концепта ATTITUDES (установки) в качестве доминантного в анализируемом нами тексте обусловлен тем, что установки являются одним из основных понятий современной социальной психологии, а также главной темой исследования в произведении. Названная глава нацелена на широкий круг читателей, поскольку актуальность изучения данной темы для каждого индивида заключается в том, что установки регулируют человеческую деятельность, отражают жизненные принципы, ценности, определяют поведение личности, а также являются важным фактором межличностного взаимодействия, в результате которого осуществляется межличностное влияние.

Моделирование доминантного концепта является основополагающим этапом в процессе перевода, так как успешно воссозданная концептуализация позволяет реципиентам переводного текста понять исходную авторскую концепцию [Алексеева, Шутёмова, 2016]. Для моделирования доминантного концепта нами был применён метод фреймового анализа, впервые предложенный М. Минским. По мысли учёного, «фреймы — особые структуры данных для понятийного представления стереотипных ситуаций. Фрейм можно представлять схематично, в виде сети, состоящей из узлов, связанных между собой» [Minsky, 1975, p. 224]. Другой американский учёный Ч. Филлмор определяет фреймы как «когнитивные структуры, знание которых ассоциировано с концептами, представленными словами» [Fillmore, 1982, p. 112], и полагает, что одним из методов анализа концептосферы и концептуальных элементов является фреймовый анализ концепта, который осуществляется посредством моделирования фреймовой структуры концепта. В результате анализа ИТ, выполненного на предпереводческом этапе, нами был разработан фрейм доминантного концепта ATTITUDES, состоящий из следующих слотов: *subjects* (субъекты), *objects* (объекты), *functions* (функции), *constituents* (конституенты), *formation* (формирование), *risks* (риски), *attitude change* (изменение установки). Рассмотрим фреймово-слотовую структуру и проанализируем наиболее репрезентативные слоты и подслоты, необходимые для понимания доминантного концепта.

Слот *functions*

Обратимся к слоту *functions*, который связан с рассуждением автора об основных функциях установок. Так, к подслотам первого порядка можно отнести: *perception* (восприятие), *fuel* (поддержание) и *reflection* (отражение). Трудность репрезентации подслота *reflection* обусловлена многозначностью его вербального репрезентанта — *reflect*. «Англо-русский словарь по психологии» трактует семантику данного глагола как 1) отражать; 2) размышлять, раздумывать [Никошкова, 2003, с. 254]. Чтобы понять смысл оригинала, обратимся к контексту: «They [attitudes] reflect on the current state of mind» [Butterfield, 2004, p. 45]. Проанализировав контекст, мы полагаем, что для выражения авторского замысла необходимо использовать глагол *отражать*, поскольку он логически связан с объектом *the current state of mind* (текущее состояние разума), тогда как глаголы *размышлять* и *раздумывать* выражают действия, исполнимые лишь человеком и не могут быть применимы к субъекту *attitudes*. Итак, мы считаем возможным следующий вариант перевода: «Они [установки] отражают текущее состояние разума».

Слот *formation*

Данный слот играет важную роль в процессе репрезентации концепта, поскольку включает в себя знание о факторах, влияющих на формирование и принятие индивидом установок. Подслот первого порядка *factors of influence* (факторы влияния) имеет множество разветвлений (подслотов).

Рассмотрим подслот второго порядка — *pressure* (давление). К подчинённым подслотам третьего порядка относятся *peer pressure* (давление со стороны ровесников) и *family pressure* (давление со стороны семьи). Вербальными репрезентантами анализируемых подслотов являются словосочетания *peer pressure* и *family pressure*. Обратимся к словосочетанию *peer pressure*. Слово *peer*, служащее определением к существительному *pressure*, трактуется как 1) ровесник; 2) ровня [Никошкова, 2003, с. 219]. Опираясь на контекст, мы полагаем, что нельзя использовать при переводе термин *ровня*, поскольку дети и индивиды, с которыми

они взаимодействуют, априори находятся в неравном положении, так как данные индивиды лишь побуждают детей вступить в преступную группу, в которой сами уже состоят. Автор пишет о давлении на детей, используя пассивный залог: «children are forced into committing criminal acts» (детей вынуждают начать совершать преступления), «they are encouraged into joining a gang» (их побуждают вступать в преступную группу) [Butterfield, 2004, p. 38]. Мы считаем, что при переводе следует использовать термин *ровесник*, поскольку именно ровесники часто побуждают к тому или иному действию, и именно их влиянию дети в большинстве случаев не могут противостоять.

Перейдём к анализу главного слова в анализируемом словосочетании. Термин *pressure* может переводиться как 1) давление; 2) принуждение [Никошкова, 2003, с. 232]. Необходимо отметить, что данные термины являются синонимичными, однако нами был использован термин *давление*, так как он более употребим в психологии. Таким образом, у нас получился следующий вариант перевода словосочетания *peer pressure*: *давление со стороны ровесников*.

Слот *risks*

Анализируя следующий слот фрейма (*risks*), мы обращаемся к рискам, связанными с установками, влияющими на негативное поведение индивида, поэтому к подслоту первого порядка мы относим *negative behavior* (негативное поведение). Важно отметить, что автор рассматривает лишь одну форму негативного поведения. Так, подчинённым подслотом второго порядка выступает *criminal behavior*, чьим вербальным репрезентантом является термин *criminal behavior*. Согласно «Англо-русскому словарю по психологии» слово *criminal* переводится как 1) преступный; 2) уголовный [Никошкова, 2003, с. 74]. Итак, для выражения оригинального смысла мы использовали словосочетание *преступное поведение*, поскольку в психологии не существует понятия *уголовного поведения*.

Слот *attitude change*

Другой значимый слот фрейма, необходимый для понимания анализируемого концепта — *attitude change* (изменение установки). Он важен, так как содержит понимание автором процесса изменения установок, сдерживающего данный процесс фактора, а также причин, способствующих трансформации установок. Так, к подчинённым подслотам первого порядка мы относим *cognitive dissonance* (когнитивный диссонанс), *selective exposure* (выборочное восприятие) и *change in behavior* (изменение в поведении).

Подслот *cognitive dissonance*

Подслот второго порядка *inconsistency* (несовместимость) играет важную роль при освоении подчиняющего подслота *cognitive dissonance* (когнитивный диссонанс), поскольку является условием возникновения у индивида когнитивного диссонанса. Для передачи смысла, заложенного в ИТ, необходимо изучить понятие когнитивного диссонанса.

Согласно психологу А. Н. Занковскому, когнитивный диссонанс — это несовместимость между двумя или более установками или между установками индивида и его поведением. Любая форма диссонанса вызывает дискомфорт, и индивиды всегда будут стремиться к устранению этого рассогласования. Иными словами, индивиды стремятся к состоянию равновесия, при котором когнитивный диссонанс минимален [Занковский, эл. р.]. Необходимо отметить, что данное понимание когнитивного диссонанса близко пониманию его автором оригинала, который пишет: «When consistency is broken, we experience cognitive dissonance: We may manage to tolerate the inconsistency, but cognitive dissonance tends to be

highly uncomfortable, and we may be strongly motivated to restore harmony by making some kind of adjustment» [Butterfield, 2004, с. 42]. Согласно «Англо-русскому словарю по психологии» *inconsistency* может переводиться как 1) несовместимость; 2) изменчивость [Никошкова, 2003, с. 150]. Полагаем, что термин *несовместимость* более точно отражает идею автора оригинала, поскольку когнитивный диссонанс возникает именно при несовместимости установок, тогда как причиной изменения установок служит уже испытываемый индивидом когнитивный диссонанс. Таким образом, мы получили следующий вариант перевода: «Когда совместимость [между установками] нарушена, мы испытываем когнитивный диссонанс. Мы можем проявить терпимость к несовместимости, но когнитивный диссонанс, как правило, является крайне некомфортным состоянием, поэтому мы будем очень заинтересованы в том, чтобы восстановить гармонию, внося некоторые изменения».

Подслот *selective exposure*

Перейдём к рассмотрению подслота *selective exposure* (выборочное восприятие). Вербальным репрезентантом подслота является термин *selective exposure*. Необходимо подчеркнуть, что Р. Баттерфильд раскрывает данное понятие, именуя его фактором, характеризующимся тем, что человеку свойственно обращать меньшее внимание на объекты и явления, которые вступают в конфликт с его установками. Согласно автору, «общественность вряд ли будет смотреть или читать то, что может способствовать изменению установки» («the audience likely to watch or read any appeal for attitude change») [Butterfield, 2004, p. 43]. Термин *selective exposure* может переводиться как 1) выборочное восприятие; 2) селективное восприятие [Никошкова, 2003, с. 275]. Нами был использован термин *выборочное восприятие* ввиду специфики научно-популярного стиля, требующего употребления общеспециальной лексики.

Заключение

Исследование показало, что трудность репрезентации доминантного концепта ATTITUDES при переводе на русский язык заключается в многозначности терминов, вербализирующих данный концепт, а также в освоении и передаче специального знания. Моделирование фрейма доминантного концепта позволило нам более полно освоить специальное знание, проследить реализацию авторских смыслов в тексте научно-популярного произведения, а затем транслировать данные смыслы в текст перевода. Однако репрезентация всех заложенных в ИТ смыслов при переводе невозможна, поскольку автор и переводчик — разные люди, обладающие индивидуальной ментальностью.

Список литературы

1. Алексеева Л. М., Шутёмова Н. В. Типологическая доминанта текста в переводе. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2016. 204 с.
2. Занковский А. Н. Организационная психология. URL: <https://studopedia.info/1-7485.html> (дата обращения: 28.05.2019).
3. Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во «Санкт-Петербургский государственный университет», 2006. 224 с.
4. Никошкова Е. В. Англо-русский словарь по психологии. Ок. 20000 терминов. 3-е изд., стереотип. Москва: РУССО, 2003. 352 с.
5. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.

6. Butterfield R. A Psychological Profile into the Criminal Mind. Printed in the United Kingdom by Lightning Source UK Ltd. 2004. 139 p.
7. Fillmore Ch. Frame semantics // Linguistics in the Morning Calm. Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. P. 111–137.
8. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge // The Psychology of Computer Vision / Ed. P. H. Winston. New York: McGraw Hill, 1975. P. 211–277.
9. Thagard P. Mind. Introduction to Cognitive Science. MIT Press, 2005. 166 p.
10. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. Москва: Изд-во «Московский государственный университет», 1997. 242 с.

Shutemova N. V.

*Grand P. D. (Philology), Professor, Linguistics and Translation
Department, Department of Linguodidactics
Perm State University*

Miniakhmetova A. R.

*Master Student,
Perm State University*

**THE REPRESENTATION OF THE DOMINANT CONCEPT
OF THE SOURCE TEXT IN TRANSLATION
(BASED ON CHAPTER «ATTITUDES» FROM THE BOOK BY R. BUTTERFIELD
«A PSYCHOLOGICAL PROFILE INTO THE CRIMINAL MIND»)**

The authors of the paper consider opportunities provided by the cognitive-discursive analysis of the source text. The aim of the analysis is to construct a frame of its dominant concept and represent it in the target text. Modeling the main concept of the original is regarded as an important stage of translation activity and one of the main factors determining how recipients of the target text will understand the author's concept, which generally determines the relevance of the study. To model the dominant concept of the chapter "Attitudes" of the book "A Psychological Profile into the Criminal Mind" by R. Butterfield the frame analysis method was used. The results of constructing the frame of the concept ATTITUDES at the stage of pre-translation analysis of the source text are presented. The analysis made it possible to single out the following slots in the frame of the concept under consideration: subjects, objects, functions, constituents, formation, risks, attitude change. The most representative slots necessary for understanding the dominant concept have been identified, which include functions, formation, risks, attitude change, and sub-slots such as cognitive dissonance and selective exposure. The article discusses the difficulties of representing the concept ATTITUDES when translating the original into Russian, associated with the need to master special knowledge, the ambiguity of terms verbalizing this concept, and also transferring special knowledge in the target language. The paper contains the description and motivation of translator's decisions, referring to understanding the source text as a whole, including its form and ideas. Variants of the source text representation in the target culture are given.

Keywords: translation, translation of popular scientific literature, concept, social psychology, attitudes.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811. 14. 03/04

Братухин Александр Юрьевич

Доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры мировой литературы и культуры,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Россия, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел. +7 (342) 2396290
E-mail: Bratucho@yandex.ru

ОКСЮМОРОН В РАННЕХРИСТИАНСКИХ И ВИЗАНТИЙСКИХ ТЕКСТАХ

В статье даётся обзор случаев использования оксюморона в сочинениях Тертуллиана, Климента Александрийского, Псевдо-Дионисия, прп. Симеона Нового Богослова. Речь идёт не о предикативных оксюморонных конструкциях, как правило, выражающих богословские идеи (например, «невидимое Его <...> от создания мира через рассматривание творений видимо»), а об относящихся, прежде всего, к области стилистики оксюморонных словосочетаниях (например, «неразумная мудрость»), анализ которых позволит в общих чертах выявить соответствующие изменения в христианских текстах, начиная с новозаветных и заканчивая византийскими. Сопоставление наиболее известных примеров таких оксюморонов показывает, как изменялось в трудах названных авторов назначение данной фигуры мысли. Христианские тексты были не первыми, в которых она использовалась: некоторым парадоксам (библейскому «блаженны плачущие» и тертуллиановскому «это достоверно, ибо невозможно») можно найти параллели в античной литературе. И в новозаветных текстах, и в безыскусных сочинениях «апостольских мужей» практически отсутствуют оксюмороны как риторический приём. У Климента Александрийского, одного из первых церковных писателей, уделявших большое внимание красоте слога, уже обнаруживаются наряду с теологически наполненными («плотской дух») и «этимологические» («беззаконные законы») оксюмороны. С первыми мы встречаемся в «Ареопагитиках» («Ум непомыслимый», «Слово неизрекаемое») и в более поздних сочинениях: если у более ранних авторов оксюмороны были преимущественно риторическим средством, то в византийскую эпоху они, подобно предикативным оксюморонным конструкциям, стали способом выразить догматически важные положения. В первую очередь, это касается апофатического описания Божественного.

Ключевые слова: оксюморон, парадокс, христианская литература, риторика, классическая филология.

Введение

Ранняя христианская литература изобилует парадоксальными утверждениями. Начало этой традиции кладут библейские тексты, как ветхозаветные, так и новозаветные. Ограничимся самыми известными примерами догматически важных парадоксов — «Се, Дѣва (ἡ παρθένος) во чревѣ зачнетъ и родить Сына» (Ис. 7:14); «блаженны плачущие (μακάριοι οἱ πενθοῦντες)» (Мф. 5:4).

В классической литературе слово *oxymoron* появляется только один раз у Мавра Сервия Гонората в комментариях на «Энеиду»: Сервий пишет по поводу слов Вергилия «неужели пленники <тевкры не> могли быть пленены (*num capti potuere capi*)?»: «“пленники могли быть пленены” сказано с горечью: ведь если ты это удалишь, будет оксюморон (*capti potuere capi cum felle dictum est: nam si hoc removeas, erit oxymoron*). Говорит же <Юнона>, что всё, случившееся <с тевкрами,> кажется неслучившимся, ибо оно не помешало <им>. А что пленники пленяются, он сказал так, как и Цицерон: “в плодороднейшей части Сицилии мы искали Сицилию”» (*Maurus Servius Honoratus. In Vergilii Aeneidos libros. VII. 295*).

В. С. Дуров определяет оксюморон следующим образом: «(греч. *oxymoron* — “остроумно-глупое” — соединение двух понятий, противоречащих друг другу, логически исключаящих одно другое», — относя к оксюморонам в т. ч. цicerоновские выражения «когда молчат, кричат» и «отсутствующие присутствуют» [Дуров, 2004, с. 39].

Э. Г. Шестакова выделяет следующие отличия оксюморона от парадокса: 1) «При анализе оксюморона не существует категорий верен / неверен, так как смысл оксюморона не поддаётся объяснению путём логических рассуждений, устраниений допущений»; 2) «противоречие не довлеет себе в оксюмороне как в парадоксе, так как является не самоцелью, а способом осознания и реализации явления»; 3) для оксюморона «ценно столкновение извечно противоречивых явлений, понятий, приводящее к новому алогичному и анормативному смыслу»; 4) «оксюморон не может быть сведён к разновидности парадокса: он — не столько отрицание и противоречие существующим законам в широком смысле, сколько принципиальная алогичность»; 5) «специфика природы оксюморона как раз заключается в том, что он постоянно аксиоматичен» [Шестакова, 2009, с. 174–177]. Говоря о различии между парадоксом и оксюморонами, Е. А. Пигаркина пишет: «<...> в оксюмороне объединяются явления, которые не могут быть объединены друг с другом логически <...>, тогда как в парадоксе мы находим явное противоречие, которое, тем не менее, может быть правдивым» [Пигаркина, 2015, с. 350].

Основная часть

Наиболее известным ранним христианским автором, прославившимся парадоксальными утверждениями, является Тертуллиан. В частности, в трактате «О плоти Христа» он заявляет: «Распят был Сын Божий: <в этом> нет стыда, ибо <этого> должно стыдиться (*non pudet, quia pudendum est*). И умер Сын Божий: это точно достоверно, так как нелепо (*credibile est, quia ineptum est*). И погребённый воскрес: это достоверно, ибо невозможно (*certum est, quia impossibile*)» (*Tert. De carne Christi. 5, 4*).

Существуют попытки дать рационалистическое толкование этого фрагмента. Э. Осборн, защищая свой взгляд на Тертуллиана как первого богослова Запада, ссылается на слова Аристотеля: «Ещё один <топ получается> из вещей, которые, по-видимому, совершаются, но

кажутся сами по себе невероятными; <топ этот основывается на том>, что данные вещи не представлялись бы такими, если бы они не существовали или не были близки <к осуществлению>. И ещё более <он основан на том>, что люди верят в то, что существует или что правдоподобно; если же что-нибудь не возбуждает доверия и неправдоподобно, то оно все-таки может быть истинным (ἀληθὲς ἂν εἴη), ибо вещь представляется такой <то есть истинной>, не потому что она возможна и правдоподобна (οὐ γὰρ διὰ γε τὸ εἰκὸς καὶ πιθανόν)» (Arist. Rhetorica. II, 23, 1400 a 5–9, пер. Н. Н. Платоновой). Осборн заключает, что Тертуллиан «не первым утверждает несомненность факта на основании его невероятности» и что «предположение об иррационализме Тертуллиана не обоснованно» [Osborn, 1997, p. 53–54]. Таким образом, знаменитый парадокс *credo, quia absurdum*, представляющий собой парафраз высказывания карфагенского автора, не может рассматриваться ни как изобретение христианского апологета, ни как доказательство алогичности его учения.

Заметим, что и второй заповеди блаженства («блаженны плачущие») также можно найти своеобразную параллель в античной литературе. Так, согласно Геродоту, царь Египта Амасис писал своему другу Поликрату: «Приятно узнать, что друг наш и гостеприимец счастлив. Но все же твои великие успехи не радуют меня <...>. Ведь мне не приходилось слышать ещё ни об одном человеке, кому бы все удавалось, а, в конце концов, он не кончил бы плохо» (Her. III, 40, пер. Г. А. Стратановского). Кажущаяся бессмысленность утверждения «блаженны плачущие» устраняется последующим объяснением («ибо они утешатся»). У Геродота царь также объясняет своё странное на первый взгляд отношение к успехам друга. Рассмотренные и подобные им христианские парадоксы при подробном рассмотрении также лишаются своей алогичности.

Ниже мы будем рассматривать оксюмороны, которые представляют собой словосочетания типа *insapiens sapientia* «неразумная мудрость» (ср.: *Nor. Carm. I, 34, 2*), оставляя за рамками исследования такие содержащие тему и рему парадоксальные апофегмы, как «невидимая бо Егѡ, ѡт созданиа мѡра твореньми помышляема, видима суть» (*Рим. 1:20*) [Антоний, 2009, с. 131–132] или «Злато ваше и сребро изоржавѣ» (*Иак. 5:3*, ср. *Посл. Иер. 10–11, 23*). Эта позиция обусловлена тем, что предикативные оксюморные выражения являются естественными в антиномичном по своей природе религиозном тексте, и исследование их употребления, будучи скорее богословским, чем языковым, представляется невозможным в рамках этой статьи. Анализ же оксюморных словосочетаний, относящихся в большей степени к области стилистики, чем догматики, позволит в общих чертах выявить соответствующие изменения в христианских текстах, начиная с новозаветных и заканчивая византийскими.

Найти в Библии «чистые» оксюмороны, хотя они сходны с парадоксальными утверждениями,¹ сложнее (например: «вожди слѣпѡи (ὀδηγοὶ τυφλοῖ)» в *Мф. 23:24*). Это, очевидно, объясняется тем, что оксюморон представляет собой образное средство языка, литературный приём, которому не было места в безыскусных текстах.

¹ По словам Е. А. Яшиной, «правомерно предположение о близости оксюморона по своей природе к парадоксу, поскольку, как и парадокс, оксюморон предполагает использование единиц, лексическое значение которых взаимно опровергается вторым компонентом логической оппозиции. В обоих случаях намеренное соединение двух противоположных суждений способствует созданию парадоксального смысла, нередко заключающего в себе логически неразрешимое противоречие или антиномию» [Яшина, 2010, с. 827].

Климент Александрийский неоднократно использует оксюмороны. М. Эрреро де Хауреги только в одном его «Увещевании к язычникам» выделяет четыре примера. 1) ἄχρηστα χρηστήρια «бесполезные прорицалища» (Protr. 2, 11, 2): «эта фонетическая словесная игра, — по мнению испанского исследователя, — с двумя различными глагольными корнями “использовать” и “изрекать оракулы” представлена Климентом как вид оксюморона, как если бы они были этимологически связаны» [Herrero de Jáuregui, 2008, p. 128]. 2) ἀμώτους ὄντως μῆσεις «непосвящённые посвящения» или «профанические таинства» (Protr. 2, 22, 3): «этот оксюморон, как весь параграф, создан под влиянием Филона и тут же связан с цитатой из Гераклита, являясь продолжением прерванного описания мистерий» [Ibid., p. 143]. 3) σοφία ἀσόφω «глупая мудрость» (Protr. 5, 64, 3): «Климент любит создавать такого рода оксюмороны, но в данном случае это топический оксюморон: ср. Eur. Bacch. 395, и Hor. Carm. I, 34, 2» [Ibid., 194]. 4) В Protr. 10, 99, 2 вновь появляется «этимологический оксюморон» νόμων ἀνόμων «беззаконных законов» [Ibid., 240]. К названным примерам можно добавить ещё два: «мирные воины (τοὺς εἰρηνοῦς στρατιώτας)», «не обагрённое кровью (ἀναμάκτων) войско» (Protr. 11, 116, 2). В принадлежащем Клименту «Гимне Христу» появляется «могучий Отрок (παῖδα κρατερόν)». В «Строматах» александрийский автор писал о введении «страхом бесстрашия (φόβω ἀφοβίαν), а не бесстрашия страстью (πάθει ἀπάθειαν)» (Strom. II, 8, 39, 4). Эта традиция получит продолжение в двух приписываемых свт. Иоанну Златоусту произведениях: «<Иисус Христос> страстью от страсти (πάθει πάθους) освободил и смертью смерть (θανάτῳ θάνατον) победил» (Ioann. Chrys. In sancta Pascha. 49, 1) и «смертью смерть умертвивший (ὁ θανάτῳ θάνατον θανατώσας)» (Ioann. Chrys. Precat. Vol. 64. P. 1065). Отметим, что некоторые подобные выражения (ср. тропарь Пасхи: θανάτῳ θάνατον πατήσας «смертью смерть поправ») могли со временем приобретать пословичный характер. Исследуя такие паремийные тексты, мы обращаемся не только «к источнику культурно значимой информации», но и «к дискурсивному средству выражения стереотипов национальной оценки и ценностной ориентации культурно значимых смыслов» [Семененко, 2018, с. 19].

Как мы видим, все эти случаи употребления оксюморонов можно объяснить стремлением христианских авторов создать изысканные пассажи, чего не могло быть в новозаветных текстах и в безыскусных сочинениях «апостольских мужей». Есть, однако, у Климента и иные случаи употребления оксюморонов. В «Строматах» александрийский автор вслед за Орфеем использует слово μητρολάτωρ «матереотец» (V, 14, 126, 2, ср. Paed. I, 6, 46, 1: «отцовские груди <...> дают молоко»). В том же сочинении появляются словосочетания τὸ σαρκικὸν πνεῦμα «плотской дух» (Strom. VI, 6, 52, 2). В таких местах мы видим желание церковного писателя выразить некую богословскую идею, а не просто украсить свою речь.

Изобилует оксюморными словосочетаниями «Ареопагитский корпус» (VI в.): «Ум непомыслимый», «Слово неизрекаемое» и другие. По мнению В. В. Бычкова, «эти почти непостижимые разумом краткие формы <...> не на разум ориентированы. И Ареопагит, хорошо понимая это, расписывает их в целую большую книгу, не столько доказывая что-либо уму посвящённых читателей <...>, сколько обращаясь к их подсознательному, или сверхсознательному» [Бычков, 2015, с. 44–45]. Задача, которую решает Псевдо-Дионисий, отлична от задачи, которую в большинстве случаев ставил перед собой Климент. Мы имеем здесь дело не с риторическими штудиями, а со способом апофатического описания Божественного.

В поздней византийской литературе, особенно в творениях прп. Симеона Нового Богослова (сер. X в. — 20–30-е гг. XI в.), оксюмороны встречаются достаточно часто. Митр. Иларион (Алфеев) приводит такие примеры: «животворящая мертвость», «сверхчувственное чувство», «неподвижно движущийся» ум, «неощутимое ощущение», «внетелесное тело», «непостижимое постижение», «невообразимый образ», «мера безмерного», «достижимо недостижимое», «несмешиваемое смешение», «начало безначального», «неизменно изменяющийся», «разделённый без разделения», «видеть безвидно», «высказывать неизреченное». Владыка Иларион замечает, что смысл таких парадоксальных утверждений «раскрывается только в контексте апофатической традиции» [Иларион, 2010, с. 231–232]. Такое описание истин, непостижимых умом, продолжает традицию, заданную учением о триединном Боге, имплицитно выраженном в Никео-Константинопольском Символе и о неслитности и нераздельности двух природ во Христе, о котором говорит Халкидонский орос: «рационалистический ум не принимает алогичную формулу “*неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно*” и порождает ересь монофизитства. А между тем, именно эта православная формула утвердила антиномизм как основу православной догматики, как методологию православного мировоззрения» [Остапенко, 2009, с. 112].

Заключение

В пределах статьи невозможно подробно рассмотреть изменение употребления оксюморона в христианской литературе с I по XI вв. Мы видели свою задачу в том, чтобы контурно обрисовать цели, которые ставили церковные писатели, использовавшие эту фигуру мысли, и показать в общих чертах тот путь, какой прошло оксюморонное словосочетание: от окказионального использования в Новом Завете («бремя Мое легко») и, как правило, риторического у Климента («могучий Отрок»), до догматически обусловленного у византийских авторов («Слово неизрекаемое»).

Список литературы

1. Антоний (Паканич), архиеп. Послание святого апостола Павла к Римлянам в отечественной библейской науке с отдельными экскурсами в западную библеистику. Киев: Издательский отдел УПЦ, 2009. 232 с.
2. Бычков В. В. Символическая эстетика Дионисия Ареопагита. Москва: ИФРАН, 2015. 143 с.
3. Дуров В. С. Основы стилистики латинского языка. Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: Изд. центр «Академия», 2004. 112 с.
4. Иларион (Алфеев), архиепископ. Преподобный Симеон Новый Богослов и православное Предание. Изд. 4-е, испр. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2010. 448 с.
5. Остапенко А. А. Христианский антиномизм как возможная методология психолого-педагогической науки // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 3 (14). С. 110–122.
6. Пигаркина Е. А. Основополагающие характеристики парадокса и оксюморона как языковых рекурсий // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 2. С. 347–350.
7. Семененко Н. Н. «Оптимизм» как когнитивный вектор в системе ценностно-смыслового моделирования семантики паремий // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 1. С. 18–22.

8. Шестакова Э. Г. Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX — первой трети XX веков). Донецк: НОРД_ПРЕСС, 2009. 209 с.
9. Яшина Е. А. Оксюморон как средство создания алогизма в художественном тексте // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 5(3). С. 826–831.
10. Herrero de Jáuregui M. The Protrepticus of Clement of Alexandria: A Commentary. Bologna, 2008. 280 p.
11. Osborn E. Tertullian, first theologian of the West. Cambridge: University Press, 1997. XXI, 285 p.

Bratukhin A. Yu.

*Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of World Literature and Culture,
Perm State University*

OXYMORON IN EARLY CHRISTIAN AND BYZANTINE TEXTS

The article gives an overview of the cases of using the oxymoron in the works of Tertullian, Clement of Alexandria, Pseudo-Dionysius, saint Simeon The New Theologian. We are not talking about oxymoronic predicative expressions, usually expressing theological ideas (e. g., “the invisible things of him from the creation of the world are clearly seen”), but about related primarily to the field of stylistics oxymoronic phrases (e. g., “foolish wisdom”), the analysis of which will allow in general to identify corresponding changes in Christian texts, beginning with the New Testament and ending with the Byzantine. The comparison of the most famous examples of such oxymorons shows how the purpose of this figure of thought changed in the works of these authors. Christian texts were not the first in which it was used: some (biblical “blessed are they that mourn” and Tertullian “it is certain, for it is impossible”) paradoxes can be found parallels in ancient literature. Both in the New Testament texts and in the artless writings of “the Apostolic Fathers” there are practically no oxymorons as a rhetorical device. In writings by Clement of Alexandria, one of the first ecclesiastical writers who paid much attention to the beauty of the syllable, oxymorons are already found along with theologically filled (“carnal spirit”) and “etymological” (“lawless laws”) oxymorons. The first ones we meet in “Areopagitica” (“Word unspeakable”) and in later works: if for the earlier authors oxymorons were mostly a rhetorical tool, in the Byzantine era they, like oxymoran predicative expressions have become a way to express dogmatically important provisions. First of all it concerns the apophatic description of the Divine.

Keywords: oxymoron, paradox, Christian literature, rhetoric, classical philology.

УДК 82. 09

Костыря Алёна Владимировна

Старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода,

Пермский государственный национальный

исследовательский университет

614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: +7(342)2396283

E-mail: a. v. kostyria@gmail.com

ДЖЕЙН ОСТЕН В ЗЕРКАЛЕ ИСПАНСКИХ МЕТАТЕКСТОВ

Имя Джейн Остен традиционно связывают с англоязычной культурой и литературой, поскольку большинство её почитателей и исследователей родом из Великобритании и Северной Америки. Однако, в испаноязычных странах также можно наблюдать, хотя и в меньшей степени, так называемый «феномен Джейн Остен». Под этим феноменом нами понимается неослабевающая популярность её романов, киноадаптации, ежегодный выход в свет новых исследований и даже биографий. Таким образом, речь в статье пойдет о функционировании порождённого этим феноменом пространства текстов. Что касается структуры исследуемого нами пространства или поля текстов, то, интерпретируя теорию Р. Коллинза, можно сказать, что произведения известного автора, находятся в «эпицентре», в то время как порождённые ими метатексты или метатекстовые интерпретации, расходятся из центра как круги на воде. В случае с Джейн Остен — это переводы на испанский язык (кастильский), литературные исследования, экранизации и вторичные тексты. Однако коммуникативная успешность Остен в наши дни, особенно благодаря развитию информационных технологий, связана также и с около литературными процессами — а именно, с созданием фан-клубов, интернет-сообществ и сайтов посвященных «оживлению» эпохи Джейн Остен. В статье дан обзор каждого из компонентов этого пространства, которому изначально суждено было развиваться в Испании по другим законам, нежели на родине автора. Однако законы семиозиса действует одинаково независимо от культурного и национального дискурса/контекста: каждый знак / текст существует, пока интерпретируется через другой знак/текст. Расширяющаяся «вселенная Остен» достаточно поздно затронула Испанию, но от этого её изучение лишь приобретает дополнительный колорит, который позволяет взглянуть на знакомую классику (и её автора) под другим углом зрения и «высвечивает» новые неожиданные возможности её интерпретации.

Ключевые слова: Джейн Остен, метатексты, испанский язык, английская литература, «литературное поле», экранизации.

Введение

2018 г. ознаменовался выходом сразу двух литературных новинок в Испании, связанных с фигурой Джейн Остен. Одна из них — книга испанского автора и исследователя М. А. Хордан «Джейн» [Jordán, 2018], посвящённая жизни и творчеству классика британской литературы. Вопросы, поднятые исследователем, касаются не только «рождения», написанных Остен шедевров, но и причин их популярности двести лет спустя после публикации. Вторая книга, «Благие намерения» — современная интерпретация романа «Доводы рассудка» [Casasnovas, 2018]. Её автор, А. Казановас, ведёт рассказ от лица современных героев, которые проходят те же испытания, что и персонажи Остен. Выход этих изданий демонстрирует интерес современных испанских авторов и читателей к творчеству английской писательницы. Тем не менее, «завоевание» испанской аудитории не было лёгким ни для Остен, ни для британской классики в целом. Цель данной статьи — осветить развитие и актуальное состояние литературного и околотитулатурного «поля Остен» в Испании и его компоненты.

Структура «поля Остен» в Испании

В структуру «поля Джейн Остен» мы включаем как собственно тексты (метатексты), так и культурные сообщества, в рамках которых производятся тексты об Д. Остен. Нами не рассматривается ядро этого поля, которое составляют англоязычные произведения Д. Остен. Вместо этого мы рассмотрим его периферию в Испании, а именно:

- переводы романов на испанский язык;
- профессиональные литературоведческие исследования текстов Д. Остен;
- вторичные тексты;
- экранизации романов Д. Остен;
- сайты и интернет-сообщества, посвящённые творчеству Д. Остен, форумы фанатов.

Переводы

К текстам, непосредственно дающим импульс дальнейшего развития испаноязычного «поля Остен» мы относим, в первую очередь, переводы, выполненные испанскими переводчиками. В XIX в. большинство английских романов попадало в Испанию «через Францию», но не в случае с Д. Остен. Французская и особенно испанская публика предпочитала на тот момент «простые» литературные формы без дополнительной сюжетной нагрузки и морализаторства. Романы Остен не удовлетворяли вкусы публики той эпохи, а потому в XIX в. не были переведены на испанский ни с французского, ни с английского языков. Её романы были впервые переведены на испанский (кастильский) лишь в начале прошлого столетия: «Доводы рассудка» в 1919 г., «Нортенгерское аббатство» в 1921 г., «Гордость и предубеждение» в 1924 г. [Sara Hemsley, эл. р.]. Эти даты подтверждают достаточно поздний приход Остен в Испанию по сравнению с остальными европейскими странами и являются отправными точками развития остиноведения в этой стране.

Двадцать лет спустя, на волне интереса, вызванного фильмом «Гордость и предубеждение» 1940 г., появилось больше изданий этого романа, а также три других романа были, наконец, переведены на испанский язык: «Разум и чувство» (которому было дано по крайней мере пять различных названий на испанском языке) в 1942 г., «Мэнсфилд парк» в 1943 г. (с главами 11–20, опущенными в этом первом переводе) и «Эмма» в 1945 г. (перевод Джейми Бофил и Ферро, в издании, опубликованном М. Аримани). Тем не менее, на

протяжении большей части XX в. Д. Остен была почти неизвестна в испаноязычном мире, поскольку только издания первых трёх переведённых романов оставались в широком доступе для читателей. Интересен тот факт, что существует, как минимум 11 вариантов перевода романа «Эмма», только 6 из которых были переведены с оригинального языка [Sara Hemsley, эл. р.].

Тем не менее, до недавнего времени в наследии Д. Остен ещё оставались «белые пятна» для испаноязычных читателей. Лишь в 2016 г. стало известно о том, что письма Д. Остен (адресованные сестре Кассандре и другим родственникам), наконец, были переведены на кастильский язык и стали доступны в электронном формате [Hablandode Jane Austen, эл. р.].

Профессиональные исследования

Представим далее обзор немногочисленных профессиональных исследований творчества Д. Остен в Испании и Латинской Америке.

А. Галиано, известный политический деятель Испании первой половины XIX в. и литературный критик, анализируя английский роман начала XIX в. подчеркивал тот факт, что в Великобритании есть много произведений, «предназначенных для среднего класса, романов с моральными ценностями, и персонажами, скопированными из повседневной жизни». Он утверждал, что такие произведения приятно читать, но квалифицирует их как «достойные, посредственные и скучные». Среди английских женщин-романистов он выделял Марию Эджворт [Encyclopedia Britannica, эл. р.] и её изображение ирландцев. Нашлась только одна ссылка на творчество Остен, чьи работы, по его мнению «очень нравственны, и ни в коей мере не педантичны» [Hurtado, эл. р.].

В 1910-х гг. XX в. появляется первый испанский джейнист. Интересно, что первый поклонник Джейн Остин в Испании — это Мигель де Унамуно, испанский философ, писатель, общественный деятель, который в 1914 г. посвящает несколько статей работам этого автора. «Это бытовые трагедии, интимные трагедии, которые рождаются в одиноком сердце и в нём умирают, не будучи никем замеченными» — тонко подмечает Унамуно. Философ даже включает Д. Остен в список своих любимых писателей [Libropatas, эл. р.].

Для Д. Переса Миника, одного из деятелей испанской критической литературы 20-го века, Джейн Остин — прославленная предшественница Марселя Пруста и Вирджинии Вулф. По его мнению, она «предвосхитила психологический импрессионизм, с чувствительностью, присущей женской душе» [Hurtado, эл. р.].

Во второй половине XX в. исследователи также обращали внимание на преемственность в английской литературной традиции.

Интересно, что помимо соотечественников, в Испании Д. Остен сопоставляют и с испанскими авторами. Например, с Хуаном Валерой, писателем реалистической школы и дипломатом, жившим в XIX в. По мнению автора исследования, А. М. Хуртадо, оба писателя «отвергают романтизм» и «не стремятся нравоучительствовать открыто»; для него это авторы, которые «пишут о вневременном» [Hurtado, эл.р.].

К другим известным работам относится книга профессора английской литературы А. Диаз Билд «Still the Great Forgotten? The Reception of Jane Austen in Spain» 2007 г. («Всё ещё великая забытая? Восприятие Д. Остен в Испании») [Diaz Bild, 2007].

К недавним исследованиям в рамках научного дискурса можно отнести докторскую диссертацию 2017 г. «Анализ литературного стиля Джейн Остен» [Enamorado, 2017], в

которой детально рассматриваются уровни повествования и уровни дискурса в романах. И, наконец, биография Д. Остен — «Джейн», написанная профессором М. А. Хордан в 2018 г. [Jordán 2018].

Вторичные тексты (сиквелы)

Пространство вторичных текстов, принадлежащее массовой литературе, крайне неоднородно. «Продолжения» и различные фантазии на тему романов Остен функционируют, помимо сиквелов, в следующих вариативных формах: приквелы, мидквелы, мэш-апы, спинофы и т. п. [Austenprose, эл. р.]. В Испании в последние годы регулярно пишутся как продолжения известных романов Остен (всего мы насчитали 8 произведений), так и создаются новые «гибридные» формы. Например, Анна Казановас опубликовала современную интерпретацию «Доводов рассудка» — «Благие намерения» [Casnovas, 2018]. В ней рассказываются две параллельные истории: Анны и Манеля — современных молодых людей, и Джейн Остен и Тома Лефроя [Jane Austen, эл. р.]. Таким образом, в книге переплетается вымысел и историческая реальность. Отзывы на книгу, тем не менее, свидетельствуют о её коммуникативной успешности [Amazon, эл. р.].

Ещё одна подобная интерпретация жизни Остен также вышла в 2018 г. — «Miquerida Jane Austen» («Моя дорогая Джейн Остен») [Menárgues, 2018]. История рассказана от лица девушки, которая знакомится в Стивентоне (родном городе Д. Остен) с начинающей писательницей (Д. Остен), и между ними завязывается дружба.

В романе «Agonía y esperanza» («Агония и надежда») [Pañeda, 1982] автор осуществляет литературный «римейк» всё того же романа «Доводы рассудка». Место действия в произведении — Венеция наших дней, а главный герой (не героиня) — Фредерик. Несмотря на очевидное заимствование сюжета и героев, читатели положительно оценили нового героя «римейка» и то, насколько автор — Фернандо Гарсия — смог передать переживания своего героя.

Таковы основные работы современных авторов, которые не столько пишут продолжения (сиквелы) к романам, как это принято во всём мире, а работают в основном над воссозданием или «римейком», пересказыванием романов Д. Остен: заимствуя фабулу и персонажей они помещают их в другие социо-культурные условия. Как ни странно, мы не встретили ни одного испанского романа-римейка, чьё повествование было бы помещено в Испанию или Латинскую Америку. Таким образом, современные писатели стремятся скорее «модернизировать» знакомые всем произведения (как в романах «Благие намерения» и «Агония и надежда»), но не приблизить их к реалиям собственной страны и менталитета.

Киноверсии и телевизионные постановки

До 1960-х гг. XX в. в Испании не существовало собственных экранизаций романов. Однако с 1966 по 1972 гг. были адаптированы и транслировались на телеэкраны четыре романа Джейн Остен: «Гордость и предубеждение», «Эмма», «Нортенгерское Аббатство» и «Доводы рассудка». Считалось, что эти романы вписываются в моральный кодекс испанского общества во времена режима Франко, где судьбой женщины считался брак и где ценности основывались на традиционной Римско-католической морали. У цензуры того времени не было никаких сомнений в ценности брака в глазах автора или «надлежащего женского поведения» в романах.

Первая телепостановка «Гордости и предубеждения» датируется 1966 г. Эта адаптация десяти глав была осуществлена Альберто Гонсалесом Вергелем, который имел опыт работы в театре. Сценарий был написан Хосе Мендесом Эррерой, лауреатом Национальной переводческой премии 1962 г. за перевод произведений У. Шекспира. Сюжет этой экранизации, в основном, сохранил близость к роману: Миссис Бенет (а не Беннет) пытается выдать замуж пять хорошеньких сестер. Однако в процессе адаптации были внесены некоторые изменения. Например, имена некоторых персонажей: Джейн стала Дженни, Лидия — Линой, а Кэрлайн — Кэрол. Изменения были не случайными, а сделаны для того, чтобы зрители могли понять британские имена (эти новые имена стали популярны в Испании 1960-х гг.). Кроме того, декорации были скорее «испанскими», чем «английскими», а костюмы были 1840-х гг., так как были повторно использованы из других постановок. Премьера кинопоказа прошла успешно, и некоторые журналы, такие как «La Noга», даже поместили фотографию Джейн Остен на обложке после экранизации. Журнал включал отрывки из первых глав «Гордости и предубеждения» и, как ни странно, упоминания о мистере Дарси в этой статье нет совсем.

Киноверсия «Эммы» также состоит из десяти двадцатиминутных глав, и её режиссером был М. Агуадо. Сценарий был написан профессиональным драматургом Г. Сайнсом. Сюжет кино-«Эммы» похож на сюжет романа. Однако имена некоторых персонажей также изменены: например, Мисс Тейлор становится Анной, а Роберт Мартин — Джеймсом. Мистера Элтона играет актёр, намного старше своего героя в романе.

В 1972 г. «Доводы рассудка» были показаны как первая серия «Sesión Inglesa» (английского сезона). Эту киноадаптацию отличает использование более аутентичных костюмов и декораций, тем не менее, капитану Фредерику Вентворту в сериале было дано другое имя — Майкл Трент.

Успех экранизаций постепенно сменился снижением интереса к классическим постановкам. Испанцы в 1970-е гг. жили при диктатуре умирающего Франко; к этому времени общество стало более открытым, и другие страны, а также современные социальные движения начали влиять на Испанию. Эта открытость была больше, чем в 1960-е гг.: мораль и этика стали более свободными, семейные ценности изменились, и брак больше не был «обязанностью» для женщин. По мере развития общества зрители стали более критично воспринимать и киноадаптации. Стали требоваться точность в переводах и реализм сюжетов [Romero Sanchez, эл. р.].

В апреле 1980 г. британский фильм ВВС «Гордость и предубеждение» режиссёра С. Кока был показан в Испании, но не получил признания у широкой публики. Отчасти, это было связано с тем, что зрители не были готовы к «неадаптированной» версии романа, поскольку «книги Остен отличаются психологической утончённостью, некоторыми градациями почти незаметного оттенка, скрытой иронией, а иногда и картинами сдержанной жестокости» [Hurtado, эл. р.]. Последовавший «бум» сериалов ВВС на испанском телевидении привёл к тому, что зрители, на какое-то время потеряли интерес ко всему «британскому».

Новая волна интереса к романам Джейн Остен была спровоцирована фильмами «Гордость и предубеждение»¹ С. Лэнгтона 1995 г. и «Эмма»² Д. Лоуренса 1996 г., которые были

¹ «Разум и чувства» (англ. Sense and Sensibility) — мелодрама 1995 г. по мотивам одноимённого романа Джейн Остен.

² «Эмма» (англ. Emma) — телевизионный фильм 1996 г. по мотивам одноимённого романа Джейн Остен.

показаны по кабельному телевидению. «Гордость и предубеждение» был особенно успешен среди читателей, благодаря интернет-информации и влиянию таких книг, как «Дневник Бриджит Джонс» [Fielding, 1999]. Тем не менее, он не был выпущен на DVD в Испании до 2004 г. и в Мексике до 2006 г.

В настоящее время испаноязычные зрители могут увидеть в кинотеатрах главные голливудские фильмы, такие как «Гордость и предубеждение» 2005 г. без временных задержек по сравнению с другими странами. Поскольку классическая британская драма становится всё более популярной и снова имеет аудиторию, испанские зрители теперь не имеют трудностей с доступом к этим фильмам ни на DVD дисках, ни в Интернете.

Интернет-сообщества

В интернет-дискурсе современной культуры отмечается усиливающийся интерес к творчеству Д. Остен. Отметим здесь особую категорию читателей, которые являются членами фан-клубов Д. Остен и сообществ «джейнистов». Такие клубы функционируют в Англии, Америке, Канаде, Австралии, России и, конечно, в Испании.

Что касается интернет-сообществ и сайтов, посвящённых Джейн Остен на испанском языке, то на данный момент их количество достигает десяти, что более чем в два раза уступает числу англоязычных сайтов (около двадцати пяти). Появление социальных сетей и рост количества блогов, веб-сайтов и форумов, посвящённых литературе, весьма способствовали распространению романов, и даже превратили Джейн Остен и её наследие в культурный феномен в Испании. По мнению испанских исследователей, это «глобальное явление, которое набирает адептов в $\leq \dots \geq$ стране среди читателей различных возрастных категорий и социальных контекстов» [Enamorado, 2017]. В настоящее время существует несколько веб-сайтов на кастильском языке, посвящённых как самой Джейн Остен, так и анализу её романов, среди которых следует отметить следующие:

«Говоря о Джейн Остен» [hablando de jane austen, эл. р.] — сайт, который представляет собой информационный бюллетень о Джейн Остен на испанском языке. Здесь собрана ключевая информация обо всех ключевых произведениях, экранизациях и фестивалях. Есть разделы, посвящённые кулинарии, музыке, истории и танцам эпохи Остен.

«Джейн Остен на-испанском» [jane austen castellano, эл. р.] — информационная веб-страница и первое сообщество на кастильском языке, посвящённое Джейн Остен (существует почти 20 лет).

«Общество Джейн Остен» [jane austen society, эл. р.] целью которого является распространение и популяризация работ писательницы изучению её романов и жизни.

«Сообщество Джейн Остен в Испании» [Jane Austen, эл. р.] — один из самых обширных интернет порталов, где помимо текстов романов представлена и биография писательницы. Читатель обнаружит на этом портале серию видео-лекций от испанских исследователей и литературоведов; фотографии, представляющие моду эпохи Остен, и, наконец, подробную информацию о музеях, выставляющих экспонаты её эпохи. «Чайный салон Джейн Остен» [Janeausten. mforos, эл. р.] и «Обсуждение Джейн Остен» [espanol. groups. yahoo, эл. р.] — испанские форумы, посвящённые обсуждению романов Джейн Остен, а также литературных новинок, связанных с её именем (например «История джейнистов на испанском») [Romero Sanchez, 2015]. Роману «Гордость и предубеждение» посвящён целый сайт [orgullo y prejuicio, эл. р.]. Здесь можно найти историю публикации романов, архивные новости,

обзоры последних сиквелов к роману и многое другое. Кроме специализированных сайтов, обзоры и новости об Остен в изобилии встречаются в социальных сетях и на новостных сайтах и сайтах газет, например, страница в Фейсбуке [facebook], статьи на сайтах национальных испанских газет, таких как ElMundo [elmundo], Elpaís [elpais]. На сайте, посвященном литературе [libropatas] и на странице Википедии [Wikipedia], дан довольно подробный экскурс в историю прихода Д. Остен в Испанию.

Заключение

Говоря о развитии «феномена Джейн Остен» в Испании в прошлом нельзя не учитывать некоторую отстранённость испанского общества от центральной Европы и, соответственно, от Англии — и географическую, и культурную. На протяжении почти двух веков она оставалась причиной в определённой степени «изоляции» страны от наследия Джейн Остен и достаточно скромного вклада испанских литературоведов и критиков в остиноведение. Даже публикация романов Д. Остен не казалась прибыльной, пока производство киноадаптаций в XX в. не показало, что её произведения могут привлечь аудиторию. Что касается киноискусства, то отношение к Джейн Остен претерпевало изменения — от интереса в эпоху Франко к забвению в 1970-ые гг. XX в., когда «чрезмерное» использование британской литературы в кино-постановках и последовавший спад интереса заставили телеведущих в Испании отвернуться от романов Д. Остен, как от невыгодных. В связи с этим до середины 1990-ых гг. в Испании не было ни телевизионных постановок, ни попыток купить зарубежные телевизионные постановки, основанные на её романах.

Развитие литературного «поля Джейн Остен» в Испании XXI в. переживает настоящий «бум» публикаций — и научных, и исследовательских, и относящихся к массовому литературному рынку. А «всемирная паутина», в свою очередь, позволила испанской аудитории стать активными участниками интернет-сообществ Джейн Остен, создавать свои форумы и фан-клубы. Таким образом, можно заключить, что «второе рождение» Джейн Остен в Испании состоялось, а значит, и преумножение метатекстов о великой английской романистке в современной испанской культуре будет продолжаться.

Список литературы

1. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002. 1280 с.
2. Amazon. Buenasintenciones. URL: https://www.amazon.es/Buenas-intenciones-Umbriel-narrativa-Casanovasebook/dp/B07JL8HSYS/ref=sr_1_3?__mk_es_ES=%C3%85M%C3%85%C5%BD%C3%95%C3%91&crd=9232C99MRBM1&keywords=anna+casanovas&qid=1572944971&s=digital-text&sprefix=casanovas%2Cdigital-text%2C222&sr=1-3 (дата обращения: 12.10.2019).
3. Austen prose. URL: <https://austenprose.com/jane-austen-sequels-2/what-is-a-jane-austen-sequel/> (дата обращения: 18.10.2019).
4. Casanovas A. Buenasintenciones. Barcelona: Umbriel. 2018, 352 p.
5. Díaz Bild A. “Still the Great Forgotten? The Reception of Jane Austen in Spain.” The Reception of Jane Austen in Europe. Ed. Anthony Mandal and Brian Southam. London: Continuum, 2007. 204 p.
6. Discutir la obra de Jane Austen. URL: <https://espanol.groups.yahoo.com/neo/groups/JAcastellano/info> (дата обращения: 18.10.2019).

7. El mundo. URL: <https://www.elmundo.es/especiales/2013/cultura/en-femenino/jane-austen-entrevista.html> (дата обращения: 19.10.2019).
8. El pais. URL: https://elpais.com/cultura/2017/07/14/babelia/1500042170_723966.html (дата обращения: 18.10.2019).
9. El Salón de Té de Jane Austen. URL: <https://janeausten.mforos.com/> (дата обращения: 8.10.2019).
10. El sitio de Jane Austen. URL: <https://janeausten.org.es/> (дата обращения: 18.10.2019).
11. Enamorado M. A. J. Analisisdelestiloliterario de Jane Austen. Valencia Universidad de Valencia, 2017. 484 p.
12. Encyclopedia Britannica. Maria Edgeworth. URL: <https://www.britannica.com/biography/Maria-Edgeworth> (дата обращения: 19.10.2019).
13. Facebook. Mundo Austen. URL: <https://www.facebook.com/Mundo-Austen-1439460819530935/> (дата обращения: 16.10.2019).
14. Fielding H. Bridget Jones's Diary. London: Penguin Books, 1999. 288 p.
15. Hablando de Jane Austen. URL: <https://hablandodejaneausten.com/> (дата обращения: 16.10.2019).
16. Hurtado A. M. Jane Austen, Juan Valera y Henry James. URL: http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/jane-austen-juan-valera-y-henry-james-0/html/0007c626-82b2-11df-acc7-002185ce6064_9.html (дата обращения: 17.10.2019).
17. Jane Austen Centre. URL: <https://www.janeausten.co.uk/who-was-the-real-l-tom-lefroy/tom-lefroy/> (дата обращения: 18.10.2019).
18. Jane Austen encastellano. URL: <https://janeaustencastellano.wordpress.com/> (дата обращения: 11.10.2019)
19. Jane Austen society. URL: <https://janeaustensociety.es/> (дата обращения: 11.10.2019).
20. Jordán M. Á. Jane. Independently published, 2018. 351 p.
21. Libropatas. URL: <https://www.libropatas.com/mundo-editorial/como-jane-austen-llego-a-espana-y-empezo-a-leerse-en-castellano/> (дата обращения: 18.10.2019).
22. Menárgues M. B. Miquerida Jane Austen. Almería: Grupo Editorial CírculoRojo S. L., 2018. 126 p.
23. Orgullo y prejuicio. URL: <https://orgulloyprejuicio.wordpress.com/>
24. Pañeda F. G. Agonía y esperanza. A Coruna: Tandaiá, 2018. 320 p.
25. Pitol S. Sieteescritoresingleses: de Jane Austen a Virginia Woolf. México: SepDiana, 1982. 128 p.
26. Romero Sanchez M. C. A la Señorita Austen: An Overview of Spanish Adaptations//Persuasions on-line. URL: <http://www.jasna.org/persuasions/on-line/vol28no2/sanchez.htm> (дата обращения: 17.10.2019)
27. Romero Sanchez M. C. Historia de losAustenitas: Crónicasobrelosaficionadosespañol a Jane Austen hasta el siglo XXI. Scotts Valley: CreateSpace, 2015. 184 p.
28. Sarah Hemsley. Jane Austen and her Emma in Spanish. URL: <https://sarahemsley.com/2016/03/02/jane-austen-and-her-emma-in-spanish/> (дата обращения: 18.10.2019).
29. Wikipedia. Historiasobre la recepción de loslibros de Jane Austen. URL: https://es.wikipedia.org/wiki/Historia_sobre_la_recepci%C3%B3n_de_los_libros_de_Jane_Austen (дата обращения: 28.10.2019).

Kostyrya A. V.

Senior Lecturer,

Linguistics and Translation Department,

Perm State University

JANE AUSTEN IN THE MIRROR OF SPANISH METATEXTS

The name Jane Austen is traditionally associated with English-speaking culture and literature, as most of her admirers and researchers come from the UK and North America. However, in

Spanish-speaking countries, the so-called "Jane Austen phenomenon" can also be observed, albeit to a lesser extent. By this phenomenon we mean the unabated popularity of her novels, film adaptations, the annual publication of new studies and even biographies. Thus, the article will focus on the functioning of the space of texts generated by this phenomenon. As for the structure of the space or field of texts studied by us, interpreting the theory of R. Collins, we can say that the works of the famous author are placed in the "epicenter", while the metatexts or metatext interpretations generated by them diverge from the center like circles on water. In the case of Jane Austen, these are translations into Spanish (Castilian), literary studies, film adaptations, and secondary texts. However, the communicative success of Austen in our days, especially due to the development of information technology, is also associated with other literary processes — namely, with the creation of fan clubs, online communities and sites dedicated to the "revival" of the Jane Austen era. The article gives an overview of each of the components of this space, which was originally destined to develop in Spain under different laws than in the author's homeland. However, the laws of semiosis is the same regardless of cultural and national discourse / context: each sign / text exists as long as it is interpreted through another sign / text. The expanding "Austen universe" started in Spain quite late, but because of this its study only acquires an additional flavor, which allows you to look at the familiar classics (and its author) from a different angle and "highlights" new unexpected possibilities of its interpretation.

Keywords: Jane Austen, metatexts, Spanish, English literature, "literary field", film adaptations.

УДК 82. 091

Оглезнева Екатерина Валерьевна

Преподаватель, Финансово-экономический колледж

614000, г. Пермь, ул. Дзержинского, д. 16

Тел.: +7 (342)2446850

E-mail: evoglezneva@gmail.com

Руцкая Галина Семеновна

Кандидат филологических наук,

Финансово-экономический колледж

614000, г. Пермь, ул. Дзержинского, д. 16

Тел.: +7 (342)2446850

E-mail: evoglezneva@gmail.com

**ПСИХОЛОГИЗМ И ДЕТАЛЬ В РОМАНЕ Г. БЁЛЛЯ
«НЕ СКАЗАЛ НИ ЕДИНОГО СЛОВА»**

Актуальность работы обусловлена современной тенденцией к «минимизации» объекта исследований в самых различных отраслях науки, начиная с квантовой физики и микробиологии и заканчивая лингвистикой. Поэтика художественного произведения и личного стиля писателя является одним из центров притяжения внимания современных литературоведов. Деталь как многофункциональный элемент художественного мира произведения вызывает особый интерес при анализе изобразительных средств. Исследование детали становится особенно актуальным в свете концентрации внимания на мельчайших элементах действительности. В связи с этим, деталь выступает на первый план художественного анализа. Особенно значима деталь при создании психологического портрета и отображения художественной реальности. Произведения Г. Бёлля отличаются тонкий психологизм и осмысление современности, поэтому деталь играет особую роль в повествовании автора. В данной работе рассмотрены основные механизмы передачи характера и мира посредством детали.

Ключевые слова: деталь, психологизм, внутренний конфликт, социальное неравенство, потерянное поколение, тема памяти.

Введение

Поэтика художественного произведения и индивидуального стиля писателя является одним из центров притяжения внимания современных литературоведов. Деталь как многофункциональный элемент художественного мира произведения вызывает особый интерес при анализе изобразительных средств. Исследование детали становится особенно актуальным в свете концентрации внимания на мельчайших элементах действительности. Известный литературовед и культуролог М. Н. Эпштейн отмечает стремление научного познания к поиску мельчайших частей целого. Не менее актуальным можно считать и жанр

произведений — роман. С точки зрения типологии романа, произведение Г. Бёлля — это осмысление духовного самосознания человека в рамках общественной мысли и культуры. Этот тип романов преобладает в литературе последних десятилетий. «Событийность здесь заметно ослаблена, а на первом плане стоит сознание героя в его многоплановости и сложности» [Хализев, 2004, с. 330]. Также стоит отметить важную особенность: «Близкая человеку реальность осваивается здесь не в качестве «низкой прозы», но как причастная подлинной жизни человека, человечности... «потрясающие события» — меньшее для человека испытание, чем будни с мелкими неудобствами» [Хализев, 2004, с. 330]. Данное суждение полностью находит свое выражение в произведениях Г. Бёлля. Роман, написанный в реалистическом ключе, содержит большое количество сцен, изображающих детально выписанные ежедневные заботы, дела главных героев. Это не экстраординарные события, а вполне обыкновенные сцены из жизни простых людей. Акцент поставлен на внутреннем движении героев, а не на внешних событиях. Важную роль в данных зарисовках играет деталь.

Основная часть

Роман «И не сказал ни единого слова» был опубликован в 1953 г. Он представляет собой первые шаги Бёлля-романиста. Стиль романа очень близок к новеллам. Бёлля-новеллиста характеризует особенный, тончайший психологизм и простота языка, особая лёгкость стиля и непринужденность в изображении персонажей. В центре внимания простая немецкая семья, которая пережила все тяготы войны, лишений, бедности и стоит на пороге распада. Фред и Кэте не в состоянии противостоять всему миру, обстоятельства складываются против маленькой семьи: у них нет денег, долги и крошечная комнатка на пятерых. Отец семейства больше не в состоянии вынести позорную нищету и уходит из дома. Но Фред и Кэте продолжают встречаться вне дома. Любящие супруги всячески стараются сохранить свою семью. В конце романа Фред понимает, что он хочет вернуться к своей семье. Автор описывает современную ему действительность, действие романа происходит в начале 1950-х гг. В своем романе Г. Бёлль отражает проблемы и беды тысячи семей, оказавшихся в безвыходной ситуации на самом краю нищеты. Уильям Хансон (William Hanson) понимает тему романа следующим образом: «Этот роман не просто картина последствий войны. Это критика бедности. Уже в начале 1950 гг. Г. Бёлль видит, что немецкое общество разделилось на имущих и неимущих, Богнеры определенно относятся ко второй категории» [Hanson, 1988, S. 12]. Г. Бёлль критикует не просто бедность, а социальный уклад. На это указывает У. Хансон в своей работе: «Посредством изображения ситуации, в которой оказались Богнеры, Бёлль показывает и критикует два основных социальных аспекта, которые появились в поствоенный период, а именно, повторное появление ярко выраженной формы капитализма и, во-вторых, как следствие первого, развитие коммерческого начала» [Ibid.].

Композиционно роман имеет сложную структуру: автор вводит в повествование несколько рассказчиков, а именно, эту роль поочередно берут на себя Фред и Кэте. Г. Бёлль преследует своей целью достигнуть наибольшей объективности. Это позволяет продемонстрировать максимальную глубину объективности и показывает ситуацию с разных сторон. Этот приём помогает Г. Бёллю также реализовать присущий ему тонкий психологизм. Меня повествователя, Г. Бёлль сильнее погружается во внутренний мир героя

и показывает его изнутри. В романе «И не сказал ни единого слова» повествование ведётся от первого лица. Этот приём позволяет максимально близко рассмотреть героя. Это также отмечает и М. Рудницкий в послесловии к роману Г. Бёлля, говоря, что в этом автор проявляет новаторство относительно своего творчества: «Это как бы два романа от первого лица, посвященные одним и тем же событиям, только один из них преподнесен от имени Фреда Богнера, а другой — его жены Кэте» [Рудницкий, 1987, с. 690] Автор описывает одни и те же события, одних и тех персонажей с точки зрения Фреда и Кэте. Таким образом, автору удается очень тонко и объективно изобразить два характера, внутренний мир главных героев, их мироощущение.

Грязь подчеркивает состояние нищеты и безвыходности, в котором оказалась семья Богнеров. *Известковая грязь* становится деталью-символом, подчеркивающую их бедность, убеждая лишней раз, что им никуда не деться от бедности и нужды. Кэте задыхается от неё, малыш кашляет из-за неё. Кэте ничего не может сделать, но всё равно с непрерывным упорством она пытается навести чистоту дома и в своей жизни. Г. Бёлль сравнивает уборку комнаты с *грозой*, эта деталь подчеркивает, какие трудности приходится Кэте преодолевать в этой борьбе. Исследователь Доротея Ремгильд также обращает внимание на ее ожесточенную борьбу за чистоту. Она обобщает её образ, говоря о значимости простой женщины в жизни целой Германии: «Хотя это, пожалуй, наихудшая часть ее повседневной жизни, она справляется и с ней. Изображая Кэте таким образом, Г. Бёлль одновременно показывает борьбу за выживание женщин и стабилизирующую функцию, которую они сыграли в период восстановления Германии. Её борьба против пыли, грязи и вредных насекомых — это истинные жизненные условия так называемых Trümmerfrauen, женщин времён разрушений второй мировой войны. Между тем Кэте необыкновенно последовательна при уборке грязи. Она боится, что её дети могут заболеть. Как близнецы, Регина и Роберт, которые умерли во время войны из-за отсутствия гигиены» [Römhild, 1991, S. 50]. Таким образом, деталь становится средством, позволяющим выразить идею произведения. Кэте выполняет важную роль не только в своей семье, но и в жизни своего государства. Для Кэте это очень значимый ритуал. Можно сказать, что Кэте расчищает руины, оставленные войной, для того, чтобы её семья могла жить дальше. Она чувствует себя бессильной против грязи, но всё равно продолжает прибираться. Своими действиями она показывает душевную стойкость и терпение, те качества, которые по Г. Бёллю становятся основополагающими для дальнейшей жизни. Она одна не может справиться со всем потоком грязи, но у нее нет другого выхода. Терпение и борьба становятся лейтмотивами произведения. Таким образом, деталь становится еще и психологической характеристикой персонажа. На этом примере видно характерную особенность детали — её психологическую нагруженность и многофункциональность.

Г. Бёлль поднимает нравственно-социальные проблемы, овладевшие обществом в послевоенное время. С одной стороны, речь идёт о проблеме нравственного выбора главного героя, его «маленького бунта» против общества и обстоятельств. С другой стороны, Г. Бёлль затрагивает проблему общественного равнодушия и чёрствости по отношению к малоимущим слоям. В общем, вся проблематика романа так или иначе связана с отношением к бедности, с отношениями между героями и окружающими их людьми.

Для Фреда борьба противоречивых чувств заканчивается победой добра. Он совершенно случайно видит свою жену на улице и влюбляется в неё заново: «Я увидел женщину, тронувшую моё сердце и в то же время взволновавшую меня. Женщина была уже не очень молода, но красива; я видел её ноги, зелёную юбку, видел жалкий коричневый жакет и зелёную шляпку; но, прежде всего, я увидел ее нежный и печальный профиль ... я вдруг понял, что это была Кэте» [Белль, 1987, с. 422]. Автор использует слово *тронувшая*, чтобы показать всю глубину чувства, охватившего Фреда. Фред получает шанс заново начать свою жизнь. Он видит женщину, она бедно одета, но это не отталкивает его, напротив, он ощущает её внутреннюю красоту, благородство. Обычная деталь описания облика героя говорит о разрешении внутреннего конфликта.

Т. Мотылева говорит о том, что у Г. Бёлля живописное восприятие мира. Для него характерны цветовые зарисовки, которые противопоставляют или, напротив, объединяют идейные компоненты романа. При портретном изображении Кэте Г. Бёлль использует зеленые, белые, коричневые краски. Именно в такой цветовой гамме одежда Кэте: «Я видел её ноги, зелёную юбку, жалкий коричневый жакет и зелёную шляпку» [Белль, 1987, с. 422]. Эти же цвета ассоциируются в романе с богом. Кэте смотрит на стену, где стоит имя бога: «Сначала я различала зеленоватую стенку, коричневое пятно от разбитой статуи и свет, проникающий из пролёта напротив, то зелёный, то белый — он все время менялся... перед моими глазами кружилось что-то светлое, зелёно-белое... я видела кусок стены, окрашенной зелёной краской, с бордюром шоколадного цвета, а на светло-зелёном фоне изречение, намалёванное темно-коричневыми буквами... «Тебе поможет врач, если врачу поможет БОГ» [Белль, 1987, с. 386]. Зелёный, белый, коричневый — это цвета надежды, веры на благополучный исход. Недаром Фред видит Кэте в конце романа именно в одежде этих цветов, они связаны с надеждой, со счастьем и спокойствием. Это и цвета материнства, плодородия.

Внешне Кэте всё ещё остаётся красивой женщиной, её внутренняя красота находится в единстве с внешней стороной. В конце романа, когда Фред видит её, он поражается её красоте, поэтому она трогает его сердце. Эта деталь говорит о глубине чувства, которое овладевает Фредом. Несмотря на то, что они прожили бок о бок пятнадцать лет, спали рядом каждую ночь, она все еще остаётся для него любимой, желанной: «Моя жена уходила, уходила та, которую я несчетное число раз обнимал, но так и не постиг» [Белль, 1987, с. 425]. Эти детали внутренней речи героя раскрывают эволюцию его чувств и обозначают разрешение конфликта.

Но годы лишения и трудностей не прошли мимо для Кэте. Они оставили отпечаток на её лице. Примечательно, что Кэте и Фред видят ее по-разному. Фред видит в ней красивую женщину, сама Кэте хорошо различает на своем лице все годы лишений и горя, через которые им пришлось пройти. Автор использует прием зеркало, когда героиня смотрит на себя со стороны. Это позволяет говорить о её объективном восприятии: «Вижу женщину, познавшую всю горечь жизни... скулы на нём [лице] слишком выдаются, потому что я начинаю худеть, бледная кожа приобрела желтоватый оттенок» [Белль, 1987, с. 318]. При описании внешности Кэте Г. Бёлль подчеркивает ее *худобу*. Эта психологическая деталь свидетельствует о её внутреннем состоянии. В данном случае портретная характеристика подчеркивает через внешность героини состояние бедности и страданий, сопровождающих семью Богнеров.

Фигура Фреда также неоднозначна. Как отмечал У. Хэнсон, Г. Бёлль неоднократно возвращался к этому типу героев: «Фред посторонний человек, одиночка, человек, который своим отношением и поведением подвергает сомнению социальные и моральные ценности. У него есть нечто отличное, у него и других «недовольных молодых людей» в творчестве Белля, а именно, у Вальтера Фендриха из «Хлеб ранних лет» и Ганса Шнира в романе «Глазами клоуна» [Hanson, 1988, S. 17]. Фред чувствует себя одиноким и растерзанным. Война надломила его, а бедность доломала его. Он чувствует себя одиноким и никчемным. Сам себе он представляется ничтожным: «И зеркало... отбросило мою хрупкую, маленькую фигурку, словно шарик в воображаемом кегельбане, где тут же рядом кувыркались торты со взбитыми сливками... я увидел в зеркале крошечного человечка, который, судорожно приглаживая волосы и теребя себя за штаны, беспомощно откатился назад в окружении пирожных» [Бёлль, 1987, с. 307]. В отношении Фреда автор снова использует приём *зеркального отражения*. Эта деталь говорит не только об объективности восприятия, но и символизирует бесполезность его личного бунта. *Пирожные* и *торты* становятся фоном, противопоставленным его *жалкой фигурке*, что делает его внешность совсем жалкой и убогой. Портретная характеристика выступает в качестве изображения внутреннего состояния героя. Бедность делает Фреда озлобленным и больным.

Фред относится к «потерянному поколению», его сломила война. Кэте призналась ему: «Иногда я всё же думаю, что война сломила тебя. Раньше ты был другим» [Бёлль, 1987, с. 400]. В глубине души он понимает, что Кэте права, но все, же он не хочет признаться ей в этом. Фредом овладевают мысли о смерти. Посещение кладбищ становится фоновой зарисовкой, которая подчеркивают опустошенность и одиночество Фреда. Г. Бёлль описывает *чужие похороны* с тем, чтобы эта психологическая деталь помогла раскрыть внутреннее состояние героя. Причина его раздумий о конце лежит в его одиночестве. Он боится спросить свою жену, любит ли она его до сих пор, потому что он боится одиночества. Это еще одна причина его ухода из семьи. Подсознательно он боится потерять своих близких, как потерял до этого своих детей.

Заключение

Тема памяти проходит лейтмотивом через всё творчество Г. Бёлля. Для него важно не забывать прошлого, а особенно, ошибок и всех горестей, которые пришлось испытать Германии. Тонкий психологизм Г. Бёлля позволяет почувствовать положение крайней нужды, беды и проблемы семейства Богнеров вызывают искреннее сочувствие читателя. Для Г. Бёлля характерна необыкновенная конкретность действий. Но подробное описание бытовой жизни героев не заставляет заподозрить автора в натурализме. Ему присуща особенная легкость стиля и изящества пера, которые трогают читателей. А обилие деталей и подробностей играют на руку тонкому психологизму писателя. Роман насыщен художественными деталями, которые выполняют самые разные функции. С помощью деталей описания быта и внешности Г. Бёлль показывает внутреннее состояние героев. Силу и твердость духа Кэте. Внутренний конфликт произведения четко обрисован именно благодаря художественной детали, которая показывает внутреннее состояние героя. Важную роль деталь играет и в сюжетостроении. Насыщенность и психологическая нагруженность становится неотъемлемой частью стиля Г. Бёлля.

Список литературы

1. Белль Г. Избранные произведения. Москва: Панорама, 1994. 496 с.
2. Добин Е. С. Искусство детали. Ленинград: Советский писатель, 1975. 192 с.
3. Мотылева Т., Зарубежный роман сегодня. Москва: Советский писатель, 1966. 471 с.
4. Рожновский С. Генрих Бёлль. Москва: Высшая школа, 1965. 103 с.
5. Рудницкий М. Л. Генрих Белль. История литературы ФРГ. Москва: Наука, 1980. 867 с.
6. Рудницкий М. Л. Перед лицом правды (Современная прогрессивная художественная литература капиталистических стран). Москва: Знание, 1987. 128 с.
7. Руцкая Г. С. Поэтика драматического и трагического в антивоенной немецкой прозе второй половины XX века. Пермь: Изд-во «Пермский университет», 1998. 104 с.
8. Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник. Москва: Высшая школа, 2004. 405 с.
9. Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
10. Böll H. „Und sagte kein einziges Wort. Roman“. Berlin, Kiepenheuer & Witsch, 1987.
11. Römhild D. Die Ehre der Frau ist unantastbar. Das Bild der Frau im Werk Heinrich Bölls. Pfaffenweiler, 1991.
12. Hanson W. Und sagte kein einziges Wort. Taylor & Francis, 1988.

Oglezneva E. V.

Teacher, Perm College of Finance and Economics

Rutskaiia G. S.

PhD (Philology),

Perm College of Finance and Economics

**PSYCHOLOGISM AND A SPECIFIC DETAIL IN BOELL'S NOVEL
“AND NEVER SAID A WORD”**

The relevance of the work is due to the current tendency to “minimize” the object of research in various fields of science, starting with quantum physics, microbiology and ending with linguistics. The poetics of the literary work and personal style of the writer is one of the centers of attention attraction for modern literary scholars. A detail as a multifunctional element of the artistic world is of particular interest in the analysis of visual media. The study of the detail becomes especially relevant in light of the concentration of attention on the smallest elements of reality. In this regard, the detail comes to the forefront of artistic analysis. Particularly significant a detail becomes when creating a psychological portrait and display of artistic reality. G. Boll's works are distinguished by subtle psychologism and understanding of modernity, therefore a detail plays a special role in the narration of the author. In this paper, we consider the main mechanisms of character and the world transmission through details.

Keywords: specific detail, psychologism, internal conflict, social disparity, Trümmerfrauen (ruins women), the lost generation, theme of memory.

УДК 821. 111(09)

Широкова Ганна Атанасовна

Магистр, старший преподаватель кафедры

английского языка профессиональной коммуникации,

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

Тел.: +7(342)239633

E-mail: glory_glint@mail.ru

**ИЗОБРАЖЕНИЕ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ КАК ОСНОВООБРАЗУЮЩИЙ
ФАКТОР В РОМАННОЙ КАРТИНЕ БЫТА И НРАВОВ АНГЛИИ**

В данной статье рассматриваются особенности изображения быта и нравов сельской местности Англии в различных романах Джорджа Элиота («Адам Бид», «Сайлас Марнер», «Мельница на Флоссе») и др. Изучение изображения сельской местности является основообразующим в романной картине быта и нравов, необходимо отметить, что сельский «локатив» представляет собой один из обязательных для ранних произведений Джордж Элиот элементов. Рассмотрены особенности пейзажа романов, сюжетной композиции, ценностных линий. Особо уделяется внимание тематике труда и работы, а также семейных ценностей. Сделаны выводы о специфике содержания романов в рамках быта и нравов.

Ключевые слова: локатив, бэкграунд, система ценностей, хронотоп, аксиологема, топос, оценочность, нравственная категория, концепт.

Введение

Прежде чем перейти непосредственно к изучению изображения сельской местности как основообразующего в романной картине быта и нравов фактора, необходимо отметить, что сельский «локатив» являет собой один из обязательных для ранних произведений Джордж Элиот элементов. Это объясняется биографическим моментом: сельская Англия на протяжении всего раннего этапа творчества Дж. Элиот была источником ее сюжетов, поскольку именно в такой Англии она до 1842 г. росла и формировалась. Речь идет об английской деревне Мидленд, в которой писательница проводила много времени в своей молодости [Levander, 2011, p. 94]. Именно поэтому жизнь сельской и шире — провинциальной Англии в значительной степени отображена в творчестве Дж. Элиот. Об этом свидетельствуют «Адам Бид», «Сайлас Марнер», «Мельница на Флоссе» и др. Иначе говоря, Дж. Элиот использует сельский «локатив» в качестве тематического «бэкграунда» во многих своих произведениях, но всё же не во всех. По мнению петербургской исследовательницы ранних романов Элиот Н. В. Масловой, романы писательницы, подпадающие под категорию локативных (или региональных), могут быть условно разделены на урбанистические (в центре которых выступает город и связанные с ним мотивы) и сельские (централизованное место занимает провинция и деревня соответственно) [Маслова, 2001, с. 74].

Основная часть

Предметом этого раздела выступают не столько локативные особенности и ландшафтно-пейзажная специфика в романе «Адам Бид», а сколько аксиологическая система, то есть система ценностей, которыми живут герои романа, формирующаяся при изображении писательницей английской деревни. Прежде чем начать изучение принципов быто- и нравоописания Элиот, необходимо отметить, что оба указанные аспекта не могут быть разделены. Этот факт прямым образом указывает на то, что как тема быта, так и действующих в рамках созданного автором художественного мира сельских нравов необходимо рассматривать в совокупности, поскольку они являются собой два взаимодополняющих аспекта, и в совокупности полно характеризуют и созданную картину жизни сельской Англии, и саму писательницу и её позицию. Более того, эти два фактора формируют повседневный быт, равно как и вектор, в котором он создается, является неотъемлемой частью жизни любого персонажа, в частности сельских жителей. По мнению профессора И. В. Остапенко, именно показатели времени-места (пространства) — хронотопа, включая и деятельностный аспект, способствуют формированию «ценностной системы героя» [Остапенко, 2011, с. 39]. Такая мысль наблюдается и у исследователя Фрай [Fry, 2012, p. 87]. Именно система ценностей или аксиологема помогает понять, как автор относится к изображаемому.

При осуществлении литературоведческого анализа любого тематического вектора, так или иначе, отобранного в тексте художественного произведения, важно понимать, что общее его представление зависит от множества факторов. Анализируя воплощение темы нравов и быта сельской Англии в «Адаме Биде», надо иметь в виду совершенно различные отобранные в тексте произведения содержательные аспекты. С учётом вышеназванного факта целесообразно начать с такого момента, задающего основную тематическую директиву быта и нравов населения сельской местности в конкретном художественном произведении, как работа. Имеет смысл уточнить, что «работа» в нашем случае будет рассматриваться как некий устойчивый концепт, поскольку его свойства пронизывают всю сюжетную линию произведения и, главное, образ Адама — «титального героя» [Richter, 2007, p. 32]. Более того, именно этот концепт выступает ключевым при характеристике того или иного персонажа романа. Имеется в виду тот факт, что тот или иной герой романа не обходится без намеренного описания автором произведения в его профессиональной, трудовой деятельности. Отметим, что эти определения не являются тождественными. «Работа» как некий концепт охватывает достаточно широкий диапазон понятий и свойств, которые прямым образом связаны с основной деятельностью в сельской местности — человеческим трудом. В качестве одной из композиционных особенностей можно выделить то, что первое событие («со-бытие»), если понимать это определение исходя из трактовки его таким литературоведом как Н. Д. Тмарченко, базируется на описании времени-пространства (хронотопа), в рамках которого изображается рабочая мастерская с крестьянами, занимающимися выполнением каждой своей части труда, включая и главного героя Адама Биду [Тмарченко, 2004, с. 184]. Затрагивая особенности сюжетно-композиционной системы романа наряду с так называемой синкретичностью быта и нравов сельской местности Англии, отметим, что подобное тождество очевидным образом прослеживается в изображении автором таких культурных реалий, как, синтез деятельности и нравственности, в частности, работы / труда и семейных ценностей. Подобное утверждение можно продемонстрировать на таком примере:

«Совершенно справедливо то, что должно пахать и засеивать землю, сохранять драгоценный хлеб и заботиться о мирских делах, и справедливо то, что люди должны наслаждаться в своих семействах и заботиться о них, и делать это в страхе Божиим, и что они не должны нерадеть о потребностях» [Элиот, 2016, с. 62].

В приведённом отрывке совершенно определённо отображена ценностная линия, центральным мотивом, которой является мотив труда и работы. Писатель демонстрирует неразделённость общих и незыблемых ценностей в рамках аксиологической системы жителей сельской местности. Немаловажную роль в этом примере играет и религиозный контекст, аллюзии к которому указывают на более плотное укоренение рассматриваемого нами принципа в ценностной системе сельских жителей [Mingay, 1991, p. 81]. Здесь важно упомянуть, что религиозный аспект в «Адам Бид» является очень важным при анализе романа. Приведённый пример не единственный, поскольку, выступая как повествователь, автор намеренно акцентирует внимание читателя на этом, что подтверждается различными ситуациями. Приведём ещё примеры: «...(вести) тихую жизнь среди зелёных пастбищ и спокойных вод, возделывая землю и занимаясь скотоводством, встречается странная холодность к слову божию, совершенно не так, как в больших городах» [Элиот, 2016, с. 72]. Несмотря на негативную окраску у определённого типа персонажей романа, конкретно в этом случае автор-повествователь акцентирует внимание на ролеопределяющей функции религиозности, которая может быть отображена формулой отсутствие энтузиазма, проявляемого в работе, свидетельствует о низком уровне духовности. Религиозность как фундаментальный фактор нравственной системы англичан сельской местности напрямую синхронизируется с трудолюбием, которое, в свою очередь, является субвектором одного из ключевых мотивов произведения — работа и трудолюбие. Примечателен и тот факт, что аналогичная ситуация наблюдается и в следующем примере: «Геттон-Дипс — деревня, где люди добывают себе пропитание, работая в свинцовых рудах, и где нет ни церкви, ни проповедника и люди живут как овцы без пастуха» [Элиот, 2016, с. 71].

Отметим, что сельский мир в романе «Адам Бид» имеет два основных локативных подразделения: графства Лоамшир и Стоунишир (со своими деревнями Хэйслоуп и Сноуфилд). Лоамшир, равно как и Хэйслоуп, представляет собой основную территориальную сцену, на которой разворачиваются большинство сюжетных событий [Mingay, 1991, p. 102]. Представленные выше сельские «локативы» в совокупности представляют собой некий земной рай с подчеркнутым автором акцентом на плодородности земель этого графства.

«Поля и леса напоминали мне поля и леса нашей английской провинции Ломшейр¹, где богатая земля была вспахана с такою же заботливостью, леса спускались к зелёным лугам...» [Элиот, 2016, p. 271]. Изгнание из этой уютной земли рассматривается её жителями как худшее зло, поэтому семейство Пойзеров не хочет покидать её.

Наряду с Лоамширом в произведении одним из мест действия является графство Стоунишир. Однако оно характеризуется явно негативно, в отличие от того же противопоставляемого ему Лоамшира. Например:

«Богатая, волнистая область Ломшейр, куда принадлежала деревня Хэйслоуп, граничит с мрачным предместьем Стоншейр, голые холмы которого господствуют над областью» [Элиот, 2016, p. 16].

Ломшейр и Стоншейр как указано в переводе романа 2017 г. (Г. Ш.)

Но особенность изображения и противопоставления двух топосов друг другу заключается и в том, что если в Лоамшире доминируют пейзажи и яркая природа, то в другом графстве этого нет. Дина говорит мистеру Ирвину:

«...в этих деревнях, встречается странная холодность к слову божию, совершенно не так, как в больших городах» [Элиот, 2016, с. 72]. Таким образом, автор пытается донести ту мысль, что люди из Лоамшира духовно мёртвые, очерстевшие, в то время как жители Стонишира более чутко относятся к религии, духовно бодрствуют, хотя и живут в трудном регионе.

Указать на то, что топический контекст, равно как и такие составляющие его элементы как гостиницы, церкви, особняки и дорожная жизнь, занимают своё важное место в тексте произведения. Этот факт обуславливается тем, что такого рода достопримечательности и сцены играют важную роль в романах Дж. Элиот. Благодаря введению этих локативных элементов в текст романа автором, с одной стороны, создается особая органическая целостность сельской жизни, и с другой — сразу же закладывается определённая оценочность. Специфика изображения сельского мира воздействует на читателя таким образом, что он обнаруживает себя как бы проходящим через каждую описанную автором череду «локативных декораций». Например:

«...старая церковная колокольня не обращает никакого внимания на грачей, каркающих около нее» [Элиот, 2016, с. 48]. Или:

«...там ведь нет ничего, кроме дрянной гостиницы в той части, куда он отправился удить» [Элиот, 2016, с. 168]. Или:

«Ведь по вине проповедника пустеет пивная...» [Элиот, 2016, с. 11].

Что касается такой нравственной категории, как семейные ценности, под которыми автор подразумевает деятельность трудового характера, то подобная взаимозависимость очевиден в следующем примере: «...не было строгой черты разрядного разграничения между фермером и достойным уважением ремесленником, и в семейном быту, так же, как и в трактирах, они часто разговаривали друг с другом за кружкой эля» [Элиот, 2016, с. 76]. В этом примере прослеживается взаимодействие двух неразделимых друг от друга, как нами было указано ранее, факторов, а именно нравов и быта сельской местности. Более того, примечательно, что автор не просто указывает на нравственную тождественность работы (труда), и семьи (нравов), но и демонстрирует равные закономерности, действующие в обеих этих сферах, общий принцип которых заключается в том, что трудящийся и ответственно выполняющий свою работу человек является изначально, родово нравственным. Речь идёт о равенстве, выступающем главной характеристикой, своеобразным базисом выстраиваемых сельскими жителями взаимоотношений.

Можно привести и другие примеры из романа «Адам Бид», при помощи которых мы можем увидеть, как автором акцентируется внимание на специфике мотива «работа»: «Конечно, эта страна хорошая: в ней нет недостатка в хлебе...» [Элиот, 2016, с. 70]. В этом примере наличествует контекст, подразумевающий, что отсутствие голода и недостатка пищи (хлеб как собирательный образ) автоматически определяет страну «хорошей».

Как известно, совокупность ситуаций является лейтмотивом [Тюпа, 2009, с. 18]. Такая же мысль была и у Р. Эштон [Ashton, 1999, p. 11]. Однако лейтмотив подразумевает под собой единственный и, что немаловажно, исчерпывающе доминирующий мотив в рамках

художественного мира, но в анализируемом произведении утверждение, что концепт «работа» — лейтмотив, было бы ошибочным, поскольку «лейтмотивом» этого романа выступает «религиозный аспект» [Mazaheri, 2018, p. 85]. Таким образом, «работа» образует одну из главенствующих мотивных единиц произведения «Адам Бид», но не лейтмотив как таковой.

Мотив «работы» как образующий фундамент нравственной системы сельского населения и его повседневно-бытовой жизни также отображен автором в таких примерах:

«Я не могу оставаться спокойным, если вижу, что люди бросают свои инструменты в ту самую минуту, когда только что часы начинают бить, как будто они не находят в работе никакого удовольствия и боятся лишней раз ударить молотком» [Элиот, 2017, с. 11]. Или: «...а ты знаешь, полотно поспеваает гораздо скорее, нежели успевает износиться старое...» [Элиот, 2017, с. 61].

Эта реплика одного из героев демонстрирует определенную степень перманентности рабочего процесса как элемента крестьянского быта. Более того, важнейший мотив «работа» касается не только крестьянского слоя героев; в романе подчёркивается тот факт, что не только крестьяне, но и фермеры, арендаторы отличаются трудолюбием и терпением, проявляемым в выполняемом ими деле (ярким примером может послужить семейство Донниторнов).

Прямая взаимозависимость семейных ценностей и концепта «работа» прослеживается и в следующем примере: «Между тем подобные ему (Адаму) люди выдаются там и сям в каждом поколении наших крестьян-ремесленников; наследуя склонности, взлелеянные простою семейною жизнью общей нужды и общего трудолюбия, и способности, развитые в искусном бодром труде, они идут по своему пути, редко как гении, по большей части обыкновенно как трудолюбивые честные люди, ловкие и совестливые к тому, чтоб хорошо выполнять обязанности, лежащие на них» [Элиот, 2016, с. 162].

Здесь автор уделяет особенное внимание такой нравственной категории как совестливость, которая, судя по контексту и авторской текстовой подаче, отождествляется с трудолюбием и семейным укладом жизни, что в очередной раз доказывает важность рассматриваемого нами концепта «работа» в рамках системы ценностей и, как следствие, быта и нравов сельской жизни.

Заключение

В настоящей статье выявлены основные аспекты тематики быта и нравов сельской местности сквозь призму романов Дж. Элиота. Можно сказать, что существуют локативные особенности и ландшафтно-пейзажная специфика передачи тех или иных событий, а также образов в рамках рассмотренных романов. Автор изображает культурные реалии как синтез деятельности и нравственности, в частности, труда и семейных ценностей. Хочется также отметить, что существуют факторы передачи тех или иных образов и ситуаций, которые, непосредственно, дают возможность читателю мысленно пройти через каждую описанную автором череду «локативных декораций» и бытовых реалий.

Список литературы

1. Маслова Н. В. Региональный роман в творчестве Дж. Элиот. Дис. ... к. филол. н. Санкт-Петербург, 2001. 192 с.
2. Проскурнин Б. М. «Адам Бид» Дж. Элиот и «Записки охотника» И. С. Тургенева: идеологические и поэтологические переключки // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. № 3(10). С. 149–161.
3. Горбунова Н. В. Метафоры познания в творчестве Дж. Элиот. Автореф. ... к. филол. н. Москва, 2003. 21 с.
4. Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория литературы. Москва: Academia, 2004. 880 с.
5. Остапенко И. В. Введение в литературоведение. Симферополь: Симф. изд-во., 2011. 114 с.
6. Элиот Дж. Адам Бид. Москва: Рипол Классик, 2017. 403 с.
7. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. Москва.: Academia, 2009. 336 с.
8. Anderson R. George Eliot in Middlemarch // From Dickens to Hardy. 1963. P. 274–293.
9. Ashton R. Introduction: Eliot G. Critical Writings. Oxford: Oxford University Press, 1999. 383 p.
10. Eliot G. Adam Bede. London: Penguin Classics, 2016. — 608 p.
11. Fry J. P. Theory of Literature (The Open Yale Courses Series). Yale: Yale University Press, 2012. 397 p.
12. Levander C., Levine R. S. A Companion to American Literary Studies. Malden, Mass.: John Wiley & Sons, 2011. 211 p.
13. Mazaheri J. Essays on Religion in G. Eliot's Early Fiction. Cambridge: Cambridge Scholar Publishing, 2018. 128 p.
14. Mingay G. E. Rural Life in Victorian England. Routledge: Alan Sutton, 1991. 220 p.
15. Richter D. H. The Critical Tradition: Classic Texts and Contemporary Trends. Boston: Bedford/St. Martin's, 2007. 255 p.

Shirokova G. A.

Master, Senior Lecturer,

Perm State University

**REPRESENTATION OF RURAL AREAS AS A FUNDAMENTAL FACTOR FOR
PORTRAYING LIFESTYLE AND MANNERS IN THE ENGLISH NOVEL.**

This article discusses the features of the image of life and customs of the countryside of England in various novels by George Eliot ("Adam Bede", "Silas Marner", "Mill on the Floss") and others. The study of the image of the countryside is fundamental to the novel picture of life and of morals, it should be noted that the rural "lo-cativ" is one of the elements necessary for George Eliot's early works. The features of the landscape of novels, plot composition, and value lines are examined. Particular attention is paid to the topics of work and work, as well as family values. Conclusions are drawn about the specifics of the content of novels within the framework of everyday life and mores.

Keywords: localisation, background, system of values, topos, chronotope, axiology, evaluation, moral category, concept.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

УДК 37. 013

Абдуллина Амина Шакирьяновна

Доктор филологических наук, профессор кафедры филологии,
Бирский филиал Башкирского государственного университета
452450, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, д. 10
Тел.: +7 (34784) 40470
E-mail: aminaabdullina@mail.ru

Лысова Ольга Васильевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры филологии,
Бирский филиал Башкирского государственного университета
452450, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, д. 10
Тел.: +7 (34784) 40470
E-mail: lysova_olga@inbox.ru

Климина Юлия Евгеньевна

Магистрант, факультета филологии и межкультурных коммуникаций,
Бирский филиал Башкирского государственного университета
452450, Башкортостан, г. Бирск, ул. Интернациональная, д. 10
Тел.: +7 (34784) 4 0470
E-mail: yul.kl@mail.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ОЛИМПИАДАМ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Изучение языка требует разносторонней филологической подготовки не только учителя, но и учащихся. К сожалению, школьный курс русского языка, предметом которого является современный русский язык, направлен на изучение языка прежде всего в синхроническом аспекте. В последние годы одним из разделов Всероссийской олимпиады по русскому языку стал раздел «История языка, диалектология, славистика», вопросы которого включают задания на выявление специфики русского языка среди других языков славянской группы, сопоставление древнего и современного значений слов, современных и устаревших (литературных и диалектных форм и другие). Среди основных причин, связанных с трудностью подготовки к такого рода вопросам, большинство опрошенных нами учителей русского языка указали (74 %) «дефицит методического пространства», связанный с недостатком доступной литературы по вопросам истории языка как для учителя, так и для учащихся. Кроме того, большинство пособий содержит лишь общую характеристику тех или иных исторических процессов в языке и не рассматривает конкретные примеры. Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью рассмотреть основные исторические процессы в области

истории русского языка, составить исторический комментарий к заданиям по истории русской письменности, истории языка и славистике. В связи со сказанным правомерной представляется гипотеза, согласно которой историко-лингвистические знания являются частью системного языкового мышления, филологической основой подготовки учителя-словесника. Целью предпринятого исследования является рассмотрение основных исторических языковых процессов, повлиявших на развитие системы современного русского языка и разработка историко-лингвистического комментария к типичным заданиям лингвистических олимпиад разного уровня. Задания олимпиад, связанные с историей развития языка и славистики, включает блок вопросов, предполагающих знание языкового родства, славянских языков, которые требуют специальной подготовки. В ходе исследования нами проанализированы задания олимпиад прошлых лет и представлены наиболее общие алгоритмы их решения по следующим группам языковых явлений: фонетические соответствия родственных славянских языковых систем; рефлексы этимонов кириллицы в русской культуре, история азбуки; явление полногласия / неполногласия, рефлексы редуцированных гласных, исторические изменения в области согласных. В статье предлагаются модели решения заданий и общие рекомендации по выполнению заданий по сравнительно-историческому языкознанию.

Ключевые слова: подготовка к олимпиаде, вопросы сравнительно-исторического языкознания, родство славянских языков

Введение

Предметом изучения русского языка в современной школе является прежде всего современный русский литературный язык, то есть система русского языка в синхронном аспекте, а история языка как специальная дисциплина в программу общеобразовательной школы не входит. Однако переориентация современного образования со знаниевой парадигмы на компетентностную и культуросообразную требует обращения и к диахроническому аспекту. Вопрос о необходимости изучения языка в диахроническом аспекте поднимался многими учеными-лингвистами. Ещё выдающиеся грамматисты XIX–XX вв. Ф. И. Буслаев, В. А. Богородицкий, А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов, Л. В. Щерба в своих трудах стремились связать преподавание русского языка с его историей.

Обобщая опыт реализации принципа историзма в изучении русского языка, профессор П. Я. Черных считает, что «для того чтобы учащиеся могли составить достаточно ясное представление о языке как поступательно развивающемся явлении, необходимо дополнять изучение основ науки о современном русском языке некоторыми важнейшими данными, касающимися древнерусского языка и истории его развития в связи с историей народа» [Черных. 1962, с. 5; см., также Бурлак, Старостин, 2005].

Отстаивая исторический подход к изучению языка, критикуя современные формы изучения русского языка в школе, представленного только с позиций синхронии, В. В. Колесов считает, что синхроническое изучение языка позволяет учащимся сформировать только знание на уровне нормы, однако оставляет за пределами изучения язык как систему, как онтологическое и феноменальное явление [Колесов, 1980].

Как это сделать, в каком объеме, на каком году обучения и пр. — всё это вопросы чисто методического характера. Рассмотрением этих вопросов занимается методика преподавания русского языка. Целью нашего исследования является лингвистический комментарий по

выполнению олимпиадных заданий, связанных с вопросами истории языка и вызывающих как у учителей, так и учащихся наибольшее затруднение в процессе подготовки.

Качественная подготовка школьника к выступлению на олимпиаде по русскому языку требует разносторонней филологической подготовки. В методических рекомендациях по разработке заданий для Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку последних лет определены основные знания и умения, которые должен продемонстрировать участник олимпиады. Среди них умения, в основе которых лежит диахронический подход к языку (знание истории русского алфавита и основных этапов становления русской орфографии; элементарная осведомлённость в происхождении слов и понимание закономерностей исторического развития лексического значения слова; навыки синхронного и диахронического морфемного и словообразовательного анализа и другие). Таким образом, для успешного выступления на олимпиаде школьник должен иметь хорошую подготовку по истории языка, однако программа школьного курса русского языка практически не включает системного изучения истории языка. Анализ олимпиадных заданий последних лет показал, что задания, связанные с историей языка, включают следующие разделы: родство славянских языков; происхождение письменности, деятельность Кирилла и Мефодия, реформы графики и орфографии; история графики, фонетики; историческая грамматика; этимология и историческая лексикология [Дзюба, Еремина, эл. р.; Задачи лингвистических олимпиад, эл. р.; Зайцева, 2017; Иванов, Потиха, 1978; Казбек-Казиева, 2006; Лысова и другие, 2018].

Учащимся необходимо применить школьный аппарат описания русского языка таким образом, чтобы с его помощью обнаружить закономерности и характеристики языковых явлений, которые требуют углублённых разысканий, определённых исследовательских усилий и «чувства языка», формируя способность воспринять язык панхронически и в диалектно раздробленном виде (то есть уметь, исходя из знаний школьной программы, выявить сущностные свойства языка, обнаружить понимание структурных и системных языковых отношений на материале не только современного языка, но и прошедших эпох, а также на диалектном материале и в сопоставлении с другими языками мира) [Методические рекомендации по проведению школьного и муниципального этапов Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку в 2018 / 2019 учебном году, 2018].

В «Методических рекомендациях по проведению школьного и муниципального этапов Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку в 2018 / 2019 учебном году» отмечается, что одним из разделов заданий, рекомендованных для составления вопросов, должен быть раздел «История языка, диалектология, славистика (выявление специфики русского языка среди других языков славянской группы; сопоставление древнего и современного значений слов, современных и устаревших (литературных и диалектных) форм и другие).

Анализ заданий Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку, олимпиады по языкознанию «Русский медвежонок», «Международной онлайн-олимпиады Фоксфорд», Многопрофильной инженерной олимпиады «Звезда» по русскому языку, Московской олимпиады по лингвистике и математике, которые регулярно включают задания, связанные с историей развития языка и славистики, позволил разделить их на несколько блоков.

Блок 1: понятие языкового родства, русский язык в кругу других славянских языков, роль старославянского языка в истории русского, различия старославянского и древнерусского языка и т. д.

Блок 2: история письменности, кириллица, буквы кириллицы. История графики: 1) названия букв кириллицы, фразеологизмы, содержащие эти названия; 2) соотношение кириллицы и современного русского алфавита. 3) буквы, утраченные и изменившиеся в истории, их особенности (юсы, ять, ерь и ер, ук и оник, кси, пси, фита, ижица, иже и ижеи, йотированные буквы).

Блок 3. Историческая фонетика: признаки старославянизмов, полногласие и неполногласие, исторические чередования, изменения шипящих и Ц.

В рамках данной статьи мы рассмотрим общие алгоритмы выполнения заданий по славянскому сравнительно-историческому языкознанию.

Основная часть

Этот раздел посвящен рассмотрению заданий раздела науки о языке, который практически не затрагивается в школе. Однако на лингвистических олимпиадах разного уровня вопросы, связанные со сравнением языков, встречаются довольно часто, и поэтому готовиться к ним нужно специально.

Для выполнения заданий данного типа необходимо знать группы славянских языков (южнославянские, восточнославянские, западнославянские), основные фонетические признаки, их отличающие.

Рассмотрим ряд заданий и дадим к ним комментарий.

Пример 1. Как будет по-польски и по-сербски *колос*, *голос*, *мороз*? [Казбек-Казиева, 2006, с. 101].

Примерный ответ: Польский и сербский языки относятся к славянской группе языков, но к разным группам: польский — западнославянский язык, сербский — южнославянский язык.

В словах *колос*, *голос*, *мороз* представлено полногласие, которое возникло на месте общеславянских дифтонгических сочетаний *or, *ol, *er, *el, которые в разных группах славянских языков изменились по-разному.

В южнославянских языках плавный согласный менялся местами с гласным звуком (явление метатезы), при этом гласный звук становился долгим и изменял свое качество (*ō > A), поэтому по-сербски указанные слова будут записаны: *колос* — *клас*, *голос* — *глас*, *мороз* — *мраз*.

В западнославянских языках (в том числе и в польском) открытие слога осуществлялось с помощью мены местами плавного согласного с гласным, но гласный не изменял своего качества: *колос* — (*klos*) *клос*, *голос* — (*glos*) *глос*, *мороз* — (*traz*) *мрос*.

Пример 2. Даны соответствующие друг другу слова двух родственных языков — русские и сербские, хорватские: *овёс* — *ovas*, *день* — *dan*, *река* — *reka*, *ветер* — *ветар*.

Как написать *нёс*, *конец*, *дед*?

При выполнении задания нужно обратить внимание на то, что в записанных примерах в русских словах с *e* и *ё* в сербском и хорватском соответствует *a* (*овёс* — *ovas*, *день* — *dan*, *ветер* — *ветар*). Кроме того нужно обратить внимание на еще одну особенность: в слове *ветер* на *a* заменяется только одна *e*.

Попробуем выяснить условие замены: нужно вспомнить явление беглости гласных: в словах *овёс* — *овса*, *день* — *дня*, *ветер* — *ветра* — мы наблюдаем беглость гласных, этот гласный в сербских и хорватских словах заменяется на *a*, значит, слова *нёс*, *конец*, в которых также есть

беглый гласный будут писаться: *ras*, *konas*. В слове *ветер* в первом слоге нет беглого гласного, поэтому слово *ded* будет написано: *ded*.

Далее в параграфе приводится подборка лингвистических задач, которые в разные годы предлагались для решения школьникам, принимавшим участие в традиционной Московской олимпиаде по лингвистике и математике.

Большая их часть посвящена установлению регулярных фонетических соответствий между родственными языками.

Пример 3. Даны соответствующие друг другу слова двух славянских языков — польского (в русской транскрипции) и русского:

[крова]	корова	[недобры]	недобрый
[гжып]	Гриб	?	рад
[може]	Море	[нагжэли]	нагрели
[бжег]	Берег	[бжушны]	брюшной
[пекаш]	пекарь	[остшыгли]	остригли
[кшывы]	кривой	[бродаты]	бородатый
[жэки]	Реки	[пивовар]	пивовар
?	Буря	?	дремали
?	Вебрь	?	здоровый

Примерный образец выполнения.

Сравнивая варианты русских и польских слов, можно отметить первую фонетическую особенность: на месте русского *p* в польском языке произносится [ж] перед гласным переднего ряда *e*: [*може*] — *more*, [*бжег*] — *берег*, [*нагжэли*] и др., перед мягким согласным, перед гласным *i* в польских словах мы наблюдаем *ш*, перед гласными непереднего ряда на месте русского *p* — польское *p*. Поэтому следующие слова следует записать: *буря* — [*бужа*], *дремали* — [*джэмали*].

В слове *вебрь*, как в слове *пекарь* [пекаш], на конце слова перед *ь*, на месте *р*ь — запишем *ш*: *вебрь* — [вепш].

В слове *здоровый* мы наблюдаем полногласие *-оро-*, в польском языке, который относится к западнославянской группе языков, открытие слога осуществлялось с помощью мены местами плавного согласного с гласным, но гласный не изменял своего качества. Слово *здоровый* по-польски нужно записать как [здровы], соблюдая еще грамматическую особенность: на месте полной формы прилагательных в русском языке записывается в польском языке краткая форма: *брюшной* — [*бжушны*], *кривой* — [*кшывы*].

Пример 4. Даны русские слова: *болото*, *владыка*, *влажный*, *волосатый*, *волость*, *излечение*, *локоть*, *обладать*, *оболочка*, *поладить*, *увлечение*, *уложить*.

Среди них имеется тройка слов, восходящих к одному и тому же общеславянскому корню, и кроме того, еще пара слов, восходящих к другому общеславянскому корню.

Задание. Найдите эту пару и эту тройку. Если в вашем решении предполагается, что корни изменили свой вид, подтвердите возможность каждого изменения примерами.

Примерный образец выполнения.

Для выполнения данного задания необходимо проанализировать примеры слов и выделить однокоренные слова, близкие по значению: *владыка* («повелитель, обладающий всем»), *волость* (В Древней Руси местность, область, подчиненная одной власти), *обладать* («владеть чем-либо»).

Данные слова образовались от общеславянского корня *vold-, в разных группах славянских языков дифтонгическое сочетание *ol- между согласными изменилось по-разному. В приведенных примерах мы видим слова старославянские по происхождению (старославянский язык относится к группе южнославянских языков), в которых открытие слога произошло путём перестановки гласного и согласного и удлинения гласного: *владыка, обладать*. В этих словах наблюдаются неполногласные сочетания. В слове *обладать* наблюдается ещё одно явление: в праславянскую эпоху закон открытого слога привёл к упрощению сочетания [бв], что отразилось прежде всего в выпадении после приставки *об-* звука [в] в начале корня [Иванов, Потиха, 1978, с. 46]. В результате выпадения [в] образовались новые корни слов: *об + влад(еть) > обладать*.

Третье слово в тройке — *волость*, оно образовалось в древнерусском языке, где дифтонгическое сочетание *ol- изменилось в полногласное сочетание -оло-.

При выборе второй группы слов следует ориентироваться на те же фонетические особенности: полногласие — неполногласие и упрощение сочетания [бв]. Ко второй группе слов следует отнести слова: *оболочка, увлечение*, которые также являются этимологически родственными, образованными от православянского *velkʹi («слой, облегающий, обтягивающий снаружи кого-что-нибудь»).

Слово *увлечение* является старославянским по происхождению. В южнославянских языках (в том числе и в старославянском) слог открывался следующим образом: плавный согласный менялся местами с гласным звуком (явление метатезы), при этом гласный звук становился долгим и изменял свое качество: *ē > ѣ, русском языке ѣ совпал со звуком [е]: *velkʹi > *увлькати* (ст. -сл.) > *увлекать (увлечение)* (русс).

Следует обратить внимание, что дифтонгическое сочетание *el- в восточнославянском языке изменялось в полногласие несколько иначе, чем другие сочетания. У восточных славян в дифтонгическом сочетании *tel-t первоначально гласный звук *e в позиции перед твердым согласным *l перешел в звук *o, а затем плавный согласный развил призвук того же качества, что и гласный в измененном дифтонгическом сочетании: *velkʹi > *volkti > *волючь*, подобное явление мы наблюдаем в однокоренных словах: *млекопитающий — молоко*.

При образовании слова при помощи приставки *об-* наблюдается так же упрощение сочетания [бв] и выпадение звука [в] в начале корня: *об + волючь > оболочка*.

Пример 5. Даны польские слова в стандартной польской орфографии и в упрощенной русской транскрипции и их переводы на русский язык:

Brat	[брат]	брат
Nos	[нос]	нос
Szum	[шум]	шум
Snop	[сноп]	сноп
rój	[руй]	рой
Mech	[мэх]	мех
Glód	[глут]	голод
Wal	[вал]	вал
Groch	[грох]	горох
Stóg	[стук]	стог
Mróz	[мрус]	мороз
Pop	[поп]	поп
Wlos	[вλος]	волос

Sen	[сэн]	сон
Wróg	[врук]	враг
Sok	[сок]	сок
Stól	?	?
?	[прук]	?
?	?	двор
?	?	шов
?	?	молот
?	?	боб

Задание 1. Заполните пропуски.

Задание 2. Одно из русских слов, имеющих в задаче, не является в русском языке исконным, а было заимствовано из родственного русскому и польскому старославянского языка. Найдите это слово.

Примерный образец выполнения.

При выполнении первого задания, сравнивая написание, произношение польских и русских слов, можно выделить несколько фонетических закономерностей:

1. Ударный *ó* переходит в русских словах в звук [y]: *rój* [руй] — *пой*; *stóg* [стук] — *смог* и др., следуя этой закономерности, учитываем явление оглушения согласного на конце слова, выбираем слова *боб* > [буп] > *bób*, *двор* > [двур] > *dwór* (w на месте русского [в], как в словах *włos* — *волос*, *wal* — *вал* и др.). Обратная запись будет при работе со словом *stól* > [стул] ударный *ó* переходит в звук [y] > *стул*.

2. В словах, в которых встречается изменение дифтонгических сочетаний с плавными, наблюдается следующее: во-первых, на месте дифтонгических сочетаний в польском языке присутствует неударный гласный *o*, этим словам в русском языке соответствуют полногласные сочетания *-оро-*, *-оло:* *groch* [грох] — *горох*, *włos* [влос] — *волос*; во-вторых, если *ó* ударный, то русскому полногласному варианту соответствует польское *-лу-*, *-пу-*: *glód* [глут] — *голод*, *mróz* [мрус] — *мороз*. Поэтому слова, предложенные в таблице, следует записать: *молот* > [млот] > *młot*; *порог* > [прук] > *prog*.

3. В слове *шов* ударный гласный *o* не такой долгий, поэтому сравниваем с польскими словами: *sen* (сон), *mech* (мох), что позволяет сделать вывод, что на месте русского *o* в польском слове следует писать *e*: *шов* > [шэф] > *szew* (соотношение для русского [ш] находим в слове *шум* > *szum*, помним, что русский звук [в] передается в польском языке *w*).

При выполнении 2 задания необходимо помнить, что перечисленные в задании языки: русский, польский, старославянский относятся к разным группам и процесс изменения дифтонгических сочетаний с плавными *r, *l между согласными проходил в них по-разному. Старославянским по происхождению является слова *враг*, ему соответствуют русское — *ворог*, польское — *wróg*. Дифтонгическое сочетание *-or- в южнославянских языках (к которым относится старославянский) при действии закона открытого слога изменилось следующим образом: плавный согласный менялся местами с гласным звуком, при этом гласный звук становился долгим и изменял свое качество: *ō > A: *vorg > враг; в западнославянских языках (польском) открытие слога осуществлялось с помощью мены местами плавного согласного с гласным, но гласный не изменял своего качества: *vorg > wróg; в восточнославянских языках (русском) плавный согласный развивал дополнительный призвук, который становился таким же гласным, что и гласный в дифтонгическом сочетании: *vorg > ворог.

Пример 6. Даны чешские слова и соответствующие им русские:

byt — быт	bitva — битва
druh — друг	trouba — труба
hl'ist — глист	by'vati — бывать
kvas — квас	d'avati — давать
pl'a'st' — плащ	padati падать
pout' — путь	krou'ziti — кружить
soud — суд	l'izati — лизать
st'it — щит	mu'citi — мучить
vid — вид	mysliti — мыслить
zar — жар	

Задание. Переведите на чешский язык: *чиж, зуб, бык, кусать*.

Примечание. Знак ' означает долготу гласной (над буквой i он ставится вместо точки), знак ' — мягкость предшествующей согласной.

Примерный образец выполнения.

Поскольку в задании требуется перевести русские слова на чешский, попытаемся составить правила, обеспечивающие переход (на буквенном уровне) от русских слов, содержащихся в основном материале задачи, к чешским.

С согласными всё просто: русским б, в, г, д, ж, з, к, л, м, п, р, с, т, ч соответствуют чешские b, v, h, d, z, k, l, m, p, r, s, t, c; русскому щ соответствует st в начале слова (st'it) и st' в конце слова (pl'a'st'); русскому конечному ть соответствует t' в существительном (pout'), но ti в инфинитивах глаголов.

С гласными сложнее: каждому русскому гласному соответствуют два чешских — краткий и долгий; при этом, однако, для чешского u в роли долгого варианта выступает не u', а ou.

Рассмотрим вначале столбец неодносложных слов. Замечаем, что долгие чешские гласные (и ou) встречаются только в первом слоге. Они представлены в словах: trouba, by'vati, d'avati, krou'ziti, l'izati. В остальных словах этого столбца все гласные краткие: bitva, padati, mu'citi, mysliti.

Чем же различаются их русские соответствия? Прочтём переводы первой и второй группы вслух, и сразу станет понятно: разница в ударении: ср.: *труб'а, быв'ать, дав'ать, кружи'ть, лиз'ать и би'тва, п'адать, м'учить, мы'слить*. Таким образом, для слов второго столбца верно, что в чешском слове долгота появляется в некотором слоге тогда и только тогда, когда в соответствующем русском слове ударение падает на один слог правее. Грубо говоря, чешская долгота соответствует русской предупредности. К сожалению, ситуация в первом столбце указанному правилу не подчиняется. Здесь представлены только односложные словоформы (совершенно одинаковые в смысле ударения), между тем различаются, как и во втором столбце, с одной стороны, hl'ist, pl'a'st', pout', soud, st'it (с долгими гласными), с другой — byt, druh, kvas, vid, zar (с краткими).

В чём же причина этого различия в данном случае? Если в примерах второго столбца разгадка основана на обращении к русскому ударению, нельзя ли попытаться и здесь найти какие-то различия, связанные с ударением? Но тогда, конечно, необходимо как-то выйти за рамки односложных словоформ. Задача немедленно решается, как только мы попробуем, например, просклонять рассматриваемые слова. В первой группе мы видим в родительном падеже: *глист'а, плащ'а, пути', суд'а, щит'а*, а во второй — *бы'та, др'уга, кв'аса, ви'да, жар'а*. Становится понятно, что здесь действует в сущности то же самое правило, что и для

примеров из второго столбца. Только мы должны теперь дополнить его указанием о том, что у русских существительных с односложной основой для проверки должна использоваться словоформа с ненулевым окончанием (например, родит. падеж ед. числа).

Теперь мы уже можем выполнить задание: чиж – číř (ср. чиж'а); зуб — zub (ср. з'уба); бык — byk (ср. бык'а); кусать — kousati (поскольку ударение здесь кус'ать).

Пример 7. В левой колонке приведены слова чешского языка, а в правой — их значения в произвольном порядке. Учитывая родственные связи чешского и русского языков, приведите в соответствие слова и их значения; обоснуйте свой ответ.

(Справка: в чешском языке сочетание букв ch обозначает звук, похожий на русский звук [x], буква h — такой же звук, как в словах ого, ага; буква u обозначает звук, похожий на русский [ы]; ě — звук, похожий на русский [ч]; ž — звук, похожий на русский звук [ж]).

Слова чешского языка	Значения этих слов
<i>dorost</i>	перезрелая груша
<i>dotyk</i>	прикосновение
<i>dovažek</i>	довесок
<i>dráha</i>	молодежь
<i>hlína</i>	сброд
<i>hnilička</i>	корыстолюбие
<i>holota</i>	зубы
<i>hrabivost</i>	щупальце
<i>chapadlo</i>	земля
<i>chrup</i>	трамвай

Примерный образец выполнения.

Слова чешского языка	Значения этих слов	Комментарий
<i>dorost</i>	молодежь	Ср. русск. рост, расти, росток, отросток и т. п.; Идея роста стала в чешском языке выражением идеи юности, молодости.
<i>Dotyk</i>	прикосновение	Ср. русск. ткнуть, тыкать, которые также выражают идею прикосновения, хотя и несколько иного характера.
<i>Dovažek</i>	довесок	Ср. русск. важный, вага 'вес, тяжесть', 'большие весы на торговой площади', 'толстое тяжелое бревно, используемое как рычаг для подъема тяжестей'; в славянские языки слово пришло из немецкого Wage 'весы'.
<i>Dráha</i>	трамвай	Ср. русск. дроги 'погребальная повозка, колесница'.
<i>Hlina</i>	земля	Ср. русск. глина.
<i>Hnilička</i>	перезрелая груша	Ср. русск. гнить (гнилой, гниль) 'разрушаться, портиться, разлагаться'.
<i>Holota</i>	сброд	Ср. русск. голытьба 'беднота, оборванцы'.
<i>hrabivost</i>	корыстолюбие	Ср. русск. грабить 'отнимать силой в разбойном нападении, разорять поборами, взятками, взысканиями', грабеж, грабитель.
<i>chapadlo</i>	щупальце	Ср. русск. хапать 'хватать'
<i>Chrup</i>	зубы	Ср. русск. хрупать 'есть, раскусывая или разгрызая с треском'.

Пример 8. Даны польские слова и их переводы на русский: *krowa* — корова, *chlod* — холод, *mlodosc* — молодость.

Как переводятся на русский язык слова *sroka*, *sloma*, *krol*? [Казбек-Казиева, 2006, с. 113].

Примерный образец выполнения.

При выполнении данного задания необходимо выполнить 2 действия: во-первых, отнести предложенные славянские языки к нужным группам: русский относится к восточнославянской группе, польский — западнославянской; во-вторых, наблюдая над предложенными примерами, отметить фонетическую закономерность: в русских словах мы наблюдаем полногласие, поэтому нужно знать, что данное явление появилось в восточнославянских языках вследствие изменения дифтонгических сочетаний с плавными *r, *l между согласными и этот процесс по-разному происходил в разных группах славянских языков. В западнославянских языках открытие слога осуществлялось с помощью мены местами плавного согласного с гласным, но гласный не изменял своего качества (как уже отмечалось в задании 3): *sroka*, *sloma*, *krol*. Поэтому в соответствующих русских словах будут полногласные сочетания: *sroka* — *сорока*, *sloma* — *солома*, *krol* — *король*.

Пример 9. Сравните чешские слова с их русскими фонетическими эквивалентами: *vrah* — враг, *hrad* — город, *stráž* — сторож, *kráva* — корова. Объясните возможную этимологию названия столицы Чехии — Праги (чеш. *Praha*).

Примерный образец выполнения.

Как и для выполнения предыдущего задания необходимо вспомнить группы славянских языков и особенности изменения дифтонгических сочетаний с плавными. Но в данном случае определение группы славянских языков потребует уточнения, следует учитывать историческое влияние старославянского языка на чешский язык: по классификации чешский язык относится к западнославянской группе языков, но при объяснении значения чешского слова *Praha* следует оговориться, что здесь мы наблюдаем старославянский вариант изменения дифтонгического сочетания: в западнославянской группе изменение дифтонгического сочетания и открытие слога происходило с помощью мены местами плавного согласного с гласным, но гласный не изменял своего качества: тогда общеславянский корень в чешском языке изменился следующим образом: *Porga > Proga. В современном названии столиц Чехии Прага мы видим, что плавный согласный меняется местами с гласным звуком, при этом гласный звук удлиняется: *ō > A: *Porga > Praga (скорее всего, это влияние старославянского языка). Заменяя неполногласное сочетание -ра- на соответствующее русское полногласное сочетание -оро- получаем слово порог, то есть берег реки, с каменными порогами у бродов. «Порог» по-чешски означает «roh» — высокий берег по форме тоже можно сравнить с порогом.

Пример 10. Выделите старославянские и русские по происхождению слова. Свой ответ аргументируйте.

Агнец, олень, утро, единый, озеро, ящерица, один, юный, явиться, уха, осень, ягненок, узы, юг, аз.

Примерный образец выполнения.

Выполнение данного задания требует не только определения происхождения слова (русское или старославянское), но и аргументации, которую можно предложить на основе таблицы, используемой при ответе в предыдущем задании (пример 8).

Агнец, *аз* — старославянизмы, в них наблюдается начальное а на месте русского о (ср. агнец — ягненок, аз — я). *Ящерица*, *явиться* — русские слова, начальное я.

Олень, озеро, один — русские по происхождению слова, в которых наблюдается начальное *о* на месте старославянского *е* (ср. *елень, езеро, единый* — старославянские варианты), поэтому признаку слово *осень* является старославянизмом (ср. *осень* русск.).

Утро, уха, узы — русские слова (начальное *у*), *юный, юг* — старославянские (начальное *ю*).

Пример 11. К старославянизмам дайте русские соответствия или однокоренные слова; укажите фонетические признаки старославянизмов: *ельха, юродивый, чуждый, ладья*.

Примерный образец выполнения.

Выполняя данное задание, следует вспомнить основные фонетические признаки старославянских слов и русских слов, которые приведены в таблице при комментировании к выполнению задания примера 7.

Ельха — фонетический признак старославянизма начальное *е*, которому в русском языке соответствует современное *о*, которое можно наблюдать в слове *ольха*.

Юродивый — фонетический признак старославянского слова начальное *ю*, которому в русском языке соответствует русское *у* в таких словах как *уродливый, урод*.

В слове *чуждый* наблюдается такой фонетический признак старославянских слов как сочетание согласных *жд*, которому в русских словах соответствует *ж*: *чужой*.

В слове *ладья* можно увидеть начальное сочетание *ла-*, которое является также признаком старославянских слов, в исконно русских словах на месте начального сочетания *ла-* мы наблюдаем начальное *ло-*: *лодка*.

Пример 12. Напишите древнерусскую и старославянскую формы слов, опираясь на их праславянские формы:

- а) *medja, *nevědja, *světja;
- б) *melko, *pelnъ, *helm, *vorna, *berza, *borna;
- в) *orstъ, *ordlo, *orbъ, *olkътъ, *orgъnъ.

Примерный образец выполнения.

Выполнение данного задания требует знания групп славянских языков (например, восточнославянские, южнославянские языки). Кроме того нужно учитывать особенности фонетических изменений в общеславянских словах в зависимости от того, к какой группе языков относится язык.

Выполнение задания актуализирует знание особенностей трех фонетических процессов: во-первых, изменение согласных под влиянием йотовой палатализации (первая группа слов); во-вторых, изменение дифтонгических сочетаний с плавными, в результате которого в старославянском языке (южнославянский язык) появились неполногласные сочетания, а в русском языке (восточнославянский язык) на их месте наблюдается полногласие (слова 2 группы); в-третьих, изменение начальных сочетаний *ol, *or в начале слова, которые в старославянском языке изменились в начальные *ра-*, а в русском языке в начальное *ро-*.

Поэтому предложенное задание можно выполнить следующим образом:

а) *medja общеславянское сочетание *dj* в старославянском языке изменилось в сочетание *жд*: между, в древнерусском языке на месте *dj* развился *ж*: *межа*.

По этому принципу записываем остальные слова:

*nevědja — старославянская форма *невежда*, древнерусское написание — *невежа*.

В слове *světja общеславянское сочетание *tj* в старославянском языке изменилось в *щ* — *свеща* (*свешта*), в древнерусском языке на месте *tj* образовался *ч*: *свеча*.

б) В словах этой группы (*melko, *pelнь, *helm, *vorna, *berza, *borna) в старославянской форме будет неполногласие, которое образовывалось при мене гласного и согласного местами и удлинении согласного: *ē > ѣ (рус. е), *ō > А, в русском языке на их месте будет полногласие.

Общеславянская форма	Старославянская форма	Древнерусская форма
*melko	Млѣко	молоко
*pelнь	Плѣнь	полонь
*helm	Шлѣмь	шеломь
*vorna	Врана	ворона
*berza	Брѣза	береза
*borna	Брана	борона

в) В третьей группе слов в старославянской форме начальные дифтонгические сочетания изменились в ра-, ла-: *orstь — расти, *ordlo — радло, *orbь — рабь, *olkьть — лакоть, *ogвьпь — равень.

В древнерусском языке начальные дифтонгические сочетания изменились в ро-, ло-: *orstь — рость, *ordlo — родло, *orbь — роб (робить), *olkьть — локоть, *ogвьпь — ровень.

Итак, мы рассмотрели основные типы олимпиадных заданий, требующие сопоставления рефлексов праязыковых форм (в данном случае общеславянских форм) в нескольких языках-потомках, относящихся к разным группам. Кроме того большинство из рассмотренных заданий (№ 1, 3, 4, 5, 7, 8 и другие) включало знание особенностей изменения дифтонгических сочетаний в разных группах славянских языков. Выполнение ряда заданий базируется на знании сравнительно-исторических изменений общеславянских форм в старославянском и древнерусском языках, знание фонетических особенностей старославянизмов.

Заключение

В ходе работы нами проанализировано более 100 заданий лингвистических олимпиад для школьников разного уровня, основанные на знании исторических изменений в фонетической системе русского языка, родственных славянских языков, славянской графики, которые находят отражение в современных языковых фактах.

Выполнение данных заданий представляет для учащихся определенную трудность, так как школьный курс русского языка рассматривает только синхронический аспект, не включает материала по истории языка. Кроме того при дополнительной самостоятельной работе учащимся и учителям на данный момент не достаточно информации, которая бы показала логику выполнения типичных заданий на основе знаний истории фонетической системы.

Отсутствие единого свода упражнений, в котором охвачены и даны в историческом срезе основные разделы языка, и стало поводом к составлению историко-лингвистического комментария к заданиям.

Анализ пособий по подготовке к олимпиадам выявил еще одну проблему. Доступные для работы пособия, которые включают задания по истории языка, при достаточно большом объеме предлагаемых разнообразных заданий либо не содержат ответов на задания (пособие автора-составителя Д. А. Пелихова «Сборник заданий по истории русского языка для подготовки к олимпиадам»), либо очень краткий ответ, не раскрывающий сути явления и не позволяющий осознанно подойти к выполнению тренировочного задания (пособие М. М. Казбек-Казиевой «Подготовка к олимпиадам по русскому языку» и др.).

В ходе исследования нами проанализированы задания олимпиад прошлых лет и представлены наиболее общие алгоритмы их решения по следующим группам языковых явлений:

- фонетические соответствия родственных славянских языковых систем;
- рефлексы этимонов кириллицы в русской культуре, история азбуки;
- явление полногласия / неполногласия;
- рефлексы редуцированных гласных;
- исторические изменения в области согласных.

Рассматривая особенности заданий каждой группы, можно отметить следующее. При выполнении заданий на выявление общих черт в разных группах славянских языков мы отметили, что большая часть заданий предполагает сравнение русского языка с чешским, польским, старославянским.

Решение подобных заданий основано на знании: во-первых, таких фонетических особенностей южнославянских, западнославянских и восточнославянских групп языков, как изменение дифтонгических сочетаний с плавными, особенностей изменений согласных; во-вторых, на разграничении фонетических особенностей старославянизмов и русизмов.

Анализируя задания олимпиад, мы отметили, что самыми распространенными заданиями, связанными с историческими изменениями в области фонетики, касаются таких явлений как полногласие / неполногласие, падение редуцированных *ъ* и *ь*, а также изменения в области согласных.

Список литературы

1. Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. Москва: Издательский центр «Академия», 2005. 432 с.
2. Дзюба Е. В., Еремина С. А. Вопросы истории языка на Всероссийской олимпиаде школьников. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-istorii-yazyka-na-vserossiyskoy-olimpiade-shkolnikov> (дата обращения: 16.07.2019).
3. Задачи лингвистических олимпиад. 1965–1975 / Ред.–сост. В. И. Беликов, Е. В. Муравенко, М. Е. Алексеев. URL: <https://mccme.ru/llsh/books/olimp-1965-1975/lingv> (дата обращения: 20.07.2019).
4. Зайцева О. Н. Олимпиады по русскому языку. 5–9 классы. ФГОС. Москва: Издательство «Экзамен», 2017. 319 с.
5. Иванов В. В., Потиха З. А. Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе: Пособие для учителя. Москва: Просвещение, 1978. 159 с.
6. Казбек-Казиева М. М. Подготовка к олимпиадам по русскому языку. 5–11 классы. Москва: Айрис-пресс, 2006. 160 с.
7. Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. Москва: Высшая школа, 1980. 215 с.
8. Лысова О. В., Батухтин И. Ю., Климина Ю. Е., Яншаева Д. И. Историко-лингвистический аспект подготовки учащихся к олимпиадам по русскому языку // Инновационные технологии российского и зарубежного образования: коллективная монография / Отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск: Зебра, 2018. С. 309–320.
9. Методические рекомендации по проведению школьного и муниципального этапов Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку в 2018 / 2019 учебном году, 2018. URL: vserosolymp.rudn.ru/mm/mpp/files/rus-sm-2019.pdf (дата обращения: 26.10.2019).
10. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. Москва: Учпедгиз, 1962. 377 с.

Abdullina A. Sh.

*Grand Ph. D. (Philology),
Birsk Branch of Bashkir State University*

Lysova O. V.

*Ph. D. (Philology), Assistant Professor,
Birsk Branch of Bashkir State University*

Klimina Yu. Ye.

*Master Student,
Birsk Branch of Bashkir State University*

INTERDISCIPLINARY APPROACH IN PREPARATION FOR THE RUSSIAN LANGUAGE OLYMPIADS

Learning a language requires versatile philological training both for teachers and students. Unfortunately, the Russian language school course language, the subject of which is the modern Russian language, is directed to learn a language primarily in the synchronous aspect. In recent years, one of the sections of the All-Russian Olympiad in the Russian language was the section of "The History of Language, Dialectology, and Slavic Studies", it includes tasks to identify the specifics of the Russian language among other languages of the Slavic group, a comparison of ancient and modern word meanings, modern and obsolete (literary and dialectal) forms, etc.). Among the main reasons for the difficulty in preparing for these tasks, most of the Russian language teachers we interviewed (74 %) indicated "lack of methodological space" associated with lack of available literature on the history of language for both teachers and students. In addition, most manuals contain only a general description of certain historical processes in the language and do not contain practical examples. Thus, it is important to consider the main historical processes in the history of the Russian language, to make a historical commentary on assignments on the history of Russian writing, the history of language, and Slavic studies. In connection with the above said, we consider the idea that historical linguistic knowledge is a part of systemic language thinking, and the philological basis of language teachers preparation. The purpose of the undertaken research is to consider the main historical linguistic processes that influenced the development of the system of the modern Russian language and the development of historical linguistic commentary on typical tasks of linguistic olympiads of different levels. Assignments of Olympiads related to the history of the development of the language and Slavic studies, include a block of questions involving knowledge of linguistic affinity and Slavic languages that require special training. In the course of the study, we analyzed the tasks of the Olympiads of past years and presented the most common algorithms for completing. Thus, we consider the following groups of linguistic phenomena: phonetic correspondence of related Slavic language systems; Cyrillic etymon reflexes in the Russian culture, the history of the alphabet; the phenomenon of complete agreement / disagreement, reflexes of reduced vowels, the historical changes in the field of consonants. The article offers models for completing tasks and general recommendations on the performance of tasks in comparative historical linguistics.

Keywords: preparation for the Olympiads, issues of comparative historical linguistics, affinity of Slavic languages.

УДК 303. 442. 4

Votintseva Natalia Nikolaevna

Ph. D. (Philosophy),

Assistant Professor of the Department of Humanities
and Social and Economic Disciplines,
Perm State Pharmaceutical Academy

614990, Perm, Polevaya street, 2.

Phone: +7 (342) 2623680

E-mail: perm@pfa.ru

Khorosheva Ekaterina Igorevna

Master, Teacher of the Department of English language
and Intercultural Communication, Perm State University

614990, Perm, Bukireva street, 15.

Phone: +7 (342) 2396655

E-mail: int_dpt@psu.ru

**INTELLECTUAL GAME AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT
OF COGNITIVE ABILITIES IN THE LEARNING PROCESS**

The article deals with the peculiarity of the formation of the interrelation between mental and verbal operations in the learning process when using gaming technologies. Despite the fact that it is directly problematic to observe thinking activity, indirectly — in the process of verbalization we observe a number of aspects of the formation of thought-word connections. Intermediate results in the form of notes and conclusions are presented, as a result of approbation of the game “ARGUMENTARIUM”, which is a card game in several circles, in order to identify problems argumentative skills. The attention of teachers in this study was attracted by the aspect of the game that at a certain stage there is either formation or development of cognitive abilities. It turned out that in this play process, each certain stage of the game (setting, inclusion, deep immersion, reflection, prolonged action) is associated with the manifestation of a number of cognitive abilities. The considered game form as a technique is good, according to the majority of participants, for “brain training”. Through the identification of the problems of argumentation, there is also an awareness of the orientation of cognitive development. The ability not only to raise questions qualitatively and correctly and to look into the depths of things is formed, but also the ethical and aesthetic aspect is marked. Participants appreciate that positive excitement from the opportunity to think freely, to join “living thinking”, to see the beauty of correct speech. Teachers practicing this form note the connection with other methods forming “Soft skills” and see the basis for interdisciplinary cooperation through the formation of translanguistic competences. The results of the application of this game form certainly deserve further research, especially in the era of development of games.

Keywords: playing space, deep immersion, cognitive abilities, thinking, verbalization, prolonged inclusiveness, argumentation.

Introduction

The modern world constantly raises the question of participants and their role in the learning process. The increasing volume of information requires a special organization and stimulation of students, the development of special techniques, methods and techniques for learning the material, which in turn requires the teacher to work out new methods, appropriate and skillful inclusion of them into the learning process.

Within the framework of modern didactics, learning process is seen as a multifaceted process. If this process is viewed from the teaching and the teacher, then it is necessary to take into account the involvement and engagement of the very teacher. This is not just about those who "by vocation" are engaged in teaching activities, as well as those who are aware of the need for development, being in the education system itself.

Training in higher education depends on the nature of the interaction of all structures: joint activity of teachers, students, administration is carried out; all participants are engaged in organizing relevant events; the activity must comply with the state standards of education and achieve the goal including a profile orientation. All these characteristics are related to the favorable grounds for the formation of cognitive abilities as the basic ones in the learning process.

It would seem that cognitive abilities are properties inherent in all people as a biological species, which manifest themselves in the form of mental or verbal abilities.

Despite the fact that mastering, for example, the mother tongue begins early enough and depends on many factors, the cognitive abilities themselves can not reach completion in their development at some particular age, but, conversely, they can develop throughout the life of a person.

Undoubtedly, the peculiarity of the social world has an impact on the development of cognitive abilities. In the course of teaching activities, namely the teaching of humanities in higher education institutions over the past 15 years, there has been an increase in the percentage of those students who have problems with the ability to formulate conclusions, build cause and effect relationships and others. An intellectual game, conducted during the last four years, continues to please the results in solving problems related to the development of links between "thinking and speaking". The basis of intellectual gambling was brought in 2012 from Moscow State University as a game of philosophical cafe "Filosophskie Finiki" (Philosophical dates) or abbreviated "Fi-Fi". In the student's environment, the method of the game was transformed and the game itself is now positioned as "ARGUMENTARIUM". The fundamentals of the game were asked by Doctor of Philosophy, Professor, Retyunskikh Larisa Timofeevna, based on the method of dialogue Socrates [Retyunskykh, 2003.].

Nowadays, the essence of the game "ARGUMENTARIUM" in Perm is a few circles of playing cards (5–7 rounds), where the total duration from 1 to 3 hours. On the cards are written notions of all humanitarian character, the total number of them is 88, in each circle the winner's card is determined according to the ability of argumentation, the one who has the fewest cards in his hand wins. As a method can be used in any discipline at the discretion of the instructor, the set (content of terminology and quantity) of cards can be compiled independently.

Main part

Consider this game form as one of the factors that affects the development of such abilities as to think and speak, or rather, to speak meaningfully. Many students note that they can not express their

idea. The proposed methodology just allows to cope with this problem, but this is not the only plus that can be observed. Let's imagine the game form as a change of certain stages.

The way of submitting a material is, for example, the very declaration of a game affects the student's mind more like something entertaining. The game theory of Huizinga J. is remembered itself. "Every abstract expression is a speech image, every speech image is nothing but a play of words. Thus, mankind again and again creates its expression of being, the second, fictional world next to the world of nature"¹. It is thanks to the verbal form that the very "human" world is created, that form of being that is the materialized world of human thoughts. Regardless of whether we share the definition of Huizinga J., that the game is the embodiment of life itself, or do not share, the proposed definitions of the game are only partially true and that the game always contains something more than certain characteristics². However, consider what we are given a specific intellectual game for the development of cognitive abilities. In teaching the game form is used both as a way of cognition [Chernov R. P., 2001] and as a method of formation of creative and reflexive thinking. We join colleagues from Perm State National Research University, who are developing the technology "Soft skills". Thanks to such methods, fully agreed with colleagues, it is possible to "counteract the tendency of young people without any reflection to accept or, on the contrary, to deny, any publicly expressed point of view" [Beresnev V. D., Beresneva N. I., 2018, p. 53].

In the method of "ARGUMENTARIUM" the stages of the game are interesting to correlate with the levels of cognitive immersion.

After the announcement of the game, the participants are automatically in a certain field — rules are set. Let us call this stage the setup stage, regardless of the sudden the teacher announced the game or prepared the audience in advance. As for cognitive abilities, than at this stage, the "attitude" to the game form is formed. The name "intellectual game" indicates the direction of the action, in this way it is attractive for the interested part of the audience, which tends toward this type of activity. For that part of the audience that has low motivation to participate in the game and they are "forced" to be on the game (holding by the teacher of the game during the classroom or "for company") they also differentiate the "announcement" as a game form, but they are not inspired with the emphasis on "intellectual". In the course of the game, such participants are a more significant example as they demonstrate not just a reluctance to participate, which is not always associated with fear of "public speaking". It is this part of the "undesirables" that demonstrate a poorly developed ability for abstract thinking or possess a weakly developed categorical apparatus, vocabulary. Such participants are more difficult on the first game, but if there is an awareness of the need to "fix the situation" then when removing the block in the form of the first misunderstanding effect, and if successful steps in the game give confidence, the next stages of the game are more valuable, because the participant realizes the possibility of his/her cognitive abilities, which the participant did not suspect. In fact, the game tends to be relatively entertaining. In the course of playing activity, there is a deep intellectual tension, but this is the next stage.

The second stage is called inclusiveness, where participants are included in the game process, which is directly related to the manifestation of a number of cognitive abilities. The start of the

¹ Huizinga Y. Homo Ludens. Articles on the history of culture. I. The nature and significance of the game as a cultural phenomenon. Page 24 // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Heiz/01.php

² See the philosophy of the game [Electronic resource] – www.mirznanii.com/a/229699/filosofiya-igry. 2 section.

game is related to the reference text. It is worth pointing out that the starting line can be not only text, it can be a picture, a movie, depending on a number of technical reasons and the decision of the teacher as a moderator of the game. Consider the variant with the printed text — each participant has the text and the text should be read and analyzed. In some classrooms this stage passes like reading aloud by one sentence, paragraph by all the participants in turn. At this stage, the ability to perceive the whole text through the connection of sentences is actualized. If you look more closely, the basis is the ability to perceive words in according to their alphabetic composition — not even the perception itself, but the speed of perception. After reading the text, it is necessary to ask to it some problematic questions, which can not be answered unambiguously with "yes" or "no". Both in reading and in understanding the meaning of the reading, the ability to understand not only the printed text but also oral speech is included, there is a transition to verbal communication, where the ability to understand moves from text to speaker. Participants need to understand who speaks and understands what the one says about who answers the question "what is the meaning of the text".

The third stage can be considered a deep immersion, which is demonstrated by the participants of the game during the subsequent rounds of the game until the end of the game. In the course of this immersion, except the speed of perception, deep penetration into their own cognitive depths develops — the participants must defend their card reasonably, it is also a "notion", linking the original text in a limited frame — the rules of each circle are given certain parameters and time — an abbreviated original and logical answer is appreciated. This requires the manifestation of the ability to build either a general conclusion or a conclusion based on specific sets of words and their connections (induction). At the same time, the ability to deductive reasoning is manifested, where from general position it is necessary to come to confirming particular examples, premises. Briefly, this two-sided inductive and deductive relationship can be called the ability trace cause and effect relationships. This ability is valuable both in constructing the argumentation of one's answer, and in evaluating other participants. In the presence of a "floating jury", each participant during the game tries on the possibility of evaluating the answers of other participants, which involves additional abilities to match the proposed requirements i. e., it is necessary to trace the internal logic of the answer and the correspondence of this answer to external, specified requirements. At this stage, one more feature can be traced: deep dive, on the one hand, may seem that it detaches from reality (ascent from the concrete to the abstract), on the other hand — links with reality, helps to consider the versatility of being or a certain phenomena in the world (the ascent from the abstract to the specific).

Despite the "relatively entertaining" nature of the game, it requires concentration and requires certain knowledge — the basic necessary knowledge is related to the definition of the meaning of words, concepts, categories. The game in question implies rather open and trustful communication of all participants. In the course of the game, erudition, examples from other works or other studied disciplines or spheres of life are valued. If there is a difficulty in constructing the argumentation, it is possible to ask what value a term has for any participant, including the teacher, the possibility of using Internet resources, for example, dictionaries and encyclopedias, is not ruled out. In the case where the interpretation has several meanings or requires historical or etymological analysis to be taken into account, the instructor or the expert present from the participants himself takes on this advisory role. It is worth noting that it is at this stage of deep immersion that tension is removed,

which is related not only to the entertaining aspect, but also to the depth of immersion in the detection of meanings in the course of arguments. It turns out that there is no room for fear and fear is replaced by intellectual euphoria from one's own cognitive abilities and abilities or from observation of logic in the answers of other participants.

The next stage of the game can be called a reflection – this is the winner's estimation, and the response of each participant. Constantly hear from players about the removal of tension during the game. Often the very excitement at the beginning of the game is associated with the participation of teachers on a par with students. But then this is not regarded as a controlling factor, but as possible support and assistance. During the game, participants each time see a variety of approaches to both the topic under study and the options for answering the question posed. From practice, we give as an example the "feedbacks" of students: "I didn't think it was so easy to answer", "at first, it seems that everything is simple, and then you understand how deep the topic is and how it can be turned", "you constantly learn something new", "generally I haven't thought that before", "you look at the cards and think about how their speaker will communicate their voice, and when you listen to the answer, you are surprised at the logic and ingenuity". Game moments gently force the participants to learn something new, some knowledge automatically has to deepen. Many say that after the game you have to look in the dictionaries or read and reread the works, which were referenced by one of the participants during the game. Some students are so caught that this transfers into a true research search.

There is an experience of writing articles by students and full time participation at conferences on the basis of those topics that were considered during this or that game. This method not only echoes the already mentioned "Soft skills" technology, introduced in 2015 in the curricula of the Faculty of Philosophy and Sociology of PSU through the course "Writing and Thinking" [Beresnev V. D., Beresneva N. I., 2018, p. 53.]. The fact is that in the course "Writing and thinking" writing the final work is mandatory. In the game "ARGUMENTARIUM" the expression of reflection is optional, only desirable. This of course is due to the fact that "ARGUMENTARIUM" is a game and it is not an obligatory discipline "by choice" and is positioned as "outside educational" activity. The choice is left to the student and, as it is recommended, can be manifested in independent work of the student on any creative project.

At the moment of reflection, there is an analysis of one's own cognitive abilities, in which uncertainty was often observed. This form of play enhances participants' self-esteem, while demonstrating the vastness of cognitive possibilities. If the game is planned and the original theme is known, the participants themselves note the need to get acquainted with the source material (text, film, picture, etc.). As the participants themselves note after the game, if the film is not watched (on the basis of which the game is based), it is not interesting and difficult to play, and often it is simply impossible. This, in turn, can be used by the teacher for unobtrusive motivation to perform both homework and study additional topics related to the study of discipline.

Given that the winner has the opportunity to choose a theme for the next game, it is worth noting one more specificity – "prolonged inclusiveness" is observed — this is "presence in the topic" of players from game to game. The winner has the right to determine the topic, and accordingly the form of submission of the source material (text, film, picture, etc.) for the next game. Students' proposals reflect their interests. Participants often ask at the beginning of the game how the choice of the topic was conditioned and the answer is precisely personal interest — the desire to

understand, see the other sides and solutions to a particular problem. Students surprise with selected topics and this shows their interest, involvement in the analysis of current world events, social problems, psychological aspects of relationships, etc. According to the feedbacks of participants, you can keep track of how long they continue to reflect on the previous topic. In the course of reflection, unexpectedly a large number of participants regularly note the possibility of "being heard" as positive. Goodness and goodwill are noted in the course of the game — "they will not put a bad / low assessment", "nobody will scold you, what you said wrong", but on the contrary, participants feel support of each other, and the teacher as a specialist and professional who helps and prompting directs. I will turn again to the "feedbacks" of students: "they listen to me here", "I have the opportunity to express my opinion", "I know that I will not be laughed at if I say something wrong", "every time I say more confidently". Undoubtedly, it is important — awareness of one's own value and the importance of personal opinion, perhaps this is something that must be taken into account in our education system, starting with the pedagogical development of each teacher. This aspect leads to another component — the acceptance of another, as another way of thinking, as another possibility — of another answer. This creates a comfortable environment and tolerance for dissent in the broadest and most positive understanding of it. The game in this case forms the ability not only to listen, but to hear another person, even if the opinion does not coincide. Automatically this affects the formation of the flexibility of the mind, "living thinking".

All participants are limited to a certain set of cards, but during the games — even for the same text — a complete repetition was not — it emphasizes the uniqueness of the players, rather than the uniqueness of the method itself. Many participants note a positive "dependence" on this game and note that this game is the place where you want to come yourself, what you need, that is, an internal motivation for selfdevelopment of cognitive abilities develops.

In the course of this game form, participants form the skill of communication of thought operations with their verbalization, which requires both a special intellectual tension, and a tremulous cautious attitude to the word. There is a correlation between thinking and verbalization, for which it is necessary to expand both the volume of knowledge itself and vocabulary. This topic is in line with the problem of transsemiotic competences, thanks to which "it is possible to carry out access to other than language, areas of activity. The basic concept for consideration of translanguistic competences is the semiotic activity of a professional person, expressed in the processes of education and development of linguistic signs" [Mishlanova S. L., Alekseeva L. M. P. 84]. The search for access to other spaces through language is the major guidelines of development of pedagogy in the modern world, which deserves close attention and interdisciplinary cooperation.

Conclusion

In the course of the development of this game form, master classes on the transfer of this methodological basis have been held several times, and the teachers are willing to use the basic elements of this technology in their pedagogical and teaching practice. This game is growing, continuing to develop and finds the audience outside of educational institutions, but this is already the topic of another article, although the demand demonstrates the need for the public to develop their skills — logic, thinking, speaking. Currently, the game is used both as a method and as an

independent "form of life" — reports, comments, reflections of participants, including students, can be viewed in the social network "VKontakte" in the group "ARGUMENTARIUM PERM"¹.

In this game form, the cognitive abilities of all participants develop and the teacher's participation can be narrowed, limited or reduced only to moderation. To create a favorable atmosphere for the game, the teacher needs confidence, tact, restraint, patience. As a moderator, the teacher can be included in the game when an expert estimation or demonstration of the opposite argument is needed, which the participants did not voice, but it is necessary to offer such a variant in the form of a clarifying question, excluding edification.

You can not ignore the fact that the teacher in this game, regardless of the scale of inclusion, also gets its bonuses — he or she also develops. Non-standard ways of constructing arguments, even inept options for students, allow to develop methodological techniques for the further development of discipline. During the game, participants, developing their thinking, demonstrate a variety of approaches in a live dialogue — this can not be learnt from books. In the proposed interpersonal communication, each participant feels unique. Each player has the opportunity to express himself, but also to replenish himself (his vocabulary, at least) thanks to others.

During the game, the source text is interpreted, with a very deep immersion in the meanings that the author intended and found by the participants in the game. This game practice contributes in a casual form to a qualitative penetration into the meanings of the text, develops argumentation skills that are a manifestation of the development of cognitive abilities

Список литературы

1. Береснев В. Д., Береснева Н. И. Технологии soft skills в анализе текста (методическая разработка) // Евразийский гуманитарный журнал, 2018. № 1. С. 51–55.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Москва: Эксмо, 2014. 1224 с.
3. Леванова Е. А. Игра в тренинге. Возможности игрового взаимодействия. Феномен игры в научных теориях и культуре. URL: <https://psy.wikireading.ru/26397> (дата обращения: 09.11.2018).
4. Мишланова Л. М., Алексеева Л. М. Понятие транссемиотических компетенций // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 83–88.
5. Ретюнских Л. Т. Школа Сократа. Философские игры десять лет спустя. Учебное пособие для вузов. Москва: Изд-во «Московский психолого-социальный институт»; Воронеж: МОДЭК, 2003. 205 с.
6. Сарычев О. В. Философия игры в европейской мысли: Историко-проблемное рассмотрение. Дисс ...к. ф. н. Тула, 2002. 180 с.
7. Хёйзинга Й. Homo ludens. Человек играющий / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; Коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Heiz/01.php (дата обращения: 09.11.2018).
8. Чернов Р. П. Игра — объект анализа или элемент метода познания? URL: <https://pravorub.ru/articles/1561.html> (дата обращения: 09.11.2018).
9. Эльконин Д. Б. Психология игры Москва: ВЛАДОС, 1999. 360 с. URL: [http://psychlib.ru/mgppu/EPI-1999/EPI-001.htm#\\$p1](http://psychlib.ru/mgppu/EPI-1999/EPI-001.htm#$p1) (дата обращения: 11.06.2018).
10. Эпштейн М. Игра в жизни и искусстве URL: www.studfiles.net/preview/2911608 (дата обращения: 12.06.2018).

¹ ARGUMENTARIUM PERM // <https://vk.com/argumentarium.perm>

Вотинцева Н. Н.

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Пермская государственная фармацевтическая академия

Хорошева Е. И.

Магистр, преподаватель кафедры английского языка
и межкультурной коммуникации,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИГРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
КОГНИТИВНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ**

В статье рассматриваются особенности формирования взаимосвязи мыслительных и вербальных операций в процессе обучения при использовании игровых технологий. Несмотря на то, что наблюдать мыслительную деятельность напрямую проблематично, опосредованно — в процессе вербализации мы наблюдаем ряд аспектов формирования связей «мысль-слово». Представлены промежуточные итоги в виде заметок и выводов, в результате апробации игры «АРГУМЕНТАРИУМ», которая представляет собой карточную игру в несколько кругов, с целью выявления проблемных моментов аргументационных навыков. Внимание преподавателей в данном исследовании привлёк тот аспект игры, что на определённом этапе происходит либо формирование, либо развитие когнитивных способностей. казалось, что в данном игровом процессе, каждый определённый этап игры (настройка, включенность, глубокое погружение, рефлексия, пролонгированное действие) связан с проявлением ряда когнитивных способностей. Рассматриваемая игровая форма в качестве методика хороша, по мнению большинства участников, для «тренировки мозга». Через выявление проблем аргументации, происходит и осознание направленности когнитивного развития. Формируется умение не только качественно-правильно ставить вопросы и смотреть в глубь вещей, но и отмечен этико-эстетический аспект. Участники ценят тот позитивный азарт от возможности мыслить свободно, приобщения к «живому мышлению», увидеть красоту правильной речи. Практикующие данную форму преподаватели отмечают её связь с другими методиками, формирующими «Soft skills» и видят основание для междисциплинарного сотрудничества благодаря формированию транслингвистических компетенций. Результаты применения данной игровой формы безусловно заслуживают дальнейшего исследования, тем более в эпоху развития игр.

Ключевые слова: игровое пространство, глубокое погружение, когнитивные способности, мышление, вербализация, пролонгированная включенность, аргументация.

УДК 81'25

Хорошева Наталья Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел.: +7(342)2396306
E-mail: romanphil@rambler.ru

Шутёмова Наталья Валерьевна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры лингвистики и перевода, профессор кафедры лингводидактики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел.: +7(342)2396283
E-mail: lingconf14@mail.ru

**ДИЗАЙН МАГИСТЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ
«ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»
ПО НАПРАВЛЕНИЮ 45.04.02 «ЛИНГВИСТИКА»¹**

В статье рассматривается проект магистратуры прикладного типа «Переводческое обеспечение международной деятельности» как образовательного продукта, обосновывается его необходимость, формулируются теоретические основы, определяются образовательные принципы, описывается содержательное наполнение и прогнозируемые результаты. Программа разработана с учётом когнитивной парадигмы в переводоведении, основывается на принципах антропоцентричности, междисциплинарности, коммуникативности и включает важные для развития профессионализма переводчика теоретические и практические дисциплины базовой и вариативной части, дисциплины по выбору, научно-исследовательскую работу, производственную и преддипломную практики. Диапазон изучаемых дисциплин включает практический курс профессиональной коммуникации на первом иностранном языке, которым является английский, и на втором иностранном языке, в качестве которых студентам предлагается французский, испанский или немецкий язык, практические курсы письменного и устного последовательного перевода в сфере международной деятельности, курс перевода с листа и основ синхронного перевода, реферативного перевода. Изучается деловой протокол и профессиональная этика переводчика, характеристики дипломатического дискурса и перевода дипломатических документов.

¹ Работа выполнена при поддержке Благотворительного фонда В. Потанина. ГК № 180000595. Разработка магистерской программы «Переводческое обеспечение международной деятельности».

Программа составлена исходя из компетентностного подхода в соответствии с ФГОС нового поколения, дает возможность выстраивания индивидуальной образовательной траектории магистранта, предполагает обязательность включенного обучения в рамках академической мобильности в университетах Франции, Испании.

Ключевые слова: перевод; международная деятельность; магистратура прикладного типа; когнитивно-дискурсивное переводоведение; антропоцентричность; коммуникативность; междисциплинарность; переводческие компетенции.

Введение

Магистерская программа по профилю «Переводческое обеспечение международной деятельности» разработана в Пермском государственном национальном исследовательском университете как тип прикладной магистратуры, нацеленной на практико-ориентированную подготовку магистрантов к переводу и лингвистическому сопровождению профессиональной коммуникации в области международного сотрудничества. Необходимость разработки данного проекта для университета обусловлена ограниченным объемом курса перевода в рамках бакалавриата по направлению «Лингвистика», что не позволяет сформировать все компетенции, необходимые переводчику в его профессиональной деятельности. В период с 2016 по 2018 гг. магистерская программа была создана, многократно откорректирована и прошла процедуру государственного лицензирования. В том же году данный проект вошёл в число победителей грантового конкурса «Благотворительного фонда В. Потанина» и получил не только признание, но и финансовую поддержку. В 2019 г. впервые был объявлен набор абитуриентов на данную программу в нашем вузе.

Основная часть

В настоящее время в российской высшей школе наблюдаются две основные парадигмы в подготовке переводчиков. Прежде всего, это государственные университеты, реализующие программы бакалавриата и магистратуры (реже — специалитета) по двум наиболее распространённым направлениям — «Лингвистика» и «Перевод и переводоведение» с различными профилями. Как правило, эти программы соответствуют ФГОС, реже — самостоятельно установленным образовательным стандартам (СУОС) университетов, и являются преемниками лучших традиций академического обучения переводу, сложившихся в России. Обратной стороной этого подхода являются тяжеловесность и немобильность учебных планов, которые сложно адаптировать к быстро меняющимся условиям рынка, жёсткое требование к кадровому обеспечению, сложности адаптации к специфике международного образования при включённом обучении за рубежом. С другой стороны, есть весьма успешные примеры высших школ перевода — прежде всего Санкт-Петербургской высшей школы перевода, где учебные планы очень подвижны, не будучи связанными государственными стандартами, и позволяют максимально интенсифицировать процесс профессиональной подготовки, привлекая только практикующих переводчиков в качестве преподавателей. Разработанный нами проект является попыткой соединить два подхода, выдвинув в качестве основных принципов системность государственного образовательного стандарта и мобильность блока дисциплин по выбору. К преподаванию также привлечены практикующие переводчики экстра-класса и эксперты в области новых технологий в переводе.

В зарубежной образовательной практике для нас является ориентиром так называемый интерпретативный подход, или интерпретативная теория перевода, принятая в Высшей школе переводчиков ESIT (Ecole supérieure d'interprètes et de traducteurs) при Университете Новая Сорбонна Париж-3, Франция, с которой кафедра лингвистики и перевода ПГНИУ сотрудничает с 2012 г. Прежде всего мы опираемся на теорию Д. Селескович и М. Ледерер [Seleskovich, Lederer, 1984], основанную на различении значения языкового знака и невербального смысла, при этом в процессе перевода дифференцируются три стадии: интерпретации (понимания) дискурса, девербализации и переформулирования. Основным для нас является когнитивно-дискурсивный подход к пониманию перевода, проходящий «сквозной нитью» через содержание проекта, разрабатываемого в контексте когнитивно-дискурсивной парадигмы в переводоведении, формируемой в связи с динамичным развитием когнитивной и дискурсивной лингвистики, семиотики, лингвистики текста, лингвокультурологии. В этом контексте современное переводоведение характеризуется антропоцентризмом и междисциплинарностью, а перевод приобретает многогранную трактовку. В конце XX — начале XXI вв. он изучается с позиции когнитивистики, психолингвистики, семиотики, дискурсивной, информационной, интертекстуальной, деятельностной, синергетической теорий, развивается философия перевода [Автономова, 2008; Алексеева, 2000, 2010, 2012, 2013; Алексеева, Шутёмова 2016; Биbihин, 2001; Галева, 1999; Казакова, 2003, 2006; Кузьмина, 2009; Кушникова 2009; 2011; Минченков, 2007; Нестерова, 2005; Сорокин, 2003; Фесенко, 2002; Gutt, 2000; Hatim, Mason, 1997; Lederer, 1990; Malmkjar, 2005; Pugliese, 2005; Seleskovitch, Lederer, 1984; Steele, 2005; Steiner, 1988; Venuti, 2004].

Процесс перевода получает не результативную трактовку, ориентированную на достижение эквивалентности в переводе, а динамическую, учитывающую и лингвистические, и информационные, и психологические факторы при его моделировании. Определяя перевод как «мыслительную деятельность, направленную на воссоздание исходного смысла», и прослеживая эволюцию переводоведения, Л. М. Алексеева [Алексеева, 2010, с. 132] отмечает, что на современном этапе изменяется представление о материале и объекте перевода. На смену их отождествлению приходит понимание объекта как мыслительного конструкта, который формируется в сознании переводящей личности при рефлексивном освоении оригинала. Для современного переводоведения характерно стремление «к целостности передачи смысла», а не к «полноте передачи содержания» [Там же], использование рефлексивного, а не субституционно-трансформационного метода.

В современных теориях переосмысляются базовые для лингвистического переводоведения понятия эквивалентности, адекватности, соответствия, трансформации. Ключевыми становятся понятия вторичности как онтологического свойства перевода, переводческого пространства, переводящей личности, интеллектуальной деятельности, понимания, рефлексии, смысла, гармонии, синергии. Одной из основных тенденций развития стало изучение переводческого процесса в зависимости от фактора типа текста, происходит переход к системному осмыслению типологических свойств текста, подлежащих репрезентации при переводе.

Когнитивная транслятология выбрана нами в качестве основы проекта, так как она позволяет изучать перевод как «разновидность когнитивной деятельности человека,

предполагающей взаимодействие когнитивных и языковых структур индивида (переводчика) в самом широком контексте его психосемиотической характерологии» [Фесенко, 2002, с. 66]. Такая интерпретация перевода связана с формированием представления о переводчике как «интерпретаторе смыслового кода, заложенного в исходном тексте», а не «вербальном перекодировщике» [Там же]. Когнитивная транслятология отстаивает тезис о репрезентации концептосферы оригинала, а не о переводе вербальных форм, идею значимости концептуальных систем в трансформации смысла оригинала. Соответственно процесс перевода описывается как активизация в сознании переводчика концептов языковыми единицами исходного текста и их репрезентация средствами языка перевода. Соотнесенность концептов и вербальных репрезентантов рассматривается в зависимости от множества факторов, одним из которых является специфика национальной культуры. С этой точки зрения перевод трактуется как «лингвальная проекция ментальных структур переводчика, активизированных в процессе перевода» [Там же]. Основой данного процесса, по мнению Т. А. Фесенко, является переработка информации, имеющая когнитивную природу и включающая восприятие одного вида информации и ее трансформацию в другой вид, поэтому особое значение при рассмотрении перевода отводится процессу концептуализации. Формы информационной трансформации различаются исследователем по степени сложности: так, перекодирование считается простейшей формой и соотнесено с лингвистическим переводом, а концептуальный перевод, по мнению автора, затрагивает более сложные трансформации. В целом, в когнитивной транслятологии создается «интегративная лингвально-ментальная модель концептуального перевода» [Там же, с. 70], структура которой детерминирована концептуальной, лингвистической, текстовой, коммуникативной и социокультурной константами перевода.

В целом с учетом достижений когнитивного переводоведения и существующих образовательных практик мы принимаем следующие исходные принципы, на основе которых выстроена концепция нашего образовательного проекта:

- антропоцентричность: обучать практическому переводу необходимо посредством анализа этапов деятельности, через которые проходит личность переводящего человека (от понимания смысла исходного текста до его перевыражения средствами другого языка);
- коммуникативность: этапы переводческой деятельности можно проследить только в условиях реальной речевой коммуникации, отсюда важность всех прикладных условий реализации магистерской программы;
- междисциплинарность: подготовка профессионалов перевода в современных условиях требует обязательной интеграции знаний различных наук и практик — когнитивистики, психологии, нейрофизиологии, психолингвистики, информационных наук, новейших медиатехнологий и другие.

Актуальность магистерской программы обусловлена практическим запросом со стороны рынка труда Пермского края и сложившейся ситуацией: с одной стороны, имеется широко-масштабная международная деятельность Пермского края, охватывающая многочисленные проекты в сфере бизнеса, науки, культуры на корпоративном, муниципальном, краевом уровнях. В экономике региона прослеживается все более четкая установка на экспорт. Мы понимаем, что важным фактором успешности этих проектов является эффективное переводческое сопровождение, которое должно отвечать международным профессиональным

стандартам. С другой стороны, рынок профессионального перевода в крае является недостаточно развитым: несмотря на наличие нескольких крупных переводческих бюро и агентств, постоянно возникает нехватка переводчиков высокого класса, особенно устных, способных оперативно обеспечить переводческое сопровождение международных контактов. Зачастую выпускники вузов, даже владея иностранными языками на высоком уровне, имеют слабое представление о реальном рынке переводческих услуг и обнаруживают незнание инфраструктуры, специфики профессиональных отношений в этой области. В этой связи важно подчеркнуть, что программа в рамках данного проекта разрабатывается для магистратуры прикладного типа и имеет практико-ориентированный характер. Формируемые у студентов компетенции будут востребованы в бюро переводов, отделах международных связей компаний и администраций, торгово-промышленных палатах, структурах событийного и информационного менеджмента, образовательных учреждениях, департаментах лингвистического сопровождения предприятий и организаций. Отметим три наиболее значимых момента в данном отношении.

– Во-первых, компетентностный подход, лежащий в основе ФГОС нового поколения, позволяет «развернуть» направленность подготовки в сторону практической деятельности, что для прикладной магистратуры по переводу является ключевым моментом.

– Во-вторых, это возможность для магистрантов выстраивать собственную образовательную траекторию за счет увеличения дисциплин вариативного цикла, большей доли самостоятельной работы.

– Наконец, для реализации данной программы важнейшей характеристикой ФГОС нового поколения является его ориентированность на выполнение Болонских соглашений, направленных на интеграцию образовательных систем Европы. Разработанная магистерская программа предполагает возможность и даже обязательность включенного обучения в рамках академической мобильности в университетах-партнерах Европы (в частности, Высшей школе переводчиков ESIT, Париж, Франция) в течение одного или ряда семестров, а также прохождение переводческой практики.

В ходе освоения программы обучающиеся проходят углубленную подготовку в области решения теоретических и прикладных задач современного переводоведения. Программа готовит к переводческой и консультативно-коммуникативной деятельности с использованием двух рабочих языков, один из которых — английский. Учебный план предусматривает дисциплины и практики, направленные на формирование владения навыками письменного и устного перевода, новыми переводческими технологиями, а также на развитие способности осуществлять межкультурную коммуникацию в ситуациях международного и внешнеэкономического взаимодействия на основе подходов современного переводоведения и лингвистики. Благодаря сотрудничеству кафедры лингвистики и перевода с работодателями и зарубежными вузами-партнерами в ходе обучения в магистратуре по направлению «Лингвистика» делается акцент на связи с реальным профессиональным рынком переводческих услуг и возможности включенного обучения (в том числе прохождения практик) в форме академической мобильности. Лекционные курсы и практические занятия для магистрантов ведут авторитетные специалисты в области лингвистики и переводоведения, а также профессиональные переводчики и эксперты в области международной коммуникации.

Реализация проекта позволит подготовить компетентных переводчиков, способных эффективно обеспечивать реализацию международных проектов Перми и Пермского края, государственных и частных организаций в сфере бизнеса, культуры, образования и науки, а также участвовать в переводческих проектах на федеральном и международном уровнях. По итогам освоения магистерской программы студенты будут:

- владеть двумя рабочими иностранными языками на уровне C1 / B2 в соответствии со шкалой европейских компетенций;
- знать современные тенденции в переводе, владеть инновационными технологиями в переводе и уметь качественно выполнять все виды устного и письменного перевода в сфере международных отношений;
- владеть профессиональной этикой переводчика и деловым протоколом в сфере международных отношений;
- уметь использовать профессиональное оборудование для конференц-перевода;
- уметь эффективно использовать в переводе информационно-компьютерные технологии;
- иметь опыт включенного обучения в ведущих зарубежных вузах в форме академической мобильности: Университет Гренобль-Альпы (Франция), Высшая школа переводчиков, Университет Новая Сорбонна Париж-3 (Франция), Университет Сарагосы (Испания) и др.;
- иметь опыт адаптации к реальному переводческому рынку и участия в реальных переводческих проектах в рамках прохождения двух производственных практик.

Таким образом, проект даст возможность заполнить не занятую пока профессиональную «нишу» на рынке труда в регионе — в сфере профессионального перевода.

Успешность проекта прогнозируется по трем основным показателям:

- «на входе»: качество (результаты вступительных экзаменов, проходной балл) и количество (конкурс при поступлении) студентов, зачисленных на программу. Разработчики проекта видят в перспективе динамику программы — от востребованности среди выпускников бакалавриата ПГНИУ к контингенту абитуриентов из Уральского / Приволжского регионов;
- «в процессе»: практические успехи и реализованные переводческие проекты, в том числе международные, студентов под руководством преподавателей и профессиональных экспертов-переводчиков; развитие академической мобильности и в перспективе — выход на двойной диплом с одним из зарубежных университетов-партнеров; привлечение к реализации программы ведущих специалистов-переводчиков на долгосрочной и краткосрочной основе;
- «на выходе»: востребованность выпускников магистратуры на профессиональном рынке труда, показатели трудоустройства в динамике (через год, три, пять лет), отзывы работодателей, опубликованные переводы выпускников.

Структура образовательного продукта по направлению 45.04.02 Лингвистика, направленности (профилю) «Переводческое обеспечение международной деятельности», степень Магистр (2 года обучения) содержит базовую часть, вариативную часть, дисциплины по выбору, а также научно-исследовательскую работу, производственную и преддипломную практики.

Дисциплины, относящиеся к базовой части, нацелены на формирование системы знаний об основных различиях концептуальной и языковой картин мира носителей русского языка и изучаемых иностранных языков, а также призваны способствовать развитию компетенций по созданию и редактированию текстов профессионального назначения: «Практический курс профессиональной коммуникации на первом иностранном языке (английский)» и «Практический курс профессиональной коммуникации на втором иностранном языке (французский/испанский/немецкий)». Кроме того, к базовой части данного образовательного продукта относится и такая важнейшая дисциплина, как «Современные теории перевода», основной целью которой является понимание студентами сущности современного переводоведения и овладение его понятийным аппаратом для решения профессиональных задач.

Содержание вариативной части образовательного продукта характеризуется прикладной (практической) направленностью, что отражено в практических курсах письменного и устного последовательного перевода в сфере международной деятельности как на первом иностранном языке (английском), так и на втором иностранном языке (французском / испанском / немецком). При этом особый акцент делается на применении полученных навыков разного вида перевода в практике делового общения: «Деловой протокол и профессиональная этика переводчика», «Дипломатический дискурс и перевод дипломатических документов».

В структуру образовательного продукта включены дисциплины по выбору, основным критерием разработки которых является ориентация на реальные потребности современного переводческого рынка: «Перевод с листа и основы синхронного перевода», «Литературное редактирование перевода», «Постпереводческий анализ текста», «Когнитивно-дискурсивный анализ текста», «Реферативный перевод» и другие.

За время прохождения производственной практики магистранты приобретают не только компетенции в области профессиональной и корпоративной этики, но и овладевают навыками управления профессиональным коллективом лингвистов и способами организации его работы. В настоящее время у разработчиков имеется база работодателей, готовых принимать студентов для переводческой практики, в том числе и за рубежом (Высшая школа переводчиков ESIT, Франция). С 2012 г. кафедра лингвистики и перевода ПГНИУ сотрудничает с данным ведущим центром подготовки переводчиков экстра-класса. За это время более 20 наших студентов-бакалавров прошли стажировки и переводческую практику в данной школе. В 2017 г. договор о сотрудничестве был обновлен и продлен на очередные 5 лет — уже с головным вузом, Университетом Новая Сорбонна Париж-3, что расширило возможности академического обмена. Наши партнеры поддержали проект открытия магистратуры по переводу в ПГНИУ и выразили готовность принимать наших магистрантов сроком до полного семестра на включенное обучение.

Компетенции, которые формируются у студентов, сконцентрированы вокруг основных видов профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу магистратуры: собственно переводческой, консультативно-коммуникативной, научно-исследовательской, организационно-управленческой. В каждом из данных видов деятельности приобретенные компетенции непосредственно будут влиять на востребованность выпускников на рынке труда:

1) в переводческой деятельности: это приобретение практического и апробированного навыка письменного и устного перевода с двух рабочих языков (и это принципиальная установка проекта) в наиболее востребованных на рынке труда Пермского края сферах международной деятельности (бизнес-коммуникация, культура, наука);

2) в консультативно-коммуникативной деятельности: приобретение навыка профессионального коммуникатора в международной сфере, освоившего практические аспекты проведения деловых переговоров, конференций с использованием нескольких рабочих языков; навыка информационно-поисковой деятельности в сфере межкультурной коммуникации;

3) в научно-исследовательской деятельности: приобретение навыка научной рефлексии в отношении проблем переводческой деятельности, навыка критического анализа конкретных проблем международного взаимодействия;

4) в организационно-управленческой деятельности: приобретение навыка организации процесса письменного и устного перевода, в том числе в профессиональном коллективе; приобретение навыков организации проектных работ.

Возможность сочетать компетенции, сформированные в ходе обучения «на месте», с теми, которые формируются в реальной профессиональной среде (в ходе производственных практик) и адаптируются в ходе зарубежных стажировок и практик, дает основу для подготовки выпускников, востребованных не только на региональном, но и национальном, и даже международном рынке труда.

Поскольку возможности включения в учебные планы подготовки переводчиков дисциплин синхронного перевода были ограничены отсутствием технической возможности обучения данным навыкам — прежде всего специальной кабины (кабин) для синхронного перевода, а также аудио-оборудования (микрофоны, передатчики, наушники для слушателей и т. п.). Данное оборудование, моделирующее реальные условия осуществления конференц-перевода, позволяет эффективно проводить занятия по подготовке синхронных переводчиков, мастер-классы, тренинги, а также организовывать проведение международных секций научных конференций.

Грантовая поддержка позволила приобрести готовый комплект оборудования для синхронного перевода для данных целей: готовый комплект оборудования для синхронного перевода на 2 языка для 17 слушателей, включающий в себя настольную портативную кабину переводчиков, пульт и гарнитуры переводчиков, зарядный кейс и всю необходимую кабельную коммутацию.

Заключение

В целом принципиальная методическая новизна продукта состоит в объединении накопленного теоретического потенциала в сфере межкультурной коммуникации и переводоведения, прикладного выхода на реальные потребности современного переводческого рынка Пермского края через внедрение в практику переводческой деятельности когнитивно-дискурсивного подхода к переводу. Обращение к когнитивно-дискурсивному подходу в рамках практической переводческой деятельности открывает доступ к расшифровке глубинных пластов смысла любого типа текста, что в качестве итогового продукта позволяет иметь узкоспециализированные глоссарии по конкретным

сферам профессиональной деятельности. Таким образом, профессиональные переводческие компетенции магистрантов формируются поступательно, как благодаря логике построения цикла учебных дисциплин базовой части образовательного продукта, так и узкоспециализированной прикладной направленности дисциплин части вариативной.

Список литературы

1. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2008. 704 с.
2. Алексеева Л. М. Теория эквивалентности перевода как теория об относительности // Стереотипность и творчество в тексте. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2000. С. 64–83.
3. Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестник Пермского университета. Сер. «Российская и зарубежная филология». Вып. 1(7). Пермь, 2010. С. 45–51.
4. Алексеева Л. М. Специфика научного перевода. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2013. 125 с.
5. Алексеева Л. М., Шутёмова Н. В. Типология перевода. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2012. 198 с.
6. Алексеева Л. М., Шутёмова Н. В. Типологическая доминанта текста в переводе. Пермь: Изд-во «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2016. 204 с.
7. Биbihин В. В. Слово и событие. Москва: Эдиториал УРСС, 2001. 280 с.
8. Галеева Н. Л. Параметры типологии художественных текстов в деятельностной теории перевода. Дис. ... д. филол. н. Тверь, 1999. 352 с.
9. Казакова Т. А. Imagery in Translation. Практикум по художественному переводу. Учебное пособие. Санкт-Петербург: Союз, 2003. 320 с.
10. Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петербургский государственный университет», 2006. 224 с.
11. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Изд-во «Омский государственный университет», 2009. 228 с.
12. Кушнина Л. В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь: Изд-во «Пермский государственный технический университет», 2009. 196 с.
13. Кушнина Л. В. Перевод как синергетическая система // Вестник Пермского университета. Сер. «Российская и зарубежная филология». Вып. 3(15). Пермь, 2011. С. 81–86.
14. Минченков А. Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. Санкт-Петербург: Антология, 2007. 256 с.
15. Нестерова Н. М. Вторичность как онтологическое свойство перевода. Автореф. ... д. филол. н. Пермь, 2005. 42 с.
16. Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. Москва: Гнозис, 2003. 160 с.
17. Фесенко Т. А. Перевод в зеркале когнитивной науки // С любовью к языку: сб. науч. трудов. Посв. Е. С. Кубряковой. Москва, Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 65–71.
18. Gutt E. -A. Translation and Relevance. Manchester; Boston: St. Jerome, 2000. 271 p.
19. Hatim B., Mason I. The Translator as Communicator. London: Routledge. 1997. 244 p.
20. Lederer M. The role of Cognitive Complements in Interpreting // Interpreting — Yesterday, Today, and Tomorrow, ATA Scholarly Monograph Series. Vol. IV. SUNY, 1990, P. 53–60.

21. Malmkjar K. *Linguistics and the Language of Translation* / Edinburgh: Edinburgh University Press, 2005. 208 p.
22. Pugliese C. *Translation as Cultural Transfer: Challenges and Constraints*. Roma: Aracne, 2005. 158 p.
23. Seleskovitch D., Lederer M. *Interpréter pour traduire*, Paris: Didier Erudition, 1984. 311 p.
24. Steiner G. *After Babel. Aspects of language and translation*. Oxford University Press, 1988. 539 p.
25. Steele S. *The Translating Mind: Translation as a Game*. QuiEdit di S. D. S. snc Verona, Italy. 2005. 143 p.
26. Venuti L. *Retranslations: The Creation of Value // Translation and Culture* / Ed. by K. M. Faull. Bucknell University Press. 2004. P. 25–38.

Khorosheva N. V.

*Ph. D. (Philology), Head of the Department
of Linguistics and Translation,
Perm State University*

Shutemova N. V.

*Grand Ph. D. (Philology), Professor,
Department of Linguistics and Translation,
Linguodidactics Department,
Perm State University*

**DESIGN OF THE MASTER'S DEGREE PROGRAM
«TRANSLATION FOR INTERNATIONAL RELATIONS»**

The article deals with an educational project of the applied master's degree program «Translation for International Relations», considers its necessity, formulates theoretical foundations, defines educational principles, describes the contents and expected results. The program is developed in the context of the cognitive paradigm in Translation Studies and is based on anthropocentric, interdisciplinary, communicative principles and cognitive-discursive approach to understanding the essence of translation and its typology. Mind, thought, interpretation, cognition, coding, decoding, recoding are regarded as key notions of the project. It includes both theoretical and practical courses, research, production and pre-diploma practice which are important for the development of translator's competences. The curriculum covers a course of professional communication in the first foreign language, which is English, and in the second foreign language, that may be French, Spanish or German. The program contains courses of written translation and consecutive interpretation in the field of international relations, as well as a course of simultaneous translation. Moreover, the syllabus presupposes the study of business protocol and professional ethics of translator, diplomatic discourse and translation of diplomatic documents, etc. The program is based on the competence approach in accordance with the updated federal standards of education, makes it possible to work out an individual trajectory of studies for a student, assumes academic mobility and obligatory training in the universities-partners in France and Spain.

Keywords: translation; International Relations; applied master's degree program; cognitive-discursive approach in Translation Studies; anthropocentricity; communication; interdisciplinarity; translation competence.

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала.

2. К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.

3. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 1997–2003, шрифт Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — 1,0, поля сверху, снизу, слева, справа — 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

4. Графики, диаграммы не допускаются.

5. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

6. Объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также примечания и ссылки, должен быть 6–15 страниц, а для аспирантов — 6–8 страниц.

7. В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:

1 — код УДК;

2 — фамилия, имя, отчество автора (полностью);

3 — ученая степень, ученое звание;

4 — должность, место работы (если таковое имеется).

5 — контактная информация (адрес, e-mail, телефон — для размещения на сайте в сведениях об авторе);

6 — название статьи;

7 — аннотация (200–250 слов) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах;

8 — ключевые слова по содержанию статьи (5–8 слов и / или словосочетаний);

9 — ссылки.

Сведения, указанные в подпунктах 2–8, приводятся как на русском, так и на английском языках.

Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связывают отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографию, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках фамилию автора, год и страницы, например: [Иванов, 2005, с. 25], [Leiss, 2010, S. 234], [Fillmore, 1987, p. 34].

Пристатейные ссылки размещаются после текста статьи, предваряются словом «Список литературы» (не менее 10), оформляются в алфавитном порядке.

При ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается электронный адрес первичного источника информации и дата обращения в круглых скобках, например: (дата обращения 22.12.2014). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «Там же» или "Ibid. " (для документов, напечатанных латинским шрифтом). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч. » или "Op. cit. " (для документов, напечатанных латинским шрифтом). Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7. 0. 5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

9. При первом упоминании лица обязательно указываются И. О., которые отделяются пробелом от фамилии. Годы указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е гг., а не двадцатые годы. Не год или годы, а г. или гг. Не век или века, а в. или вв. Исключаются сокращения: др., проч., т. е., т. к.

Следует писать полностью: другие, прочие, то есть, так как. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., см. Знак % ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %; в иных случаях: «процент ... превышал 30». Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом (4 700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд. Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

10. Статьи аспирантов, соискателей и кандидатов наук принимаются редакцией к рассмотрению только вместе с рецензией (оригиналом) научного руководителя или ведущего специалиста, заверенной подписью и печатью организации, в которой работает рецензент. Рукопись направляется на рецензирование специалистам в данной области исследования. К публикации принимаются статьи, прошедшие рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

Рукопись, получившая отрицательные отзывы, решением редакционного совета отклоняется. Нуждающаяся в доработке статья направляется автору вместе с замечаниями рецензента.

Редакция оставляет за собой право отклонять без рецензии статьи, не соответствующие профилю журнала или оформленные с нарушением правил.

11. Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

12. Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

14. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов в каждом конкретном выпуске.

15. Редакция оставляет за собой право не публиковать статью. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Пример оформления списка литературы:

1. Бондарко А. В. Теоретические проблемы русской грамматики. Санкт-Петербург: Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2004. 207 с.

2. Бондарко А. В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. Российская академия наук / Отв. ред. А. В. Бондарко. Санкт-Петербург: Наука, 1998. С. 51–63.

3. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.05.2018).

Пример оформления статьи:

Иванов Иван Иванович

Кандидат филологических наук, доцент кафедры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

Тел.: 8 (342)2396756

E-mail: azxvdvs@mail.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ MOODLE В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ
БАКАЛАВРОВ ЕСТЕСТЕНОНАУЧНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ ПГНИУ**

В статье представлены особенности использования электронной системы MOODLE в обучении английскому языку студентов естественнонаучных факультетов ПГНИУ и проанализированы основные принципы, структура и преимущества данного вида работы. Также показано применение MOODLE в аудиторной и самостоятельной работе студентов. Автор поясняет, какие требования предъявляются к программам, применяемым в обучении в вузе. В статье отмечаются принципы, заложенные в основе системы MOODLE. Исследователь также доказывает, что возможность осуществления обратной связи участников образовательного процесса является одним из главных преимуществ системы MOODLE и что система MOODLE позволяет использовать тренировочное тестирование и осуществлять предварительную сдачу контрольных и лабораторных работ. В статье отмечается, что данная система основывается на коллаборативной технологии обучения, что позволяет организовать обучение в процессе совместного решения учебных задач и осуществлять взаимообмен знаниями. Также обращается внимание на то, что использование данного ресурса носит системный характер и чётко организовано. В статье описаны ключевые моменты при разработке электронного пособия на базе MOODLE. Автор показывает, что целью является создание информационно-образовательной системы, работа в которой будет способствовать повышению эффективности образовательного процесса. Также автор рассказывает о содержании электронного пособия. В статье отмечаются элементы, которые являются полезными и удобными при использовании MOODLE. Дается информация о текстах, включённых в пособие. Поясняется, какие материалы являются обязательными для изучения, а какие опциональными. Данные материалы могут эффективно применяться в работе со студентами I курса бакалавриата.

Ключевые слова: английский язык, информационно-коммуникативные технологии, MOODLE, иностранный язык, электронные системы обучения.

Введение

Текст Текст Текст Текст

Основная часть

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Заключение

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Список литературы

1.

Ivanov I. I.

*Ph. D. (Philology), Associate Professor, ... Department,
Perm State University*

**THE USE OF MOODLE IN TEACHING ENGLISH BACHELORS
OF NATURAL-FACULTIES OF PSU**

The article presents the features of the use of the electronic system MOODLE in teaching English to students of natural science faculties at PSU and analyzes the basic principles, structure and advantages of this type of work. Also the use of MOODLE in the classroom and independent work of students is shown. The author explains what the requirements are for programs used in teaching at the university. The article notes the principles underlying the MOODLE system. The researcher also argues that the possibility of providing feedback to participants in the educational process is one of the main advantages of the MOODLE system and that the MOODLE system allows to use training testing and carry out preliminary testing and

laboratory work. The article notes that this system is based on a collaborative learning technology that allows to organize training in the process of solving educational problems together and to implement the interchange of knowledge. It also draws attention to the fact that the use of this resource is systemic and well organized. The article describes the key points in the development of electronic manuals based on MOODLE. The author shows that the purpose of this development is to create an information and education system, which is able to contribute to the improvement of the educational process. The author also writes about the content of the electronic manual. The article points out elements that are useful and convenient when using MOODLE provides information about the texts is included in the manual, explains which materials are required for study, and which are optional. These materials can be effectively used in work with first-year bachelors.

Keywords: English, information and communication technologies, MOODLE, foreign language, electronic learning systems.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).
2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).
3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.
4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://evrazgumzhurnal.blogspot.com>